

ЧАРЛЗ
ДИККЕНС

✧
Лавка
древностей

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Чарльз Диккенс
Лавка древностей

«АСТ»

1840-1841

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Диккенс Ч.

Лавка древностей / Ч. Диккенс — «АСТ», 1840-1841

ISBN 978-5-17-069495-2

Один из самых красивых и изысканных романов Чарлза Диккенса, положенный в основу множества фильмов и телесериалов. История о странных вещах, странных людях и странных отношениях. Таинственная, фантастическая история, в которой черты реализма переплетаются с мотивами народной и литературной сказки. В ней есть и гротеск, и даже некоторые оттенки «готического» романа, полного мрачных тайн и зловещих недомолвок. Однако литературная эклектичность идет только на пользу «Лавке древностей», довершая стилистическую многогранность этого поистине поразительного произведения. Проходят времена и века, — а маленькая Нелли и ее дед, нищий мечтатель, по-прежнему бредут сквозь ветер, дождь и туман бесконечных дорог викторианской Англии...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-069495-2

© Диккенс Ч., 1840-1841

© АСТ, 1840-1841

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	15
Глава III	19
Глава IV	24
Глава V	30
Глава VI	34
Глава VII	40
Глава VIII	44
Глава IX	50
Глава X	56
Глава XI	59
Глава XII	64
Глава XIII	68
Глава XIV	74
Глава XV	78
Глава XVI	84
Глава XVII	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Диккенс Чарлз

Лавка древностей

Предисловие

В апреле 1840 года я выпустил в свет первый номер нового еженедельника, ценой в три пенса, под названием «Часы мистера Хамфри». Предполагалось, что в этом еженедельнике будут печататься не только рассказы, очерки, эссе, но и большой роман с продолжением, которое должно следовать не из номера в номер, а так, как это представится возможным и нужным для задуманного мною издания.

Первая глава этого романа появилась в четвертом выпуске «Часов мистера Хамфри», когда я уже убедился в том, насколько неуместна такая беспорядочность в повременной печати и когда читатели, как мне казалось, полностью разделили мое мнение. Я приступил к работе над большим романом с великим удовольствием и полагаю, что с не меньшим удовольствием его приняли и читатели. Будучи связан ранее взятыми на себя обязательствами, отрывающими меня от этой работы, я постарался как можно скорее избавиться от всяческих помех и, достигнув этого, с тех пор до окончания «Лавки древностей» помещал ее главу за главой в каждом очередном выпуске.

Когда роман был закончен, я решил освободить его от не имеющих к нему никакого касательства ассоциаций и промежуточного материала и изъясил те страницы «Часов мистера Хамфри», которые печатались вперемежку с ним. И вот, подобно неоконченному рассказу о ненастной ночи и нотариусе в «Сентиментальном путешествии», они перешли в собственность чемоданщика и маслодела. Признаюсь, мне очень не хотелось снабжать представителей этих почтенных ремесел начальными страницами оставленного мною замысла, где мистер Хамфри описывает самого себя и свой образ жизни. Сейчас я притворяюсь, будто вспоминаю об этом с философским спокойствием, как о событиях давно минувших, но тем не менее перо мое чуть заметно дрожит, выводя эти слова на бумаге. Впрочем, дело сделано, и сделано правильно, и «Часы мистера Хамфри» в первоначальном их виде, сгинув с белого света, стали одной из тех книг, которым цены нет, потому что их не прочитаешь ни за какие деньги, чего, как известно, нельзя сказать о других книгах.

Что касается самого романа, то я не собираюсь распространяться о нем здесь. Множество друзей, которых он подарил мне, множество сердец, которые он ко мне привлек, когда они были полны глубоко личного горя, придают ему ценность в моих глазах, далекую от общего значения и уходящую корнями «в иные пределы».

Скажу здесь только, что, работая над «Лавкой древностей», я все время старался окружить одинокую девочку странными, гротескными, но все же правдоподобными фигурами и собирал вокруг невинного личика, вокруг чистых помыслов маленькой Нелл галерею персонажей столь же причудливых и столь же несовместимых с ней, как те мрачные предметы, которые толпятся у ее постели, когда будущее ее лишь намечается.

Мистер Хамфри (до того, как он посвятил себя ремеслу чемоданщика и маслодела) должен был стать рассказчиком этой истории. Но поскольку я с самого начала задумал роман так, чтобы впоследствии выпустить его отдельной книжкой, кончина мистера Хамфри не потребовала никаких изменений.

В связи с «маленькой Нелл» у меня есть одно грустное, но вызывающее во мне чувство гордости воспоминание.

Странствования ее еще не подошли к концу, когда в одном литературном журнале появилось эссе, главной темой которого была она, и в нем так вдумчиво, так красноречиво, с такой

нежностью говорилось о ней самой и о ее призрачных спутниках, что с моей стороны было бы полной бесчувственностью, если бы при чтении его я не испытал радости и какой-то особой бодрости духа. Долгие годы спустя, познакомившись с Томасом Гудом и видя, как болезнь медленно сводит его, полного мужества, в могилу, я узнал, что он-то и был автором того эссе.

Глава I

Хоть я и старик, мне приятнее всего гулять поздним вечером. Летом в деревне я часто выхожу спозаранку и часами брожу по полям и проселочным дорогам или исчезаю из дому сразу на несколько дней, а то и недель; но в городе мне почти не случается бывать на улице раньше наступления темноты, хоть я, благодаренье Богу, как и всякое живое существо, люблю солнце и не могу не чувствовать, сколько радости оно проливает на землю.

Я пристрастился к этим поздним прогулкам как-то незаметно для самого себя – отчасти из-за своего телесного недостатка, а отчасти потому, что темнота больше располагает к размышлениям о нравах и делах тех, кого встречаешь на улицах. Ослепительный блеск и сутолока полдня не способствуют такому бесцельному занятию. Беглый взгляд на лицо, промелькнувшее в свете уличного фонаря или перед окном лавки, подчас открывает мне больше, чем встреча днем, а к тому же, говоря по правде, ночь в этом смысле добрее дня, которому свойственно грубо и без всякого сожаления разрушать наши едва возникшие иллюзии.

Вечное хождение взад и вперед, неутомимый шум, не стихающее ни на минуту шарканье подошв, способное сгладить и отшлифовать самый неровный булыжник, – как терпят все это обитатели узких улочек? Представьте больного, который лежит у себя дома где-нибудь в приходе Св. Мартина и, изнемогая от страданий, все же невольно (словно выполняя заданный урок) старается отличить по звуку шаги ребенка от шагов взрослого, жалкие опорки нищенки от сапожек щеголя, бесцельное шатанье с угла на угол от деловой походки, вялое ковылянье бродяги от бойкой поступи искателя приключений. Представьте себе гул и грохот, которые режут его слух, – непрерывный поток жизни, катящий волну за волной сквозь его тревожные сны, словно он осужден из века в век лежать на шумном кладбище – лежать мертвым, но слышать все это без всякой надежды на покой.

А сколько пешеходов тянется в обе стороны по мостам – во всяком случае по тем, где не взимают сборов! Остановившись погожим вечером у парапета, одни из них рассеянно смотрят на воду с неясной мыслью, что далеко-далеко отсюда эта река течет между зелеными берегами, мало-помалу разливаясь вширь, и наконец впадает в необъятное, безбрежное море; другие, сняв с плеч тяжелую ношу, глядят вниз и думают: какое счастье провести всю жизнь на ленивой, неповоротливой барже, посасывая трубочку да подремывая на брезенте, прокаленным горячими лучами солнца; а третьи – те, кто во многом отличен и от первых и от вторых, те, кто несет на плечах ношу, несравненно более тяжкую, – вспоминают, как давным-давно им приходилось то ли слышать, то ли читать, что из всех способов самоубийства самый простой и легкий – броситься в воду.

А Ковент-Гарденский рынок на рассвете, весенней или летней порой, когда сладостное благоухание цветов заглушает еще не рассеявшийся смрад ночной гульбы и сводит с ума захиревшего дрозда, который провел всю ночь в клетке, вывешенной за чердачное окошко! Бедняга! Он один здесь сродни тем маленьким пленникам, что либо валяются на земле, увянув от горячих рук захмелевших покупателей, либо, сомлев в тугих букетах, ждут часа, когда брызги воды освежат их в угоду тем, кто потрезвее, или на радость старичкам конторщикам, которые, спеша на работу, станут с удивлением ловить себя на невесть откуда взявшихся воспоминаниях о лесах и полях.

Но я не буду больше распространяться о своих странствованиях. Передо мной стоит другая цель. Мне хочется рассказать о случае, отметившем одну из моих прогулок, описание которых я и предпосылаю этой повести вместо предисловия.

Однажды вечером я забрел в Сити и, по своему обыкновению, шел медленно, размышляя о том о сем, как вдруг меня остановил чей-то тихий, приятный голос. Я не сразу уловил смысл вопроса, обращенного явно ко мне, и, быстро оглянувшись, увидел рядом с собой хорошенькую

девочку, которая спрашивала, как ей пройти на такую-то улицу, находившуюся, кстати сказать, совсем в другой части города.

– Это очень далеко отсюда, дитя мое, – ответил я.

– Да, сэр, – робко сказала она. – Я знаю, что далеко, я пришла отсюда.

– Одна? – удивился я.

– Это не беда, что одна. Вот только я сбилась с дороги и боюсь, как бы совсем не запутаться.

– Почему же ты спросила меня? А вдруг я пошлю тебя не туда, куда нужно?

– Нет! Этого не может быть! – воскликнула девочка. – Вы ведь старенький и сами ходите медленно.

Не берусь вам передать, как поразили меня эти слова, сказанные с такой силой убеждения, что у девочки даже выступили слезы на глазах и все ее хрупкое тельце затрепетало.

– Пойдем, я провожу тебя, – сказал я.

Девочка протянула мне руку смело, точно знала меня с колыбели, и мы медленно двинулись дальше. Она старательно принаравливалась к моим шагам, как будто считая, что это ей надо вести и охранять меня, а не наоборот. Я то и дело ловил на себе взгляды моей спутницы, видимо старавшейся угадать, не обманывают ли ее, и замечал, как взгляды эти раз от разу становятся все доверчивее и доверчивее.

Трудно было и мне не заинтересоваться этим ребенком – именно ребенком! – хотя ее столь юный вид объяснялся скорее маленьким ростом и хрупкостью фигурки. Одетая она была, пожалуй, чересчур легко, но очень опрятно, и ничто в ее облике не говорило о нищете или заброшенности.

– Кто же тебя послал так далеко, да еще одну? – спросил я.

– Тот, кто очень любит меня, сэр.

– А по какому делу?

– Этого я не могу вам сказать, – твердо ответила девочка.

Получив такой ответ, я с невольным удивлением посмотрел на нее. Что же это за поручение, если исполнительницу его заранее подготовили к расспросам? Быстрые детские глаза сразу же прочли мои мысли, и, посмотрев мне в лицо, девочка добавила, что ничего дурного тут нет, но только это большая тайна – тайна даже для нее.

В словах девочки не чувствовалось намерения схитрить или провести меня; они прозвучали с простодушной откровенностью, не оставлявшей сомнений в их правдивости. Мы шли всё так же рядом; мало-помалу она свылась со мной и начала весело болтать, но о своих домашних делах не обмолвилась больше ни словом, спросив только, короче ли эта новая дорога, которой я ее веду.

Я перебирал в уме сотни различных объяснений этой загадки и отбрасывал их одно за другим. Совесть не позволяла мне воспользоваться простодушием и признательностью ребенка. Я люблю детей, и если они, так недавно оставившие Божью обитель, отвечают нам тем же, их любовью шутить нельзя. Меня так обрадовало доверие этой девочки, что я решил заслужить его и не обманывать детского чувства, правильно подсказавшего ей, на кого она может положиться.

Но почему бы мне не повидать человека, который столь легкомысленно послал ребенка в такую даль, поздно вечером, без провожатых? А что, если вблизи дома она простится со мной? Предвидя это, я выбирал окольные пути, так что девочка узнала свою улицу лишь тогда, когда мы вышли на нее. Радостно захлопав в ладоши и побежав вперед, моя новая знакомая остановилась у маленького домика, дождалась меня на ступеньках и постучалась в дверь.

Часть этой двери была застекленная, без ставней, но я этого сначала не заметил, так как за ней стояла тьма и полная тишина, к тому же мне (не меньше, чем девочке) хотелось поскорее услышать ответ на наш стук. Она постучала второй, третий раз, и только тогда в

доме послышалось какое-то движение, а еще через минуту за стеклом блеснул слабый огонек, при свете которого я увидел и комнату и человека, медленно пробиравшегося к нам среди беспорядочно нагроможденных вещей.

Это был невысокий старик с длинными седыми волосами, лицо и фигуру которого ясно освещала свеча, так как он держал ее над головой и смотрел прямо вперед. Старость давно наложила на него свою печать, и все же мне показалось, будто в этом высохшем, тщедушном теле есть что-то общее с хрупкой фигуркой моей маленькой спутницы. Глаза – голубые у обоих – были бесспорно похожи, но лицо старика бороздили такие глубокие морщины и оно носило следы таких тяжких забот, что на этом сходство кончалось.

Комната, по которой он не спеша пробирался, представляла собой одно из тех хранилищ всяческого любопытного и редкостного добра, какие еще во множестве таятся по темным закоулкам Лондона, ревниво и недоверчиво скрывая свои пыльные сокровища от посторонних глаз. Здесь были рыцарские доспехи, маячившие в темноте, словно одетые в латы привидения; причудливые резные изделия, попавшие сюда из монастырей; ржавое оружие всех видов; уродцы – фарфоровые, деревянные, слоновой кости, чугунного литья; гобелены и мебель таких странных узоров и линий, какие можно придумать только во сне.

Бледный, как тень, старик удивительно подходил ко всей этой обстановке. Может быть, он сам и рыскал по старым церквям, склепам, опустевшим домам и собственными руками собирал все эти редкости. Здесь не было ни единой вещи, которая не казалась бы под стать ему, ни единой вещи, которая была бы более древней и ветхой, чем он.

Повернув ключ в замке, старик посмотрел на меня с недоумением, и оно ничуть не уменьшилось, когда его взгляд упал на мою спутницу. А она сразу же, с порога, стала рассказывать ему о нашем знакомстве, называя его дедушкой.

– Голубка моя! – воскликнул старик, глядя ее по голове. – Как же это ты заплуталась? Что, если бы я потерял мою маленькую Нелл!

– Не бойся, дедушка! – уверенно сказала она. – *К тебе* я всегда найду дорогу.

Старик поцеловал ее, потом повернулся ко мне и пригласил меня зайти в дом, что я и сделал. Дверь снова была заперта на ключ. Идя впереди со свечой, он провел меня через то хранилище разных вещей, которое я видел с улицы, в небольшую жилую комнату с дверью, открытой в соседнюю каморку, где стояла кровать под стать только фее – такая она была маленькая и нарядная. Девочка зажгла вторую свечу и упорхнула к себе, оставив меня наедине со стариком.

– Вы, должно быть, устали, сэр, – сказал он, пододвигая к камину стул. – Не знаю, как мне благодарить вас.

– В следующий раз проявите больше заботы о своей внучке. Иной благодарности мне не нужно, друг мой! – ответил я.

– Больше заботы? – дребезжащим голосом воскликнул он. – Больше заботы о Нелли! Да можно ли любить ребенка сильнее!

Это было сказано с таким неподдельным изумлением, что я растерялся; к тому же немощность и блуждающий, отсутствующий взгляд сочетались у моего собеседника с глубокой, тревожной задумчивостью, которая сквозила в каждой черте его лица, убеждая меня в том, что старик вовсе не выжил из ума и не впал в детство, как мне показалось сначала.

– По-моему, вы мало думаете... – начал я.

– Мало думаю о ней! – перебил он меня на полуслове. – Мало думаю! Как вы далеки от истины! Нелли, маленькая моя Нелли!

Кому другому удалось бы выразить свои чувства с такой силой, с какой выразил их этими четырьмя словами старый антиквар! Я ждал, что последует дальше, но он подпер рукой подбородок и, покачав головой, уставился на огонь.

Мы сидели в полном молчании, как вдруг дверь каморки отворилась, и девочка, с распущенными по плечам светло-каштановыми волосами, раздумываясь от спешки, – так ей хотелось поскорее вернуться к нам, – вошла в комнату. Она сейчас же принялась собирать ужин, а старик тем временем стал приглядываться ко мне еще внимательнее. Меня очень удивило, что девочке приходится все делать самой, – по-видимому, кроме нас, в доме никого не было. Улучив минуту, когда она вышла, я рискнул заговорить об этом со старым антикваром, но он ответил, что и среди взрослых людей мало найдется таких разумных и заботливых, как его внука.

– Мне всегда больно смотреть, – взволнованно начал я, усмотрев в его ответе всего лишь эгоизм, – мне больно смотреть на детей, которым приходится сталкиваться с трудностями жизни чуть ли не в младенчестве. Это убивает в них доверчивость и душевную простоту – лучшее, что им даровано Богом. Зачем заставлять ребенка делить с нами наши тяготы, когда он еще не может вкушать радостей, доступных взрослому человеку?

– Ее доверчивости и душевной простоты ничто не убьет, – сказал старик, твердо глядя мне в глаза. – В ней это заложено слишком глубоко. А кроме того, у детей бедняков так мало радостей в жизни. За каждое, даже скромное удовольствие надо платить.

– Но... простите меня за смелость... вы, наверно, не так уж бедны, – сказал я.

– Это не мой ребенок, сэр, – возразил старик. – Ее мать была моей дочерью, и она терпела нужду. Мне ничего не удастся откладывать... ни одного пенни, хотя вы сами видите, как я живу. Но... – Тут он тронул меня за плечо и, нагнувшись, зашептал: – Придет время, и она разбогатеет, она будет важной леди. Не осуждайте меня, что я обременяю Нелл хлопотами по дому. Это доставляет ей радость, и она не перенесла бы, если б я поручил кому-то другому ту работу, с которой могут справиться ее маленькие ручки. Вы говорите, я мало думаю о своей малютке! – воскликнул он в сердцах. – Но Господь знает, что у меня нет другой заботы в жизни, – все мои помыслы только о ней! Знает, а удачи мне не шлет... не шлет!

В эту минуту та, о ком шла речь, снова появилась в комнате, и старик, сразу замолчав, знаком пригласил меня к столу.

Только мы принялись за трапезу, как в дверь постучали, и Нелл с веселым смехом, от которого у меня сразу потеплело на сердце, – столько в нем было детской беззаботности, – сказала, что это, наверно, прибежал добрый Кит.

– Вот баловница! – Старик ласково погладил ее по волосам. – Вечно она подтрунивает над бедным Китом.

Девочка рассмеялась еще веселее, и, глядя на нее, я сам не мог удержаться от улыбки. Старик же взял свечу, пошел отпереть дверь и вскоре вернулся в сопровождении Кита.

Кит оказался кудлатым, нескладным подростком с огромным ртом, очень красными щеками, вздернутым носом и невероятно комичным выражением лица. При виде чужого человека он замер на пороге, неловко переминаясь с ноги на ногу, уморительно тараща на нас глаза и теребя в руках совершенно круглую шляпу без всякого признака полей. Я с первого взгляда проникся благодарностью к этому мальчику, почувствовав, что он единственный вносит веселье в жизнь маленькой Нелл.

– Далеко я тебя посылал, Кит? – спросил старик.

– Да признаться, хозяин, путь не ближний, – ответил мальчик.

– А дом сразу нашел?

– Да признаться, хозяин, не очень-то сразу.

– Ты, конечно, проголодался?

– Да признаться, пожалуй, что и так.

У мальчика была странная манера говорить, стоя боком к собеседнику и дергая головой, точно это движение помогало ему извлекать наружу собственный голос. Он мог бы развеселить кого угодно, но маленькую Нелл его чудачества приводили прямо-таки в восторг, и я радо-

вался за девочку, видя, что в этом доме, где ей совсем не годилось жить, она находит, над чем посмеяться. Киту явно льстил такой успех: поняв всю безнадежность своих попыток сохранить серьезное выражение лица, он вдруг прыснул, да так и зашелся от смеха, стоя с широко открытым ртом и зажмуренными глазами.

Старый антиквар снова погрузился в апатию, ничего не видя вокруг себя; но от моего внимания не ускользнуло, что ясные глаза девочки затуманились слезами, вызванными радостью при встрече с ее неказистым любимцем после всех волнений этого вечера. Что касается Кита, готового в любую минуту перейти от смеха к плачу, то он удалился в угол, прихватив с собой огромный ломоть хлеба с мясом и кружку пива, и с жадностью принялся уничтожать и то и другое.

Но вот старик вздохнул и, повернувшись ко мне, воскликнул, словно мы с ним и не прекращали нашего разговора:

– Как же вы можете попрекать меня, что я мало думаю о ней!

– Не надо принимать так близко к сердцу мои слова, ведь это было сказано по первому впечатлению, – ответил я.

– Да... – задумчиво проговорил он, – да... Пойди сюда, Нелл.

Девочка подбежала к деду и обняла его за шею.

– Ведь я люблю тебя, Нелл? – спросил ее старик. – Скажи, люблю я тебя или нет?

Вместо ответа она приласкалась к нему, – детская головка нежно припала к его груди.

– Почему ты плачешь? – Он привлек ее к себе и перевел взгляд на меня. – Тебе обидно, что я сомневаюсь в этом? Ну, полно, полно! Стало быть, так и будем знать: я очень люблю мою Нелл.

– Любишь! Конечно, любишь! – проникновенным голосом сказала она. – Кит тоже это знает.

Кит, который с невозмутимостью фокусника заглатывал с каждым куском хлеба две трети ножа, приостановился на минутку и оглушительно рывкнул: «Какой же дурак этого не знает!» – после чего отправил в рот сразу целый сэндвич, лишив себя всякой возможности продолжать дальнейший разговор.

– У нее сейчас ничего нет, – продолжал старик, поглаживая внучку по щеке. – Но повторяю: не далеко то время, когда она будет богата. Я давно жду этого, очень давно, и дождусь. Непременно дождусь! Есть люди, которые только и знают, что кутят, сорят деньгами направо и налево, а счастье само бежит к ним в руки. Когда же оно придет ко мне!

– Дедушка, я и так счастлива, – сказала Нелл.

– Вздор, вздор! – остановил ее старик. – Ты еще ничего не понимаешь, да и где тебе понять! – И он забормотал сквозь зубы: – Наше время придет, обязательно придет. Может даже, чем позже, тем лучше. – Потом вздохнул и, не отпуская от себя девочку, снова погрузился в задумчивость. До полуночи оставались считанные минуты, я встал, собираясь уходить, и этим вывел его из оцепенения.

– Подождите, сэр... Кит! Как же так! Двенадцать часов, а ты все еще здесь! Беги, беги домой! А завтра утром, смотри, не опаздывай, ты мне понадобишься. Ну, спокойной ночи! Нелл, простись с ним, пусть уходит.

– Спокойной ночи, Кит, – сказала она, и глаза ее засветились лаской и весельем.

– Спокойной ночи, мисс Нелл, – ответил мальчик.

– И поблагодари этого джентльмена, – добавил старик. – Если бы не он, я, пожалуй, потерял бы свою маленькую Нелл.

– Нет, нет, хозяин! – сказал Кит. – Не годится так говорить!

– Почему? – удивился старик.

– Потому, хозяин, что уж я-то непременно бы ее нашел, если бы она только под землю не скрылась. Где-нигде, а нашел бы, в один миг! Ха-ха-ха!

Кит снова разинул рот, зажмурился и, пятясь задом, с громовым хохотом выскочил из комнаты.

Очутившись за дверью, он медлить не стал и живо убежал домой, а Нелли принялась убирать со стола. Старик воспользовался этим и снова обратился ко мне:

– Вам, может, покажется, сэр, будто я недостаточно ценю то, что вы сделали сегодня, но это неверно. Мы с Нелли покорнейше и смиренно благодарим вас за все, а ее благодарность стоит больше моей. Мне бы не хотелось, чтобы вы ушли с мыслью, будто я не чувствую к вам признательности за вашу доброту и мало забочусь о своей внучке... Нет, сэр, это не так.

– То, что я видел, убеждает меня в противном, – сказал я и потом добавил: – Разрешите только задать вам один вопрос.

– Извольте, сэр, – ответил старик. – Спрашивайте.

– Неужели за этой девочкой, такой хрупкой, такой красивой и умненькой, никто не присматривает, кроме вас? Неужели у нее нет еще какого-нибудь друга, советчика?

– Она больше ни в ком не нуждается, – сказал он, с тревогой глядя на меня.

– А не страшно ли вам брать на себя такую ответственность? Вдруг вы не справитесь с ней? Никто не сомневается в ваших благих намерениях, но отдаете ли вы себе отчет в том, как надо заботиться о столь нежной питомице? Я тоже старик, и, как и всякому человеку на склоне лет, мне особенно дороги существа юные, у которых впереди вся жизнь. Я с глубоким интересом наблюдал за вами обоими, но в то же время испытывал чувство боли.

– Сэр, – заговорил старик после минутного молчания. – Я не вправе обижаться на ваши слова. Действительно, иной раз ребенком можно счесть меня, а взрослой – ее. Вы сами в этом убедились. Но и во сне и наяву, днем и ночью, больной и здоровый, я пекусь только о ней. И как пекусь! Зная это, вы смотрели бы на меня совсем, совсем другими глазами... Нелегко мне, старику, живется, очень нелегко, но я вижу перед собой великую цель и не отступаю от нее.

Он был вне себя от волнения, и, решив больше не раздражать его, я шагнул за своей шинелью, оставленной у двери. И вдруг увидел, что Нелл стоит рядом со мной, держа в руках плащ, шляпу и трость.

– Это не мое, милая, – сказал я.

– Нет, нет, – спокойно ответила девочка, – это я дедушке.

– Неужели он уйдет из дому на ночь глядя?

– Уйдет, – сказала она и улыбнулась.

– А как же ты, моя прелесть?

– Я? Останусь здесь, конечно! Как всегда.

Я удивленно посмотрел на старика, но он старательно оправлял на себе плащ, то ли при-творяясь, то ли на самом деле не слыша нашего разговора. Взгляд мой снова упал на маленькую, хрупкую фигурку девочки. Одна! Всю тоскливую, долгую ночь – одна в этом мрачном доме!

Нелли не подавала виду, что замечает мое удивление, помогла деду одеться, потом взяла свечу и пошла перед – осветить нам, но на пороге остановилась, с улыбкой поджидая нас обоих. Судя по лицу старика, он понимал, почему я медлю, и все-таки не сказал ни слова, а лишь кивнул головой, пропуская меня вперед. Мне не оставалось ничего другого, как подчиниться.

В дверях девочка поставила свечу на пол и потянулась ко мне, чтобы я ее поцеловал на прощанье. Потом подбежала к старику; он обнял и благословил ее.

– Спи сладко, Нелл, – тихо проговорил он. – Пусть ангелы охраняют твой сон! И не забудь, родная, прочитать молитву на ночь.

– Нет, что ты! – горячо воскликнула она. – Мне бывает так хорошо после нее!

– Да, да, верно... я по себе это знаю, так и должно быть, – сказал старик. – Да благословит тебя Бог! К утру я буду дома.

– Ты только разок позвонишь, и я сразу услышу – как бы крепко мне ни спалось, – заверила его девочка.

На этом они простились. Нелл распахнула дверь, прикрытую теперь ставнями (я слышал, как Кит возился с ними, прежде чем убежать домой), и, в последний раз пожелав нам доброй ночи своим нежным, чистым голосом, вспоминаясь мне потом тысячи раз, проводила нас за порог. Старик подождал с минуту и, убедившись, что внучка затворила дверь и заперла ее на засов, медленно зашагал по улице. На углу он остановился, тревожно посмотрел мне в лицо и стал прощаться, уверяя, будто бы нам совсем не по дороге. Я не успел сказать ни слова, с такой неожиданной для его возраста быстротой мой спутник оставил меня. На ходу он оглянулся раза два или три, словно проверяя, не наблюдаю ли я за ним, а может быть, опасаясь, что мне придет в голову выслеживать его издали. Ночная тьма благоприятствовала ему, и он скоро исчез у меня из виду.

Я так и остался стоять на углу, не имея сил уйти и сам не зная, что мне здесь нужно. Потом бросил грустный взгляд на улицу, по которой мы только что шли, и, поразмыслив еще минуту, зашагал обратно. Я несколько раз прошел мимо дома старого антиквара, остановился у двери, прислушался. За ней было темно и тихо, как в могиле.

И все-таки мне не хотелось уходить отсюда; я медлил, перебирая в уме все мыслимые беды, которые могли грозить ребенку, – пожар, ограбление и далее смерть от руки убийцы. У меня было такое чувство, что стоит мне только отойти от этого дома – и его постигнет несчастье. Вот где-то хлопнули не то дверью, не то окном... И, перейдя улицу, я снова стал перед лавкой антиквара и снова осмотрел ее... Нет, здесь все тихо. Дом стоит по-прежнему темный, холодный, без малейших признаков жизни.

Прохожие попадались мне редко. Унылая, мрачная улица была почти в полном моем распоряжении. Лишь изредка пробежит какой-нибудь запоздалый театрал, да кой-когда свернешь с тротуара, уступая дорогу пьяному, который горланит что есть мочи и, шатаясь, бредет домой. Впрочем, и такие прохожие были редки, а вскоре даже их не стало. Пробило час ночи, а я все шагал и шагал по этой улице, всякий раз давая себе слово, что сейчас уйду, и тут же нарушая его под каким-нибудь новым предлогом.

Речи старика, да и сам он, не выходили у меня из головы, а то, что я видел и слышал у него в доме, с каждой минутой казалось мне все непонятнее. Ночные отлучки старого антиквара были в высшей степени подозрительны. Я узнал о них только благодаря простодушной откровенности девочки; старик слышал, что она сказала, заметил мое явное недоумение, но все же промолчал, не потрудившись объяснить мне свою тайну. И чем больше я раздумывал над этим, тем явственнее возникали передо мной его измученное лицо, рассеянность, блуждающий, беспокойный взгляд. Почему бы ему не совмещать в душе любовь к внучке с самым черным злодейством? Да разве любовь эта не противоречит сама себе, если он способен оставлять девочку одну на ночь? Но при всем моем недоверии к старику я ни на минуту не сомневался в искренности его чувства к ней. Я даже не мог допустить подобных сомнений, вспоминая наш разговор, вспоминая, с какой нежностью звучало ее имя в его устах.

«Останусь здесь, конечно! – ответила она на мой вопрос – Как всегда». Что же влечет старика из дому – ночь за ночью? Я перебирал в уме рассказы о чудовищных, загадочных преступлениях, которые совершаются в больших городах и долгие годы остаются нераскрытыми. Но как ни страшны были эти рассказы, ни один из них не мог послужить мне для разъяснения тайны, становившейся тем непонятнее, чем больше я думал над ее разгадкой. Погруженный в свои мысли, которые сводились все к одному и тому же, я бродил по улице взад и вперед еще два долгих часа. Наконец пошел сильный дождь; усталость все-таки одолела меня, хоть и не притупила интереса к этим людям, и, остановив первую попавшуюся карету, я поехал домой. В очаге у меня весело потрескивал огонь, лампа горела ярко, часы, как всегда, встретили своего

хозяина радушным тиканьем. Тишина, тепло, уют – как радостно было ощущать это после того уныния и мрака, который только что окружал меня!

Я сел в кресло, откинулся на его мягкие подушки, и мне сразу представилось, как эта девочка – одна, всеми брошенная, никем не охраняемая (кроме ангелов) – мирно спит в своей постели. Такая нежная и хрупкая, словно фея, такая юная – и где, в каком месте проводит она томительные, долгие ночи! Я не мог примириться с этим.

Мы так подвержены воздействию внешнего мира, что многие наши мысли (коиим надлежало бы носить чисто умозрительный характер), может статься, не пришли бы нам в голову без этой помощи со стороны. И я не уверен, овладела ли бы мною с такой силой тревога о маленькой Нелл, если бы этой тревоге не сопутствовало воспоминание о причудливых вещах, которыми была полна лавка антиквара. Одиночество девочки, окруженной всеми этими диковинами, стало для меня особенно ощутимым. Она стояла передо мной как живая, а вокруг нее теснилось все то, что было столь чуждо всей ее природе, чуждо ее полу и возрасту. Если бы моя фантазия не получила такого подспорья, если бы я увидел девочку в обычной комнате, в обычной обстановке, – весьма возможно, что ее одиночество не поразило бы меня так сильно. Теперь же она казалась мне образом из какой-то аллегории и так приковывала к себе мои мысли, что я, повторяю, при всем желании не мог думать ни о чем другом.

– Как же сложится ее жизнь? – проговорил я вслух, беспокойно шагая из угла в угол. – Неужто эти чудовища так и будут держать ее в плену и она так и останется единственным чистым, свежим, непорочным существом среди них? Что ожидает...

Но тут я прервал свои размышления, ибо они заводили меня слишком далеко, заводили в ту область, которой мне не хотелось касаться. И, оставив эти пустые домыслы, я решил лечь и забыться сном.

Но всю ту ночь, и во сне и наяву, ко мне возвращались все те же думы, и те же образы неотступно стояли у меня перед глазами. Я видел темные, сумрачные комнаты, рыцарские доспехи, костлявыми призраками безмолвно выступающие из углов, ухмылки и гримасы деревянных и каменных уродцев, пыль, ржавчину, источенное червем дерево... и посреди этого хлама, этой ветоши и запустения мирно спит пленительной красоты девочка – спит и улыбается своим легким, светлым сном.

Глава II

Желание снова посетить то место, откуда я ушел при описанных выше обстоятельствах, наконец одержало надо мной верх, промучив меня почти всю следующую неделю; однако на сей раз я решил побывать там засветло и отправился в ту часть города в первой половине дня.

Я миновал лавку и несколько раз прошелся от угла к углу, борясь с чувством нерешительности, знакомым каждому, кто боится, что его неожиданное посещение будет некстати. Дверь дома была затворена, и, следовательно, меня не могли увидеть оттуда, сколько бы ни продолжались мои прогулки взад и вперед по тротуару. Наконец оставив колебания, я вошел в лавку торговца древностями.

Хозяин и еще какой-то человек стояли в глубине ее и, вероятно, вели не совсем приятный разговор, так как при моем появлении их громкие голоса сразу смолкли, а старик поспешил мне навстречу и взволнованно пробормотал, что очень рад меня видеть.

– Вы весьма кстати прервали наш спор, – сказал он, показывая на своего собеседника. – Этот человек когда-нибудь убьет меня. Он давно бы это сделал, да только не смеет.

– А, перестаньте! Будь на то ваша воля, вы бы сами давно отправили меня на виселицу, – огрызнулся незнакомец, предварительно бросив в мою сторону дерзкий взгляд из-под нахмуренных бровей. – Это всем известно.

– Да, пожалуй, ты прав! – в бессильной ярости воскликнул старик. – Я дам любую клятву, сотворю любую молитву, лишь бы отделаться от тебя! Твоя смерть была бы для меня избавлением!

– Знаю, все знаю, – сказал незнакомец. – О том я и толкую! Но ни ваши клятвы, ни ваши молитвы мне не повредят. Я жив и здоров и умирать не собираюсь.

– А мать его умерла! – Старик горестно стиснул руки и устремил глаза ввысь. – Где же она, справедливость!

Незнакомец стоял, поставив одну ногу на табуретку, и с презрительной усмешкой посматривал на старика. Это был молодой человек, примерно двадцати одного года, стройный и бесспорно красивый, хотя в выражении его лица, в манерах и даже одежде чувствовалось что-то отталкивающее, беспутное.

– Не знаю, как там насчет справедливости, – сказал он, – но я, как видите, здесь; и здесь и останусь до тех пор, пока сочту нужным или пока меня с чьей-нибудь помощью не выставят за дверь, чего вы, конечно, не сделаете. Повторяю еще раз: я хочу видеть свою сестру.

– Сестру! – с горечью воскликнул старик.

– Да! Родство есть родство, тут уж ничего не попишешь. Вы давно бы его похерили, будь это в ваших силах, – сказал молодой человек. – Я хочу видеть сестру, которую вы держите взаперти и только портите, впутывая в свои тайные дела! Да еще прикидываетесь, будто любите ее, а на самом деле готовы вогнать ребенка в гроб ради того, чтобы наскрести еще несколько жалких грошей в придачу к своим несметным богатствам. Я хочу видеть ее – и увижу.

– Полюбуйтесь на этого праведника! И он говорит о том, что я порчу Нелл! Он, щедрая душа, пренебрегает лишним грошом! – воскликнул старик, поворачиваясь ко мне. – Этот беспутный человек, сэр, потерял всякое право требовать что-либо не только от тех, кто имеет несчастье быть с ним в кровном родстве, но и от общества, которое видит от него одно лишь зло. И, кроме того, это лжец! – добавил он, понизив голос и подходя ко мне вплотную. – Ему ли не знать, как я люблю ее, и все-таки он старается оскорбить меня в моих лучших чувствах, пользуясь присутствием постороннего.

– Я, дедушка, посторонними людьми не интересуюсь, – сказал молодой человек, расслышав его последние слова. – И надеюсь, они мной тоже. Пусть занимаются своими делами и

оставят других в покое, это будет самое лучшее. Меня дожидается один приятель, и, с вашего позволения, я приглашу его сюда, так как мне, видимо, придется задержаться здесь.

С этими словами он вышел за дверь и, посмотрев направо и налево, замахал рукой какому-то невидимке, которого (судя по горячности этой сигнализации) не так-то легко было подманить. Но вот на другой стороне улицы – якобы совершенно случайно – появилась фигура, сразу бросавшаяся в глаза своим костюмом, затасканным, но с поползновением на щегольство. Фигура эта долго гримасничала и мотала головой, отказываясь от приглашения, но в конце концов пересекла дорогу и вошла в лавку.

– Ну, вот. Это Дик Свивеллер, – сказал молодой человек, подталкивая его вперед. – Садись, Свивеллер.

– А как старичок, не противится? – вполголоса спросил мистер Свивеллер.

– Садись, – повторил его приятель.

Мистер Свивеллер повиновался и, с заискивающей улыбкой оглядевшись по сторонам, сообщил, что на прошлой неделе погода была хороша для уток, а на этой неделе им хуже – ни одной лужи, и что, стоя на перекрестке у фонарного столба, он видел свинью, которая вышла из табачной лавки с соломинкой во рту, – а значит, уткам на следующей неделе опять будет раздолье, ибо без дождя не обойдется. Далее сей джентльмен извинился за некоторую небрежность своего туалета и, объяснив ее тем обстоятельством, будто бы вчера вечером он основательно «заложил за галстук», таким образом в самой деликатной форме дал понять своим слушателям, что был мертвецки пьян накануне.

– Но какое это имеет значение, – со вздохом заключил мистер Свивеллер, – покуда нас на пир зовет веселый звон стаканов и осеняющие нас крылья дружбы не роняют ни перышка! Какое это имеет значение, покуда в крови кипит искрометное вино и мы упиваемся блаженством и страданьем!

– Перестань развлекать общество, – буркнул его приятель.

– Фред! – воскликнул мистер Свивеллер, пощелкивая себя пальцем по носу. – Умному человеку достаточно лишь намекнуть. Зачем нам богатства, Фред? Мы и без них будем счастливы. Ни слова больше! Я поймал твою мысль на лету: держать ухо востро. Ты только шепни мне: старичок благоволит?

– Отвяжись, – последовал ответ.

– Опять же правильно, – согласился мистер Свивеллер. – Приказано быть начеку, и будем начеку. – Он подмигнул, скрестил руки на груди, откинулся на спинку стула и с необычайно глубокомысленным видом уставился в потолок.

Из всего вышеизложенного резонно было бы заключить, что мистер Свивеллер еще не совсем пришел в себя от необычайно сильного воздействия искрометного вина, на которое он сам ссылался, но если бы даже таких подозрений не вызывали речи этого джентльмена, то взлохмаченные волосы, осоловелые глаза и землистый цвет лица свидетельствовали бы не в его пользу. Намекая на некоторую неряшливость своей одежды, мистер Свивеллер был прав, ибо она не отличалась чрезмерной опрятностью и наводила на мысль, что ее обладатель проспал ночь не раздеваясь. Костюм его состоял из коричневого полуфрака с множеством медных пуговиц спереди и одной-единственной сзади, шейного платка в яркую клетку, жилета из шотландки, грязно-белых панталон и шляпы с обвислыми полями, надетой задом наперед, чтобы скрыть дыру на самом видном месте. Полуфрак был украшен нагрудным карманом, откуда выглядывал самый чистый уголок очень большого и очень непрезентабельного носового платка; грязные манжеты рубашки, вытянутые до отказа, прикрывали обшлага. Мистер Свивеллер обходился без перчаток, но зато был при желтой тросточке с набалдашником в виде костяной руки, поблескивавшей чем-то вроде колечка на мизинце и сжимавшей черный шарик.

Итак, сей джентльмен развалился на стуле во всеоружии своих чар (к коим следует прибавить также сильный запах табачного дыма и весьма потрепанный вид), впериł глаза в потолок

и, предварительно попробовав голос, угостил общество несколькими тактами крайне заунывной песни, потом вдруг оборвал свои рулады и снова погрузился в молчание.

Старик сидел со сложенными на груди руками и поглядывал то на внука, то на его странного приятеля, зная, должно быть, что ему не обуздать их. Фред привалился спиной к столу неподалеку от своего дружка и делал вид, будто ничего не произошло, а я, зная, насколько трудно постороннему вмешиваться в чужие дела, притворился, будто рассматриваю вещи, выставленные на продажу, и ни на кого не обращаю внимания, хотя старик с первой же минуты взывал к моей помощи и словами и взглядами.

Впрочем, молчание не затянулось, ибо мистер Свивеллер, предварительно поведав нам нараспев, что в горах его сердце, доньше он там и что для свершения доблестных, героических деяний ему не хватает только арабского коня, отвел взгляд от потолка и снова вернулся к презренной прозе.

– Фред, – вдруг обратился он к приятелю громким шепотом, словно пораженный какой-то внезапной мыслью. – Скажи, старичок благоволит?

– Какое тебе дело? – огрызнулся тот.

– Нет, а все-таки?

– Да, да, вполне. Впрочем, на это наплевать.

Ободренный таким ответом, мистер Свивеллер решил завести разговор на более общие темы и во что бы то ни стало завоевать наше внимание.

Для начала он заявил, что содовая вода – вещь сама по себе недурная – может застудить желудок, если ее не одобрит элем или небольшой порцией коньяка, причем последний предпочтителен во всех смыслах, кроме одного – сильно бьет по карману. Так как никто не рискнул оспаривать это положение, мистер Свивеллер сообщил нам, что волосам человека свойственно долго сохранять запах табачного дыма и что юные воспитанники Итона и Вестминстера поглощают огромное количество яблок, дабы отбить запах сигар, и все же изобличаются в курении своими рачительными друзьями, ибо, как уже было сказано, волосы обладают этой удивительной особенностью. Отсюда вывод: если б Королевское общество заинтересовалось вышеизложенным обстоятельством и изыскало в недрах науки способ предотвратить подобного рода нежелательные разоблачения, члены его заслужили бы славу благодетелей рода человеческого. Не встретив возражений и на сей раз, он уведомил нас далее, что ямайский ром – напиток душистый, отменного букета – имеет один весьма существенный недостаток, а именно: на другой день после него остается неприятный вкус во рту. Поскольку среди присутствующих не нашлось смельчаков, которые отважились бы опровергнуть это, мистер Свивеллер окончательно разошелся и стал еще словоохотливее и откровеннее.

– Куда это годится, джентльмены, когда между родственниками начинаются ссоры и дразни! – воскликнул он. – Если крыльям дружбы не пристало ронять ни перышка, то крылья родственных уз и подавно должны быть всегда распростерты над нами в безмятежном покое; и горе тому, кто окорнает их! Почему дедушка и внук с остервенением грызутся между собой, вместо того чтобы блаженствовать в обоюдном согласии? Почему бы им не протянуть друг другу руку и не предать прошлое забвению?

– Да замолчи ты! – крикнул его приятель.

– Сэр! – обратился к нему мистер Свивеллер. – Прошу не перебивать председателя. Джентльмены! Обсудим, как обстоит дело. Вы видите перед собой милейшего старенького дедушку – произношу эти слова с чувством глубокого почтения к нему – и его непутевого внука. Милейший старенький дедушка говорит своему непутевому внуку: «Я растил и учил тебя уму-разуму, Фред. Я поставил тебя на ноги, а ты взял да и свихнулся, как это часто случается с молодыми людьми, и теперь больше ко мне не суйся». На что непутевый внук возражает ему следующее: «Вы, дедушка, из богачей богач и не так уж много на меня потратились. Деньги вы копите для моей маленькой сестрички, которая живет у вас в заточении, настоящей

затворницей, и даже понятия не имеет об удовольствиях. Так почему бы вам не уделить хоть самую малость вашему взрослому внуку?» А милейший старенький дедушка отвечает и говорит, что он отнюдь не намерен раскошелиться с той охотой и с тем благодушием, которые производят столь выгодное и отрадное впечатление в человеке его лет. Более того! Он грозит при каждой встрече устраивать внуку головомойку, пилить его и всячески порочить. Итак, спрашивается: не прискорбно ли такое положение вещей и не лучше ли было бы почтенному джентльмену откупиться умеренной суммой и поладить на этом ко всеобщему удовольствию?

Произнеся эту торжественную речь, сопровождавшуюся выразительным помахиванием рук, мистер Свивеллер вдруг сунул в рот набалдашник, очевидно для того, чтобы ни одним лишним словом не испортить впечатления от своего монолога.

– Боже мой, Боже! – воскликнул старик и повернулся к внуку. – Зачем ты преследуешь и терзаешь меня? Зачем ты водишь сюда своих беспутных приятелей? Сколько раз мне повторять, что я бедняк, что жизнь моя полна забот и лишений?

– А мне сколько раз повторять, что это неправда? – сказал молодой человек, холодно глядя на деда.

– Ты избрал себе путь. Так следуй же этим путем, оставь меня и Нелл в покое, мы с ней труженики.

– Нелл скоро будет взрослой девушкой, – возразил ему внук. – Под вашим влиянием она совсем отступится от брата, если он перестанет навещать ее хоть изредка.

– Смотри, как бы она не отступилась от тебя, когда тебе меньше всего захочется этого! – сверкнув глазами, воскликнул старик. – Смотри, как бы не настал день, когда ты будешь босой скитаться по улицам, а она проедет мимо тебя в пышной карете!

– А день этот наступит, когда ей достанутся ваши деньги? Послушайте, что он говорит, наш бедняк!

– И все-таки мы бедняки, – вполголоса, будто размышляя вслух, пробормотал старик. – И нам так трудно живется! Ведь все во имя ребенка, невинного, чистого... а удачи нет! Надейся и терпи! Надейся и терпи!

Эти слова были сказаны совсем тихо, и молодые джентльмены не расслышали их. Мистер Свивеллер, вообразив, что они служат выражением душевной борьбы, начавшейся под могучим воздействием его речи, ткнул приятеля тростью и, шепнув: «Проняло!» – потребовал процентов с ожидаемой поживы. Впрочем, когда ошибка обнаружилась, он немедленно осовел, надулся и стал намекать на то, что сейчас самое время удалиться, – как вдруг дверь отворилась и в комнату вошла Нелли.

Глава III

По пятам за девочкой шел пожилой человек на редкость свирепого и отталкивающего вида и к тому же ростом настоящий карлик, хотя голова и лицо этого карлика своими размерами были под стать только великану. Его хитрые черные глаза так и бегали по сторонам, у рта и на подбородке топорщилась жесткая щетина, а кожа была грязная, нездорового оттенка. Но что особенно неприятно поражало в его физиономии – это отвратительная улыбка. По-видимому, заученная и не имеющая ничего общего с веселостью и благодушием, она выставляла напоказ его редкие желтые зубы и придавала ему сходство с запыхавшейся собакой. Костюм этого человека состоял из сильно поношенной темной пары, высоченного цилиндра, огромных башмаков и совершенно слежавшегося грязно-белого фуляра, которым он тщетно старался прикрыть свою жилистую шею. Его черные, с сильной проседью, волосы – вернее, жалкие их остатки – были коротко подстрижены у висков, а на уши спадали сальными космами. Руки, грубые, заскорузлые, тоже не отличались опрятностью; длинные кривые ногти отливали желтизной.

Я успел заметить все эти подробности, так как они настолько бросались в глаза, что особой наблюдательности тут и не требовалось, а кроме того, первые несколько минут все мы хранили молчание. Девочка застенчиво подошла к брату и протянула ему руку; карлик (мы так и будем его называть) внимательно приглядывался ко всем нам, а старый антиквар, видимо не ожидавший этого странного гостя, был явно смущен и расстроен его приходом.

– Ага! – сказал наконец карлик, поглядев из-под ладони на молодого человека. – Если я не ошибаюсь, любезнейший, это ваш внучек?

– К сожалению, вы не ошибаетесь, – ответил старик.

– А это? – Карлик показал на Дика Свивеллера.

– Его приятель, такой же незванный гость.

– А это? – осведомился карлик, круто поворачиваясь и тыча пальцем в меня.

– Этот джентльмен был так добр, что довел Нелли до дому, когда она заблудилась, возвращаясь от вас.

Карлик шагнул к девочке с таким видом, точно хотел пожурить ее или выразить ей свое удивление, но, увидев, что она разговаривает с братом, молча наклонил голову и стал прислушиваться.

– Ну, признавайся, Нелли, – громко сказал молодой человек. – Чему тебя здесь учат – ненавидеть меня?

– Нет, нет! Что ты! Зачем ты так говоришь? – воскликнула девочка.

– Так, может, учат любить? – с насмешливой гримасой продолжал ее брат.

– Ни то и ни другое, – ответила она. – Со мной просто не говорят о тебе. Никогда не говорят.

– Ну еще бы! – Он метнул злобный взгляд на деда. – Еще бы! Этому я охотно верю.

– Но я люблю тебя, Фред! – сказала девочка.

– Не сомневаюсь.

– Правда, люблю! И всегда буду любить! – с чувством повторила она. – И любила бы тебя еще больше, если бы ты не огорчал и не мучил его.

– Понятно! – Молодой человек небрежно нагнулся к сестре, чмокнул ее и тут же отстранил от себя. – Ну, хорошо. Урок свой ты заучила твердо, теперь можешь идти. А хныкать нечего – мы с тобой не поссорились.

Он молча провожал ее глазами до тех пор, пока она не притворила за собой дверь своей комнаты, потом повернулся к карлику и резко сказал:

– Слушайте, мистер...

– Это вы мне? – спросил тот. – Меня зовут Квилп. Уж как-нибудь запомните, фамилия коротенькая, – Квилп. Дэниел Квилп!

– Так вот, мистер Квилп, – продолжал молодой человек. – Вы, кажется, имеете некоторое влияние на моего деда?

– Имею, – отрезал мистер Квилп.

– И посвящены в кое-какие его тайны и секреты?

– Посвящен, – так же сухо ответил Квилп.

– В таком случае будьте добры уведомить его от моего имени, что покуда Нелл здесь, я намерен приходить сюда и уходить отсюда когда мне вздумается. Так что, если он хочет отделаться от своего внука, пусть сначала расстанется с внучкой. Чем я заслужил, что мною страшат, как пугалом, и прячутся от меня, как от зачумленного! Он станет говорить вам, будто я бесчувственный человек и не люблю ни его, ни сестру. Ну что ж, пусть так! Зато я люблю делать все по-своему и буду являться сюда, когда захочу. Нелл не должна забывать, что у нее есть брат. Мы с ней будем видаться, это решено. Сегодня я пришел и настоял на своем и приду еще пятьдесят раз за тем же самым. Я говорил, что дождусь ее, и дождался, а больше мне нечего здесь делать. Пошли, Дик!

– Стой! – крикнул мистер Свивеллер, как только его приятель шагнул к двери. – Сэр!

– Ваш покорный слуга, сэр! – сказал мистер Квилп, к которому относилось это краткое обращение.

– Прежде чем покинуть чертог, сияющий огнями, и упоенную веселием толпу, я позволю себе, сэр, сделать одно мимолетное замечание. Я пришел сюда в полной уверенности, что старичок благоволит...

– Продолжайте, сэр, – сказал мистер Квилп, так как оратор вдруг запнулся.

– Вдохновленный этой мыслью, сэр, вдохновленный чувствами, отсюда проистекающими, и зная также, что ссоры, свары и споры не способствуют раскрытию сердец и умиротворению противников, я, как друг семьи, взял на себя смелость предложить один ход, который при данных обстоятельствах является наилучшим. Разрешите шепнуть вам одно словечко, сэр?

Не дожидаясь разрешения, Свивеллер подошел к карлику вплотную, оперся локтем на его плечо, нагнулся к самому его уху и сказал так громко, что все услышали:

– Мой совет старику – раскрыть кошель.

– Что? – переспросил Квилп.

– Раскрыть кошель, сэр, кошель! – ответил мистер Свивеллер, похлопывая себя по карману. – Чувствуете, сэр?

Карлик кивнул, мистер Свивеллер отступил назад и тоже кивнул, потом отступил еще на шаг, опять кивнул – и так далее, в той же последовательности. Достигнув таким образом порога, он оглушительно кашлянул, чтобы привлечь внимание карлика и лишний раз воспользоваться возможностью изобразить средствами пантомимы свое полное доверие к нему, а также намекнуть на желательность соблюдения строжайшей тайны. Когда же эта немая сцена, необходимая для передачи его мыслей, была закончена, он последовал за своим приятелем и мгновенно исчез за дверью.

– Гм! – хмыкнул карлик, сердито передернув плечами. – Вот они, родственнички! Я, слава Богу, от своих отделался. И вам тоже советую, – добавил он, поворачиваясь к старику. – Да только вы тряпка, и разума у вас не больше, чем у тряпки!

– Что вы от меня хотите! – в бессильном отчаянии воскликнул антиквар. – Вам легко так рассуждать, легко издеваться надо мной. Что вы от меня хотите?

– А знаете, что бы сделал на вашем месте я? – спросил карлик.

– Что-нибудь страшное, наверно.

– Правильно! – Чрезвычайно польщенный таким комплиментом, мистер Квилп с дьявольской усмешкой потер свои грязные руки. – Справьтесь у миссис Квилп, у очаровательной

миссис Квилп, покорной, скромной, преданной миссис Квилп. Да, кстати! Я оставил ее совсем одну, она, верно, ждет меня не дождется, просто места себе не находит. Она всегда так – стоит только мне уйти из дому. Правда, моя миссис Квилп никогда в этом не признается, пока я не разрешу ей говорить со мной по душам и пообещаю не сердиться. О-о, она у меня вышколенная!

Уродливый карлик с огромной головой на маленьком туловище стал совсем страшен, когда он начал медленно, медленно потирать руки, – а казалось бы, что могло быть невиннее этого жеста! – потом насупил свои мохнатые брови, выпятил подбородок и так закатил к потолку глаза, пряча сверкавшее в них злорадство, что эту ужимку охотно перенял бы у него любой бес.

– Вот, – сказал он, сунув руку за пазуху и боком подступая к старику. – Сам принес для верности. Ведь как-никак – золото. У Нелли в сумочке они, пожалуй, не поместились бы, да и тяжело. Впрочем, ей надо привыкать, а, любезнейший? Когда вы помрете, она будет носить в этой сумочке немалые ноши.

– Дай Бог, чтобы ваши слова сбылись! Все мои надежды только на это! – почти со стоном проговорил старик.

– Надежды! – повторил карлик и нагнулся к самому его уху: – Хотел бы я знать, любезнейший, куда вы вкладываете все эти деньги? Да разве вас перехитришь! Очень уж вы бережете свою тайну.

– Мою тайну? – пробормотал старик, растерянно поводя глазами. – Да, правильно... я... я берегу ее... берегу как зеницу ока. – Он не добавил больше ни слова, взял деньги, усталым, безнадежным движением поднес ко лбу руку и медленно отошел от карлика.

Квилп пристальным взглядом проводил старика в заднюю комнату, увидел, как деньги были заперты в железную шкатулку на каминной полке, посидел еще несколько минут в раздумье и наконец собрался уходить, заявив, что ему надо торопиться, не то миссис Квилп встретит его истерическим припадком.

– Итак, любезнейший, – добавил он, – я направляю свои стопы домой и прошу вас передать мой поклон Нелли. Надеюсь, она больше не будет плутать по улицам, хотя этот неприятный случай принес мне такую неожиданную честь... – С этими словами карлик отвесил поклон в мою сторону, скосил на меня глаза, потом обвел все кругом пронзительным взглядом, от которого, казалось, не скроется никакой пустяк, никакая мелочь, и наконец удалился.

Я сам уже давно порывался уйти, но старик все удерживал меня и просил посидеть еще. Как только мы с ним остались вдвоем, он возобновил свои просьбы, вспоминая с благодарностью случай, сведший нас в первый раз, и я, охотно уступив ему, сел в кресло и притворился, будто с интересом рассматриваю редкостные миниатюры и старинные медали. Уговаривать меня пришлось недолго, ибо если первое посещение лавки пробудило мое любопытство, то теперешнее еще больше его разожгло.

Вскоре к нам присоединилась Нелл. Она принесла какое-то рукоделье и села за стол рядом с дедом. Мне было приятно видеть свежие цветы в этой комнате, птицу в клетке, прикрытую от света зеленой веточкой, мне было приятно дуновение чистоты и юности, которое проносилось по унылому старому дому и реяло над головкой Нелли. Но отнюдь не приятное, а скорее жуткое чувство охватывало меня, когда я переводил взгляд с прелестного, грациозного ребенка на согбенную спину и морщинистое, изнуренное лицо старика. Он будет слабеть, дряхлеть, – что же станет тогда с этой одинокой девочкой. А вдруг он умрет и она лишится даже такой опоры? Какая участь ждет ее впереди?

Старик вдруг тронул внучку за руку и сказал, почти отвечая на мои мысли:

– Я больше не буду унывать, Нелл. Счастье придет, обязательно придет! Я прошу его только для тебя, мне самому ничего не нужно. А иначе сколько бед падет на твою невинную головку! Оно должно улыбнуться нам, ведь его так добиваются, так зовут!

Девочка ласково посмотрела на деда, но ничего не сказала.

– Когда я думаю, – продолжал он, – о тех долгих годах – долгих для твоей юной жизни, что ты провела здесь со мной, о твоём унылом существовании... без сверстников, без ребяческих утех... об одиночестве, в котором ты росла, – мне иной раз кажется, что я жестоко обходился с тобой, Нелл.

– Дедушка! – с неподдельным изумлением воскликнула она.

– Не намеренно, нет, нет! – сказал старик. – Я всегда верил, что настанет день, когда ты сможешь наконец быть среди самых веселых, самых красивых и займешь место, которое уготовано только избранным. И я все еще жду этого, Нелл. Жду и буду ждать! Но вдруг ты останешься одна?.. Что я сделал, чтобы подготовить тебя к жизни? Ты совсем как вон та бедная птичка, и так же будешь брошена на произвол судьбы... Слышишь? Это Кит стучится. Пойди, Нелл, открой ему.

Девочка встала из-за стола, сделала несколько шагов, но вдруг остановилась, вернулась назад и бросилась деду на шею. Потом снова пошла к двери, но на этот раз быстрее, чтобы скрыть слезы, брызнувшие у нее из глаз.

– Одно словечко, сэр, – торопливо зашептал старик. – Мне как-то не по себе после нашего первого разговора с вами, но в свое оправдание я могу сказать только то, что все делается к лучшему, что отступать уже поздно – да и нельзя отступать – и что надежда не оставляет меня. Все это ради нее, сэр. Я сам не раз испытывал в жизни жестокую нужду и хочу уберечь ее от страданий, неразрывных с нуждой. Я хочу уберечь Нелл от тех бед, которые так рано свели в могилу ее мать – единственное мое дитя. Я оставлю своей внучке наследство, но не такое, что можно быстро истратить, промотать – нет! – оно навсегда охранит ее от лишений. Вы понимаете меня, сэр? Она получит не какие-нибудь жалкие гроши, а целое состояние!.. Шш!.. Больше я ничего не смогу вам сказать, ни сейчас, ни после... да вот и она.

Волнение, с которым он шептал эти слова, дрожь его пальцев, лежащих на моей руке, иступленный вид, широко открытые глаза, напряженно всматривающиеся мне в лицо, – все это поразило меня. То, что я видел и слышал здесь, – слышал даже от самого старика, – давало мне основания считать его богатым человеком. Значит, это один из тех жалких скупцов, которые, поставив себе в жизни единственную цель – наживу – и скопив огромные богатства, вечно терзаются мыслью о нищете, вечно одержимы страхом, как бы не потерпеть убытков и не разориться. Многие из того, что старик говорил раньше и что было тогда непонятно мне, подкрепляло мои опасения, и я окончательно причислил его к этому несчастному племени.

То была всего лишь догадка – для более основательного суждения у меня не оставалось времени, так как девочка вскоре вернулась в комнату и сейчас же села с Китом за урок письма, что, оказывается, было заведено у них два раза в неделю и доставляло ученику и учительнице огромное удовольствие. Очередной урок приходился на сегодняшний вечер. Чтобы передать, как долго понадобилось уговаривать Кита сесть за стол в присутствии незнакомого джентльмена, как его наконец усадили, как он загнул обшлага, расставил локти, уткнулся носом в тетрадку и страшным образом скосил на нее глаза, как, взяв перо, он немедленно начал сажать кляксу за кляксой и вымазался чернилами до корней волос, как, написав совершенно случайно правильную букву, он нечаянно стирал ее рукавом, пытаюсь вывести вторую такую же, как при каждой очередной ошибке раздавался взрыв смеха девочки и не менее веселый хохот самого Кита и как, несмотря на подобные неудачи, наставница старалась преподавать своему ученику трудную науку письма, а он с таким же рвением одолевал ее, – повторяю, чтобы передать все эти подробности, понадобилось бы слишком много времени и места, гораздо больше, чем они того заслуживают. Будет вполне достаточно, если я скажу, что урок был дан, что вечер миновал и следом за ним наступила ночь, что к ночи старик опять стал выражать явные признаки беспокойства и нетерпения, что он ушел из дому тайком в тот же час, как и прежде, и что девочка опять осталась одна в этих мрачных стенах.

А теперь, доведя рассказ до этого места от своего имени и познакомив читателя с моими героями, я в интересах дальнейшего повествования отстранюсь от него и предоставлю тем, кто играет в нем главные и сколько-нибудь существенные роли, действовать и говорить самим за себя.

Глава IV

Мистер и миссис Квилп проживали на Тауэр-Хилле, и в своей скромной келье на Тауэр-Хилле миссис Квилп коротала часы разлуки, изнывая от тоски по супругу, покинувшему ее ради той деловой операции, которая, как мы уже видели, привела его в лавку древностей.

Определить род занятий или ремесло мистера Квилпа было бы трудно, хотя его интересы отличались крайней разносторонностью и дел ему всегда хватало. Он собирал дань в виде квартирной платы с целой армии обитателей трущоб на грязных улочках в грязных закоулках возле набережной, ссужал деньгами матросов и младших офицеров торговых судов, участвовал в рискованных операциях многих штурманов Ост-Индской компании, курил контрабандные сигары под самым носом у таможни и чуть ли не ежедневно встречался на бирже с господами в цилиндрах и в кургузых пиджачках. На правом берегу Темзы ютился небольшой, кишачий крысами и весьма мрачный двор, именовавшийся «Пристанью Квилпа», где взгляду представлялось следующее: дощатая контора, покосившаяся на один бок, словно ее сбросили сюда с облаков и она зарылась в землю, ржавые лапы якорей, несколько чугунных колец, гнилые доски и груды побитой, покореженной листовой меди. На «Пристани Квилпа» Дэниел Квилп выступал в роли подрядчика по слову старых кораблей, но, судя по всему, он был либо совсем мелкой сошкой в этой области, либо ломал корабли на совсем мелкие части. Нельзя также сказать, чтобы здесь кипела жизнь и замечались следы бурной деятельности, ибо единственным обитателем этих мест был мальчишка в парусиновой куртке (существо, по-видимому, земноводное), весь круг занятий которого заключался в том, что он либо сидел на сваях и бросал камни в тину во время отлива, либо стоял, засунув руки в карманы, и с полной безучастностью взирал на оживленную в часы прилива реку.

В доме карлика на Тауэр-Хилле, кроме помещения, занимаемого им самим и миссис Квилп, имелась крохотная каморка, отведенная ее матушке, которая проживала совместно с супружеской четой и находилась в состоянии непрекращающейся войны с Дэниелом, что не мешало ей сильно его побаиваться. Да и вообще это чудовище Квилп повергал в трепет почти всех, кто сталкивался с ним в повседневной жизни, действуя на окружающих то ли своим уродством, то ли крутостью нрава, то ли коварством, – чем именно, в конце концов не так уж важно. Но никого не держал он в таком полном подчинении, как миссис Квилп – хорошенькую, голубоглазую, бессловесную женщину, которая, связавшись с ним узами брака в явном ослеплении чувств (что случается не так уж редко), каждодневно и полной мерой расплачивалась теперь за содеянное ею безумие.

Мы сказали, что миссис Квилп коротала часы разлуки в своей скромной келье на Тауэр-Хилле. Коротать-то она коротала, но только не одна, ибо, кроме ее почтенной матушки, о которой уже упоминалось раньше, компанию ей составляли несколько соседок, по странной случайности (а также по взаимному стовору) явившихся в гости одна за другой как раз к чаю. Обстоятельства встречи вполне благоприятствовали беседе, в комнате стояла приятная полутьма и прохлада; цветы на раскрытом настежь окне, не пропуская с улицы пыли, в то же время заслоняли от глаз древний Тауэр, и дамы были не прочь поболтать и поблагодарить за чайным столом, чему немало способствовали такие соблазнительные вещи, как сливочное масло, мягкие булочки, креветки и кресс-салат.

Вполне естественно, что в такой компании и в такой обстановке разговор зашел о склонности мужчин тиранствовать над слабым полом и о вытекающей отсюда необходимости для слабого пола оказывать отпор их тиранству и отстаивать свои права и свое достоинство. Это было, естественно, по следующим четырем причинам: во-первых, миссис Квилп, как женщину молодую и явно изнывающую под пятой супруга, следовало подстрекнуть к бунту; во-вторых, родительница миссис Квилп была известна строптивостью нрава (качеством весьма похваль-

ным) и стремлением всячески противодействовать мужскому самовластию; в-третьих, каждой гостье хотелось выказать свое превосходство в этом смысле перед всеми другими существами одного с нею пола; и, в-четвертых, привыкнув сплетничать друг про дружку с глазу на глаз, дамы не могли предаваться этому занятию в тесном приятельском кружке, и, следовательно, им ничего не оставалось, как ополчиться на общего врага.

Учтя все это, одна из присутствующих – дебелая матрона – первая открыла обмен мнениями, осведомившись с весьма озабоченным и участливым видом, как себя чувствует мистер Квилп, на что матушка жены мистера Квилпа отрезала:

– Прекрасно! А что ему сделается? Худой траве все впрок! Дамы дружно вздохнули, сокрушенно покачали головой и так посмотрели на миссис Квилп, словно перед ними сидела мученица.

– Ах! – воскликнула все та же дебелая матрона. – Хоть бы вы ей что-нибудь присоветовали, миссис Джинивин! (Следует отметить, что в девичестве миссис Квилп была мисс Джинивин.) Ведь все зависит от того, как женщина себя поставит. Впрочем, что зря говорить, сударыня! Вам это лучше всех известно.

– Еще бы неизвестно! – ответила миссис Джинивин. – Да если б мой покойный муж, а ее дражайший родитель, осмелился сказать мне хоть одно непочтительное слово, я бы... – И почтенная старушка с яростью свернула шейку креветке, видимо заменяя недосказанное этим красноречивым действием. В таком смысле оно было понято, и ее собеседница не замедлила подхватить с величайшим воодушевлением:

– Мы с вами будто сговорились, сударыня! Я бы сама сделала то же самое!

– Да вам-то какая нужда! – сказала миссис Джинивин. – Вы можете обойтись и без этого. Я, слава Богу, тоже обходилась.

– Достоинство свое надо блюсти, тогда и нужды такой не будет, – провозгласила дебелая матрона.

– Слышишь, Бетси? – наставительным тоном обратилась к дочери миссис Джинивин. – Сколько раз я твердила тебе то же самое, заклинала тебя, чуть ли не на колени перед тобой становилась!

Бедная миссис Квилп, беспомощно взиравшая на сочувственные лица гостей, вспыхнула, улыбнулась и недоверчиво покачала головой. Это немедленно послужило сигналом ко всеобщему возмущению. Начавшись с невнятного бормотанья, оно мало-помалу перешло в крик, причем все кричали хором, уверяя миссис Квилп, что, будучи женщиной молодой, она не имеет права спорить с теми, кто умудрен опытом; что нехорошо пренебрегать советами людей, пекущихся только о ее благе; что такое поведение граничит с черной неблагодарностью; что вольно ей не уважать самое себя, но пусть подумает о других женщинах; что, если она откажется уважать других женщин, настанет время, когда другие женщины откажутся уважать ее, о чем ей придется очень и очень пожалеть. Облегчив таким образом душу, дамы с новыми силами набросились на крепкий чай, мягкие булочки, сливочное масло, креветки и кресс-салат и заявили, что от расстройства чувств им просто кусок в горло не идет.

– Это все одни разговоры, – простодушно сказала миссис Квилп, – а случись мне завтра умереть, Квилп женится на ком захочет, и ни одна женщина ему не откажет – вот не откажет и не откажет!

Ее слова были встречены негодующими возгласами. Женится на ком захочет! Посмел бы он только присвататься к кому-нибудь из них! Посмел бы только заикнуться об этом! Одна дама (вдова) твердо заявила, что она зарезала бы его, если б он решил хотя бы намекнуть ей о своих намерениях.

– Ну и хорошо, – сказала миссис Квилп, покачивая головой, – а все-таки это одни разговоры, и я знаю, прекрасно знаю: Квилп такой, что стоит только ему захотеть, и ни одна из

вас перед ним не устоит, даже самая красивая, если она будет свободна, а я умру, и он начнет за ней ухаживать. Вот!

Дамы горделиво вскинули головы, точно говоря: «Вы, конечно, имеете в виду меня. Ну что ж, пусть попробует – посмотрим!» И тем не менее все они по какой-то им одним ведомой причине взъелись на вдову и стали шептать, каждая на ухо своей соседке: пусть, дескать, эта вдова не воображает, будто намек относится к ней! Подумайте, какая вертихвостка!

– Это все правда, – продолжала миссис Квилп. – Спросите хоть маму. Она сама так говорила до того, как мы поженились. Ведь говорили, мама?

Такой вопрос поставил почтенную старушку в весьма затруднительное положение, ибо в свое время она немало потрудилась, чтобы ее дочка стала миссис Квилп; кроме того, ей не хотелось ронять честь семьи, внушая посторонним мысль, будто бы у них в доме обрадовались жениху, на которого никто больше не позарился. С другой стороны, преувеличивать неотразимость зятя тоже не следовало, так как это умалило бы самую идею бунта, которой она отдавала все свои силы. Раздираемая такими противоречивыми соображениями, миссис Джинивин признала за Квилпом умение подольститься, но в праве властвовать над кем-либо отказала ему наотрез и, весьма кстати ввернув комплимент дебелий матроне, обратила беседу на прежнюю тему.

– Миссис Джордж так права, так права! – воскликнула она. – Если бы только женщины умели блюсти свое достоинство! Но в том-то и беда, что Бетси этого совершенно не умеет!

– Допустить, чтобы мужчина так мною помыкал, как Квилп ею помыкает! – подхватила миссис Джордж. – Трепетать перед мужчиной, как она перед ним трепещет! Да я... да я лучше руки бы на себя наложила, а в письме написала бы, что это он меня уморил.

Все громогласно одобрили ее слова, после чего заговорила другая дама, с улицы Майнорис.

– Что ж, может быть, мистер Квилп и очень приятный мужчина, – начала она. – Да какие тут могут быть споры, когда сама миссис Квилп так говорит и миссис Джинивин так говорит, – ведь им-то лучше знать. Но будь он покрасивее да помоложе, ему еще можно было бы найти оправдание. Супруга же его молода, красива, и к тому же она женщина, а этим все сказано!

Последнее замечание, произнесенное с необычайным подъемом, исторгло сочувственный отклик из уст слушательниц, и, подбодренная этим, дама с улицы Майнорис заявила далее, что если такой муж грубиян и плохо обращается с такой женой, то...

– Да какое там «если»! – Матушка миссис Квилп поставила чашку на стол и стряхнула с колен крошки, видимо готовясь сообщить нечто весьма важное. – Да какое там «если», когда второго такого тирана свет не видывал! Она сама не своя стала, дрожит от каждого его взгляда, от каждого его слова, пикнуть при нем не смеет! Он ее насмерть запугал!

Несмотря на то что наши чаевницы были немало наслышаны об этом обстоятельстве и уже год судили и рядили о нем за чаепитиями во всех соседних домах, стоило им только услышать официальное сообщение миссис Джинивин, как все они затараторили разом, стараясь перешеголять одна другую в пылкости чувств и красноречии. Людям рта не зажмешь, провозгласила миссис Джордж, и люди не раз твердили ей обо всем этом, да вот и присутствующая здесь миссис Саймоне сама ей это рассказывала раз двадцать, на что она всякий раз неизменно отвечала: «Нет, Генриетта Саймонс, пока я не увижу этого собственными глазами и не услышу собственными ушами, не поверю, ни за что не поверю». Миссис Саймонс подтвердила свидетельство миссис Джордж и подкрепила его собственными, столь же неопровержимыми показаниями. Дама с улицы Майнорис поведала обществу, какому курсу лечения она подвергла своего мужа, который спустя месяц после свадьбы обнаружил повадки тигра, но был укрощен и превратился в совершеннейшего ягненка. Другая соседка тоже рассказала о своей борьбе, завершившейся полной победой после того, как она водворила в дом матушку и двух теток и проплакала шесть недель подряд, не осушая глаз ни днем, ни ночью. Третья, не найдя в общем

гаме более подходящей слушательницы, надела на молодую незамужнюю женщину, оказавшуюся среди гостей, и стала заклинять ее ради ее же собственного душевного покоя и счастья принять все это к сведению и, почерпнув урок из безволия миссис Квилп, посвятить себя отныне усмирению и укрощению мятежного духа мужчин. Шум за столом достиг предела, дамы старались перекричать одна другую, как вдруг миссис Джинивин побледнела и стала исподтишка грозить гостям пальцем, призывая их к молчанию. Тогда и только тогда они заметили в комнате причину и виновника всего этого волнения – самого Дэниела Квилпа, который пристально взирал на них и с величайшей сосредоточенностью слушал их разговоры.

– Продолжайте, сударыни, продолжайте! – сказал Дэниел. – Миссис Квилп, уж вы бы, кстати, пригласили дам отужинать, подали бы им омаров да еще чего-нибудь, что полегче и повкуснее.

– Я... я не звала их к чаю, Квилп, – пролепетала его жена. – Это получилось совершенно случайно.

– Тем лучше, миссис Квилп. Что может быть приятнее таких случайных вечеринок! – продолжал карлик, яростно потирая руки, словно он задался целью скатать из покрывавшей их грязи пули для духового ружья. – Как! Неужели вы уходите, сударыни? Неужели вы уходите?

Его очаровательные противницы только вскинули головки и принялись спешно разыскивать свои чепцы и шали, а словесную перепалку с ним предоставили миссис Джинивин, которая, очутившись в роли поборницы женских прав, сделала слабую попытку постоять за себя.

– А что ж тут такого, Квилп? – огрызнулась она. – Вот возьмут и останутся к ужину, если моя дочь захочет их пригласить!

– Разумеется! – воскликнул Дэниел. – Что ж тут такого – возьмут и останутся!

– Уж будто и поужинать людям нельзя! Что же в этом неприличного или зазорного? – продолжала миссис Джинивин.

– Решительно ничего, – ответил карлик. – Откуда у вас такие мысли? А уж для здоровья как хорошо! Особенно если обойтись без салата из омаров и без креветок, которые, как я слышал, вызывают засорение желудка.

– Вы, разумеется, не захотите, чтобы с вашей женой приключилась такая болезнь или какая-нибудь другая неприятность? – не унималась миссис Джинивин.

– Да ни за какие блага в мире! – воскликнул карлик и ухмыльнулся. – Даже если мне посулят такое благо, как двадцать тещ. А я был бы так счастлив с ними!

– Да, мистер Квилп! Моя дочь приходится вам супругой, – продолжала старушка с язвительным смешком, который должен был подчеркнуть, что карлику полезно лишний раз напомнить об этом обстоятельстве. – Она приходится вам законной супругой!

– Справедливо! Совершенно справедливо! – согласился он.

– И надеюсь, Квилп, она вправе поступать по собственному усмотрению, – продолжала миссис Джинивин, дрожа всем телом не то от гнева, не то от затаенного страха перед своим зловредным зятем.

– Я тоже надеюсь, – ответил он. – Да разве вы сами этого не знаете? Так-таки и не знаете, миссис Джинивин?

– Знаю, Квилп, и она воспользовалась бы своим правом, если бы придерживалась моих взглядов.

– Почему же, голубушка, вы не придерживаетесь взглядов вашей матушки? – сказал карлик, круто поворачиваясь к жене. – Почему, голубушка, вы не берете с нее примера? Ведь она служит украшением своего пола, – ваш батюшка, наверно, не уставал твердить это изо дня в день всю свою жизнь!

– Ее отец был счастливейшим человеком, Квилп, и один стоил двадцати тысяч некоторых других, – сказала миссис Джинивин, – двадцати миллионов тысяч!

– А я его не знал! Какая жалость! – воскликнул карлик. – Но если он *был* счастливец, то что же сказать о нем теперь! Вот кому повезло! Зато при жизни он, надо думать, очень мучился?

Старушка открыла рот, но тем дело и ограничилось. Квилп продолжал, так же злобно сверкая глазами и тем же издевательски-вежливым тоном:

– Вам нездоровится, миссис Джинивин. Вы, должно быть, переутомились – болтаете много, я же знаю вашу слабость. В постель ложитесь, в постель! Прошу вас!

– Я лягу, когда сочту нужным, Квилп, и ни минутой раньше.

– Вот сейчас и ложитесь. Будьте так добры, ложитесь! – сказал карлик.

Старушка смерила его гневным взглядом, но отступила и, пятясь все дальше и дальше, очутилась наконец за дверью, мгновенно закрытой на щеколду, вместе с гостями, запрудившими всю лестницу.

Оставшись наедине с женой, которая сидела в углу, дрожа всем телом и не поднимая глаз от пола, карлик стал в нескольких шагах от нее, сложил руки на груди и молча уставился ей в лицо.

– Сладость души моей! – воскликнул он наконец и громко причмокнул, точно эти слова относились не к жене, а к какому-то лакомству. – Прелестное создание! Очаровательница!

Миссис Квилп всхлипнула, зная по опыту, что комплименты ее милейшего супруга не менее страшны, чем самые ярые угрозы.

– Она... она такое сокровище! – с дьявольской ухмылкой продолжал карлик. – Она бриллиант, рубин, жемчужина! Она золоченый ларчик, усыпанный драгоценными камнями! Как я люблю ее!

Несчастливая женщина затрепетала всем телом и, обратив к нему умоляющий взгляд, тотчас же опустила глаза долу и заплакала.

– Но больше всего, – снова заговорил карлик, приближаясь к жене вприпрыжку, что окончательно придало этому кривоногому уроду сходство с разыгравшимся бесом, – больше всего мне мила в ней кротость характера, безропотная покорность, и то, что у нее такая матушка, которая всюду сует свой нос.

Вложив в эти последние слова всю ту язвительную злобу, на какую был способен только он и больше никто, мистер Квилп широко расставил ноги, уперся руками в колени и начал медленно, медленно нагибаться и наконец, склонив голову набок, заглянул снизу в опущенные глаза жены.

– Миссис Квилп?

– Да, Квилп.

– Я вам нравлюсь? Ах, если бы мне еще бакенбарды! Был бы я первым красавцем в мире? Впрочем, я хорош и без них! Покоритель женских сердец, да и только! Правда, миссис Квилп?

Миссис Квилп с должным смирением ответила: «Да, Квилп». Словно околдованная, она не сводила испуганного взгляда с карлика, а он корчил ей такие гримасы, какие могут приниться лишь в страшном сне. Эта комедия, затянувшаяся довольно надолго, проходила в полном молчании, и его нарушали только сдавленные крики несчастной женщины, когда карлик неожиданным прыжком заставлял ее в ужасе откидываться на спинку стула.

Но вот Квилп фыркнул.

– Миссис Квилп, – сказал он наконец.

– Да, Квилп, – покорно отозвалась она.

Вместо того чтобы продолжать, Квилп снова сложил руки на груди и устремил на жену еще более свирепый взгляд, а она, все так же потупившись, смотрела себе под ноги.

– Миссис Квилп.

– Да, Квилп.

– Если вы вздумаете еще хоть раз в жизни слушать вздор, какой несут эти ведьмы, я вас укушу.

Сопроводив для пущей убедительности свою лаконическую угрозу злобным рычанием, мистер Квилп приказал жене убрать со стола и принести ему рому. Когда же этот напиток был поставлен перед ним в объемистой фляге, вероятно извлеченной в свое время из недр какого-нибудь корабельного рундука, он потребовал холодной воды и коробку сигар, незамедлительно получил все это и, усевшись в кресло, откинулся своей огромной головой на его спинку, а ноги задрал на стол.

– Ну-с, миссис Квилп, – сказал он, – мне вдруг припала охота покурить, и я, вероятно, буду дымить всю ночь. Но вы извольте оставаться на своем месте, так как ваши услуги могут потребоваться.

Жена ответила ему своим неизменным «да, Квилп», а ее коротконогий повелитель закурил первую сигару и приготовил себе первый стакан грога. Солнце зашло, на небе выглянули звезды; Тауэр сменил свой обычный цвет на серый, из серого стал черным; в комнате совсем стемнело; кончик сигары зардел угольком, а мистер Квилп все курил, все потягивал грог, не меняя позы, устремив отсутствующий взгляд в окно и показывая зубы в собачьем оскале, переходившем в ликующую улыбку всякий раз, как миссис Квилп, изнемогая от усталости, начинала ерзать на стуле.

Глава V

Спал ли Квилп урывками, по несколько коротких минут, не смыкал ли глаз всю ночь – неизвестно, во всяком случае сигары у него не потухали, и он прикуривал их одна о другую, обходясь без свечки. Даже башенные куранты, отбивавшие час за часом, не вызывали в нем сонливости, а наоборот – побуждали к бодрствованию, о чем можно было судить хотя бы по тому, что, прислушиваясь к их бою, отмечавшему течение ночи, он негромко хихикал и поводил плечами, точно потешаясь над чем-то, – правда, украдкой, но зато уж от всей души.

Наконец стало светать. Несчастная миссис Квилп, совершенно истомленная бессонной ночью, продрогшая от утреннего холода, по-прежнему сидела на стуле и лишь время от времени поднимала глаза на своего повелителя, без слов моля о сострадании и милосердии и осторожным покашливанием напоминая ему, что она все еще не прощена и что наложенная на нее эпитимия слишком уж сурова. Но карлик как ни в чем не бывало курил сигару за сигарой, потягивал грог и лишь тогда удостоил свою благоверную словом и взглядом, когда солнце взошло и город возвестил о начале дня уличной суетой и шумом. Впрочем, Квилп соизволил сделать это только потому, что услышал, как в дверь нетерпеливо постучали чьи-то костлявые пальцы.

– Творец небесный! – воскликнул мистер Квилп, со злорадной усмешкой оглядываясь на жену. – Ночь-то миновала! Радость моя, миссис Квилп, откройте дверь!

Покорная жена откинула щеколду и пустила свою матушку.

Миссис Джинивин ворвалась в комнату пулей, ибо она никак не думала наткнуться здесь на зятя и явилась облегчить душу откровенными излияниями по поводу его нрава и поведения. Убедившись, что он здесь и что супружеская чета не покидала комнаты со вчерашнего вечера, старушка остановилась в полном замешательстве.

Ничто не могло ускользнуть от ястребиного взор уродливого карлика. Угадав мысли своей тещи, он так разыграл от радости и, с торжествующим видом выпучив на нее глаза, отчего физиономия у него стала еще страшнее, пожелал ей доброго утра.

– Бетси! – сказала старушка. – Ты что же это? Неужели ты...

– ...не ложилась всю ночь? – договорил за нее Квилп. – Да, не ложилась!

– Всю ночь! – воскликнула миссис Джинивин.

– Да, всю ночь! Наша бесценная старушка, кажется, стала туга на ухо? – Квилп улыбнулся и в то же время устрашающе насупил брови. – Кто посмеет сказать, что муж и жена могут соскучиться, оставшись с глазу в глаз! Ха-ха! Время пробежало совершенно незаметно.

– Зверь! – возопила миссис Джинивин.

– Ну, что вы, что вы! – сказал Квилп, притворяясь, будто не понимает ее. – Не надо бранить дочку! Она ведь замужняя женщина. Правда, я не спал всю ночь по ее милости, но нежные заботы о зяте не должны ссорить вас с дочерью. Ах, добрая душа! Пью ваше здоровье!

– Премного благодарна, – ответила миссис Джинивин, имевшая, судя по беспокойным движениям ее рук, сильное желание погрозить зятю кулаком. – Премного вам благодарна!

– Святая душа! – воскликнул карлик. – Миссис Квилп!

– Да, Квилп, – отозвалась безответная страдалница.

– Помогите вашей матушке подать завтрак, миссис Квилп. Мне надо с самого утра быть на пристани. И чем раньше я там буду, тем лучше, так что поторапливайтесь.

Миссис Джинивин сделала жалкую попытку изобразить бунтовщицу: она уселась на стул возле двери и скрестила руки на груди, выражая этим твердое решение пребывать в полном бездействии. Но несколько слов, шепотом сказанных дочерью, а также участливый вопрос зятя, не дурно ли ей, сопровождавшийся намеком на изобилие холодной воды рядом в комнате,

образумили старушку, и она с мрачным усердием принялась выполнять полученное приказание.

Пока собирали на стол, мистер Квилп удалился в соседнюю комнату и, отогнув воротник сюртука, начал вытирать физиономию мокрым полотенцем далеко не первой свежести, после чего цвет лица у него стал еще более тусклым. Впрочем, настороженность и любопытство не изменяли ему даже во время этой короткой процедуры: он то и дело отрывался от своего занятия и, бросая через плечо пронзительные, хитрые взгляды, прислушивался, не говорят ли о нем за дверью.

– Ага, – сказал он в одну из таких пауз. – Я думал: вытираю уши полотенцем, вот и ослышался. Ан нет! Значит, я мерзкий горбун и чудовище, миссис Джинивин? Так, так, так!

От радости, которую доставило ему это открытие, собачья улыбка так и заиграла на его физиономии. Потом он встряхнулся всем телом, тоже по-собачьи, и присоединился к дамам.

Увидев, что Квилп подошел к зеркалу повязать шейный платок, миссис Джинивин, слушавшаяся как раз за спиной у своего деспотического зятя, не устояла перед соблазном и погрозила ему кулаком, сопроводив это минутное движение угрожающей миной; и тут взгляды их встретились: из зеркала на нее глядела перекошенная чудовищной гримасой физиономия с высунутым языком. Еще секунда, и карлик как ни в чем не бывало повернулся на каблуках и спросил ласковым голосом:

– Ну, как вы себя чувствуете, милая моя старушка?

Случай этот, сам по себе пустяковый и нелепый, выказал его таким злобным, коварным бесом, что миссис Джинивин с перепугу онемела, приняла руку, поданную ей с величайшей галантностью, и позволила подвести себя к столу. За завтраком страх обеих женщин перед Квилпом не ослабел ни на йоту, ибо он пожирал крутые яйца со скорлупой, проглатывал целиком огромных креветок, с необычайной жадностью жевал сразу табак и кресс-салат, не морщась хлебал кипящий чай, стигал зубами вилку и ложку – короче говоря, вытворял нечто такое несуразное и страшное, что обе женщины были сами не свои от ужаса и начали сомневаться в его принадлежности к роду человеческому. Прodelав эти и многие другие подобные же штуки, входившие в его воспитательную систему, мистер Квилп оставил жену и тещу совершенно притихшими, укрощенными и отправился к набережной, где нанял лодку до пристани, носившей его имя.

Когда Дэниел Квилп уселся в ялик и велел доставить себя к противоположному берегу, был час прилива. Множество барж лениво ползли вверх по реке – которая боком, которая носом вперед, которая кормой, как придется, – и настойчиво, упрямо, все вперемешку лезли на большие суда, перерезали путь пароходам, забирались всюду, где им совершенно нечего было делать, и, потрескивая, точно грецкие орехи, от ударов и справа и слева, шлепали по воде длинными кормовыми веслами – ни дать ни взять огромные неуклюжие рыбыны при последнем издыхании. На некоторых судах, стоявших на якоре, команда укладывала в бунты канаты, сушила паруса, принимала новый груз или сгружала доставленный. На других же не было и признаков жизни, если не считать двух-трех матросов да собаки, которая то с лаем носилась по палубе, то вдруг начинала карабкаться вверх по борту и заливаться еще пуще, глядя на открывавшийся перед ней вид. Большой пароход медленно прокладывал себе путь сквозь лес мачт и тяжело, словно в одышке, рассекал воду короткими нетерпеливыми ударами своих тяжелых лопастей, возвышаясь эдаким левиафаном над мелкой плотичкой Темзы. По правую и по левую руку чернели длинные вереницы угольщиков; шхуны не спеша пробирались между ними к выходу из гавани, сверкая парусами на солнце, и поскрипыванье их снастей отдавалось на воде стократным эхом. Река со всем, что она несла на себе, была в непрерывном движении – играла, плясала, искрилась; а древний сумрачный Тауэр, окруженный строениями и церковными шпилями, там и сям взлетающими ввысь, холодно посматривал с берега на свою соседку, презирая ее за беспокойный, суетливый нрав.

Дэниел Квилп, который был способен оценить такое славное утро только потому, что оно избавляло его от необходимости таскаться с дождевым зонтом, сошел на берег возле своей пристани и зашагал к ней по узкой тропинке, изобилующей в равной степени и водой и тиной, – вероятно, в угоду тем земноводным существам, что мерили ее изо дня в день. Прибыв к месту своего назначения, он прежде всего увидел пару ног в далекой от совершенства обуви, болтающихся в воздухе подошвами кверху. Этот странный феномен имел несомненное касательство к мальчишке, который, видимо, сочетал эксцентричность натуры со страстью к акробатике и в данную минуту стоял на голове, созерцая реку с этой не совсем обычной позиции. Хозяйский голос живо поставил акробата на ноги, и, когда его голова заняла подобающее место, мистер Квилп (выражаясь крепко, за неимением более подходящих слов) «съездил» его по физиономии кулаком.

– Оставьте меня, чего лезете! – крикнул мальчишка, отбиваясь от Квилпа то одним, то другим локтем. – Как бы вам сдачи не получить! Небось тогда не обрадуетесь!

– Ах ты собака! – зарычал Квилп. – Он еще смеет огрызаться! Да я тебя железным прутком выпорю, ржавым гвоздем искорябаю, глаза тебе выцарапаю!

Не удовлетворяясь одними угрозами, карлик снова сжал кулаки, ловко уклонился от локтей мальчишки, схватил его за голову и, как тот ни крутил ею из стороны в сторону, дал ему три-четыре хороших затрешины. Достигнув таким образом намеченной цели и поставив на своем, он отпустил его.

– А больше не побьете! – крикнул мальчишка и попятился назад, выставив на всякий случай локти. – Ну-ка!..

– Молчать, собака! – сказал Квилп. – Больше я тебя не побью по той простой причине, что ты уже битый. Держи ключ!

– С кем связываетесь! Выбрали бы себе кого-нибудь под пару! – пробормотал мальчишка, нерешительно подходя к нему.

– А где таких взять, чтоб были мне под пару? – огрызнулся Квилп. – Держи ключ, собака, а то я тебе голову им размозжу. – И в подтверждение своих слов он больно щелкнул его бородкой ключа по лбу. – Поди открой контору.

Мальчишка повиновался с большой неохотой, но, уходя, буркнул что-то себе под нос, оглянулся и тут же прикусил язык, ибо карлик строго смотрел ему вслед. Здесь не мешает заметить, что этого юнца и мистера Квилпа связывала какая-то непонятная взаимная симпатия. Как она зародилась и крепла, чем питалась – колотушками ли и вечными угрозами с одной стороны, дерзостями и пренебрежением – с другой, – не столь важно. Во всяком случае, Квилп никому не позволил бы перечить себе, кроме этого мальчишки, а тот вряд ли стерпел бы побои от кого-нибудь другого, кроме Квилпа, тем более что при желании от него всегда можно было убежать.

– Присматривай тут, – сказал Квилп, входя в свою дощатую контору, – а если посмеешь опять стать на голову, я тебе одну ногу отрублю.

Мальчишка промолчал; но стоило только Квилпу запереться в конторе, как он сейчас же стал на голову перед самой дверью, потом прошелся на руках к задней стене, постоял там, а потом тем же манером проделал весь путь в обратном порядке. Контора была, разумеется, о четырех стенах, но той стороны, куда выходило окно, мальчишка избегал, опасаясь, как бы Квилп не выглянул во двор. Предусмотрительность оказалась не лишней, потому что Квилп, зная, с кем имеет дело, притаился за ставнями, вооружившись увесистой доской, которая была вся в зазубринах и гвоздях и могла причинить серьезные увечья.

Так называемая контора Квилпа представляла собой не что иное, как грязную хибарку, где все убранство составляли две табуретки, колченогий стол, вешалка для шляпы, старый календарь, чернильница без чернил, огрызок пера да часы с восьмисуточным заводом, не заводившиеся по меньшей мере восемнадцать лет и даже потерявшие минутную стрелку, так как

она употреблялась в качестве зубочистки. Дэниел Квилп нахлобучил шляпу на нос, забрался на стол, вытянулся во весь свой короткий рост на этом, по-видимому привычном для него, ложе и сейчас же задремал, намереваясь вознаградить себя за прошлую ночь долгим и крепким сном.

Сон его был, вероятно, крепок, но не долог, потому что не прошло и четверти часа, как дверь в контору приотворилась и из-за нее высунулась голова мальчишки, совершенно взъерошенная, точно на ней росли не волосы, а клочья пакли. Квилп, всегда спавший чутко, сразу же встрепенулся.

– К вам пришли, – сказал мальчишка.

– Кто?

– Не знаю.

– Спроси! – крикнул Квилп и, схватив все ту же увесистую доску, запустил ею в вестника, да так ловко, что, не успей мальчишка шмыгнуть за дверь, она угодила бы прямо в него. – Спроси, собака!

Не рискуя больше подвергаться действию таких метательных снарядов, мальчишка благоразумно пропустил вперед гостью, которая, собственно, и была причиной всего беспокойства, и она появилась на пороге.

– Как! Это ты, Нелли! – воскликнул Квилп.

– Да, – сказала девочка, не зная, входить ей или бежать прочь, так как поднятый со сна карлик, в желтом платке, из-под которого длинными космами свисали волосы, представлял собой страшное зрелище. – Это я, сэр.

– Входи, – сказал Квилп, не слезая со стола. – Входи! Впрочем, нет! Выгляни сначала во двор и посмотри, не стоит ли там мальчишка на голове.

– Нет, сэр, – ответила Нелл. – Он на ногах.

– Ты правду говоришь? – спросил Квилп. – Ну, ладно. Входи и затвори за собой дверь. С чем ты пришла, Нелл?

Девочка протянула ему письмо. Мистер Квилп повернулся немного на бок, подпер подбородок рукой и в этой позе приступил к чтению.

Глава VI

Нелл робко стояла перед мистером Квилпом, читающим письмо, и не сводила с него внимательного взгляда, ясно говорившего, что она была не прочь посмеяться над уродливым карликом и его нелепой позой, хотя он и вызывал в ней чувство недоверия и страха. Но мучительное беспокойство и опасение, как бы ответ не оказался неприятным и даже огорчительным, так противоречили улыбке, просившейся на губы девочки, что ей легко было побороть ее.

Содержание письма озадачило, весьма озадачило мистера Квилпа, это было совершенно очевидно. Пробежав первые две-три строки, он выпучил глаза, свирепо насунился, после третьей-четвертой начал яростно скрести в затылке, а под конец уныло засвистал, выражая этим свое полное недоумение и тревогу. Потом, сложив письмо и бросив его на стол, карлик принялся остервенело грызть ногти на обеих руках, но тут же снова схватился за листок и опять пробежал его сверху донизу. Вторичное чтение дало, по-видимому, столь же неудовлетворительные результаты и погрузило карлика в глубокое раздумье. Очнувшись, он с новыми силами накинудся на свои ногти и долго не сводил взгляда с девочки, которая стояла, потупившись, и ждала, что ему заблагорассудится сказать ей.

– Слушай! – крикнул карлик, да так неожиданно, что она вздрогнула, точно у самого ее уха выпалили из ружья. – Нелли!

– Да, сэр?

– Нелл, ты знаешь, что здесь написано?

– Нет, сэр.

– Правда не знаешь? Так-таки ничего и не знаешь, честное слово?

– Правда, сэр.

– А ну скажи: умереть мне на этом месте!

– Я ничего не знаю, сэр, – повторила девочка.

– Ну, ладно, – пробормотал Квилп, глядя на ее серьезное личико. – Я тебе верю. Гм! Все уплыло? Уплыло за одни сутки? Куда же он их дел? Вот загвоздка-то!

Карлик снова принялся скрести в затылке и грызть ногти. Потом, не прекращая этого занятия, он вдруг заулыбался довольно приветливо, хотя у всякого другого человека такую улыбку можно было бы принять за мучительную гримасу, и девочка, подняв глаза, поймала на себе его благосклонный и ласковый взгляд.

– Какая ты сегодня хорошенькая, Нелли, просто прелесть! Ты не устала, Нелли?

– Нет, сэр. Я очень тороплюсь домой, дедушка будет тревожиться, что меня так долго нет.

– Куда тебе спешить, Нелли? Вот еще выдумала! Скажи лучше, ты не хотела бы стать моим номером вторым, Нелли?

– Чем, сэр?

– Моим номером вторым, Нелли, моей следующей... моей миссис Квилп?

Девочка испуганно посмотрела на него, но, видимо, не поняла, чего он от нее хочет; и, заметив это, мистер Квилп поспешил изложить свою мысль более вразумительно.

– Я предлагаю тебе стать миссис Квилп второй, когда миссис Квилп первая умрет, очаровательная Нелл, – сказал он, щурясь и подманивая ее к себе крючковатым пальцем. – Стать моей женошкой – щечки-розаны, губки-вишенки! Если миссис Квилп проживет еще пять лет – нет! четыре года, – к тому времени ты как раз подрастешь. Ха-ха-ха! Будь умницей, Нелли, будь паинькой! Глядишь, годы пробегут, и станешь ты миссис Квилп с Тауэр-Хилла.

Вместо того чтобы воспрянуть духом и возликовать в предвидении столь блестящей партии, девочка вздрогнула и отшатнулась от него. Может быть, мистер Квилп испытывал истинное наслаждение, пугая людей? Может быть, его привела в восторг мысль о смерти миссис Квилп номер один и переходе ее звания и титула к миссис Квилп номер два? Или же ему, по

каким-то особым причинам, важно было показать сейчас свою обходительность и благодушие? Так или иначе, но он рассмеялся и сделал вид, будто не замечает испуга девочки.

– Мы с тобой сию же минуту поедem на Тауэр-Хилл, и ты повидaeшьcя с теперешней миссис Квилп, – сказал карлик. – Она очень тебя любит, Нелл, хотя и не так сильно, как я. Пойдем, Нелл, пойдем.

– Нет, мне правда надо домой. Дедушка велел скорее принести ему ответ.

– Так ведь ответа еще нет, Нелли, – возразил карлик, – да и не будет, и не может быть, пока я не побываю дома. Значит, чтобы выполнить поручение, тебе придется пойти со мной. Дай мне мою шляпу, милочка, и мы сейчас же отправимся. – С этими словами мистер Квилп начал постепенно сползать со стола и наконец коснулся своими короткими ножками пола. Приняв таким образом вертикальное положение, он вместе с Нелли вышел из конторы во двор, где взору его прежде всего явился мальчишка (тот самый, что стоял на голове) и еще один юный джентльмен, примерно одного с ним роста, которые клубком катались в грязи и с азартом тузили друг друга кулаками.

– Это Кит! – воскликнула Нелл, в ужасе стиснув руки. – Бедный Кит! Он пришел вместе со мной! Мистер Квилп, разнимите их, ради Бога!

– Сейчас! – крикнул Квилп и, метнувшись обратно в контору, через секунду выскочил оттуда с толстой палкой. – Сейчас я их разниму! Валяйте, голубчики, валяйте! Я вам обоим всыплю! Вот я вас, вот я вас, вот я вас!

Приговаривая так, он взмахнул своей дубинкой и, словно одержимый, пошел приплясывать вокруг борцов, топтать их ногами, перепрыгивать через них, с одинаковой щедростью расточая удары и тому и другому и целясь им в голову, как и подобало такому кровожадному зверюге. Противники, видимо, не рассчитывавшие, что дело примет столь серьезный оборот, быстро вскочили на ноги и взмолились о пощаде.

– Я вас так измочалю, собаки, сами себя не узнаете! – кричал Квилп, тщетно пытаясь ударить напоследок хоть одного из них. – Вы у меня бурого цвета будете от кровоподтеков! Рожи вам расквашу так, что на вас двоих и одного профиля не останется!

– Бросьте палку! Как бы самому не досталось! – буркнул мальчишка, ловко увертываясь от него и выжидая удобного случая, чтобы перейти в наступление. – Вам говорят, бросьте палку!

– Я ее брошу, собака, да только тебе в голову! Поближе подойди, поближе! – сверкая глазами, твердил Квилп. – Ну, ну, ближе, еще, еще...

Мальчишка внял этому приглашению не сразу, а улучил минутку, когда хозяин чуть-чуть зазевался, и, ринувшись вперед, попробовал было вырвать палку у него из рук. Квилпу, обладавшему львиной силой, ничего не стоило удержать свое оружие, но как только его противник изо всей мочи потянул палку на себя, он вдруг разжал руку, и мальчишка, полетев навзничь, больно стукнулся головой о землю. Столь удачный маневр привел мистера Квилпа в неописуемый восторг, и он захохотал и затопал ногами, точно это была невесть какая забавная шутка.

– Ладно! – сказал мальчишка, мотая головой и в то же время потирая ушибленное место. – Теперь я в жизни не полезу в драку, когда про вас будут говорить, что таких страшных карликов и за деньги не увидишь.

– Значит, по-твоему, это неверно, собака ты эдакая? – рявкнул Квилп.

– Нет, верно.

– Тогда почему же ты, мерзавец, полез в драку у меня на пристани?

– Потому, что он так сказал, – ответил мальчишка, тыча пальцем в сторону Кита. – Вот почему, а не потому, что это неверно.

– А зачем он сказал, что мисс Нелли уродина, – возопил Кит, – и что она и мой хозяин пляшут под дудочку его хозяина? Зачем он так сказал?

– Он так сказал потому, что он болван, а ты так сказал потому, что ты умник-разумник, слишком большой умник, Кит. Пожалуй, если не остережешься, не сносить тебе головы, – проговорил Квилп, и голос у него прозвучал ласково-ласково, а около глаз и у рта собрались злющие-презлющие морщинки. – Получи шесть пенсов, Кит, и всегда говори правду. Всегда, Кит, говори правду. Запри контору, собака, и верни мне ключ!

Мальчишка сделал, как ему было приказано, а в виде вознаграждения за свое заступничество получил от хозяина ключом по носу, да так сильно, что его даже слеза прошибла. После этого мистер Квилп, девочка и Кит отбыли на лодке, заступник же, упиваясь мстью, ходил на руках у самого края пристани до тех пор, пока они не высадились на тот берег.

В доме на Тауэр-Хилле была одна миссис Квилп, которая совсем не ожидала возвращения своего повелителя и только-только собралась немного вздремнуть, когда за дверью послышались его шаги. Она едва успела схватить шитье и притвориться занятой, как он уже вошел в комнату в сопровождении одной Нелли, ибо Кит остался внизу.

– Я привел Нелли Трент, дорогая моя миссис Квилп, – сказал карлик. – Нелли очень устала, угостите ее стаканчиком вина, печеньем, и пусть она посидит с вами, душенька, а я тем временем напишу письмо.

Миссис Квилп с трепетом подняла глаза на супруга, стараясь угадать, чем вызваны эти несвойственные ему любезности, и, повинувшись его властному знаку, вышла за ним в соседнюю комнату.

– Слушайте, что я скажу, – зашипел Квилп. – Постарайтесь выведать у нее, сколько можно, про деда, про то, что они делают, как живут, о чем он говорит с ней. Мне надо это знать, на то есть свои причины. Вы, женщины, между собой гораздо откровеннее, чем с нами, мужчинами, а уж с вашей-то мягкостью и обходительностью вам ничего не стоит подладиться к ней. Понятно?

– Да, Квилп.

– Так вот, ступайте. Ну, что еще?

– Дорогой мой Квилп, – нерешительно начала его жена. – Я люблю эту девочку... мне не хочется обманывать ее... может быть, вы избавите меня...

Карлик выругался вполголоса и огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь тяжелого предмета, которым можно было бы воздать по заслугам непокорной жене. Но кроткая женщина умолила его сменить гнев на милость и пообещала сделать все, что от нее требовалось.

– Поняли? – снова зашипел Квилп, несколько раз с вывертом ущипнув жену за руку. – Выведайте ее тайны. Это легко сделать. Да не забывайте, что я подслушиваю. Начнете тянуть, мямлить – я скрипну дверь; и если дверь будет скрипеть часто, пеняйте потом на себя. Ну, идите!

Миссис Квилп удалилась согласно приказанию, а ее любезный супруг с хитрым и сосредоточенным видом устроился за дверью и, прижавшись к ней ухом, расположился слушать.

Несчастливая миссис Квилп никак не могла придумать, с чего начать, о чем спрашивать, и подала голос лишь после того, как дверь, проскрипев очень настойчиво, приказала ей без дальнейших размышлений приступить к делу.

– За последнее время ты что-то зачастила к мистеру Квилпу, милочка.

– Да, я сама сколько раз жаловалась на это дедушке, – простодушно сказала Нелл.

– А он что?

– Ничего... Вздохнет, уронит голову на руки и сидит такой печальный, несчастный. Если бы вы увидели его в эту минуту, то, наверно, не удержались бы и заплакали вместе со мной... Какая у вас дверь скрипучая!

– Да, она то и дело скрипит, – сказала миссис Квилп, бросив тревожный взгляд в ту сторону. – Но ведь раньше твой дедушка... таким не был?

– Нет, что вы! – воскликнула Нелли. – Он был совсем другой! Нам с ним жилось так хорошо, легко, весело. Вы даже представить себе не можете, как у нас все изменилось за последнее время!

– Мне больно тебя слушать, дитя мое! – сказала миссис Квилп, и она не покривила душой.

– Благодарю вас, – ответила девочка, целуя ее в щеку. – Вы всегда такая добрая, и с вами так приятно поделиться. Мне ведь ни с кем не приходится говорить о нем, кроме нашего Кита. И все-таки я очень счастлива и должна бы радоваться своему счастью... Но если бы вы знали, как иной раз бывает горько видеть, что мой дедушка стал совсем другой!

– Подожди, Нелли, – сказала миссис Квилп, – это пройдет, и у вас снова все наладится.

– О, если бы Господь смиловился над нами! – воскликнула девочка, и слезы хлынули у нее из глаз. – Но ведь сколько прошло времени с тех пор, как дедушка... Смотрите, дверь открылась.

– Это сквозняк, – чуть слышно проговорила миссис Квилп. – С тех пор, как дедушка...

– ...стал таким задумчивым, грустным. Раньше мы с ним совсем по-другому проводили наши вечера, – продолжала Нелл. – Я, бывало, читаю ему, а он сидит у камина и слушает; потом – книжку в сторону, начнем разговаривать, и он рассказывает про мою мать, какая она была девочкой, – совсем как я, и лицом и голосом. Или посадит меня на колени и старается объяснить мне, что она не в могиле, а улетела на небо, в ту прекрасную страну, где нет ни старости, ни смерти... Как нам было хорошо тогда!

– Нелли, Нелли! – воскликнула несчастная женщина. – Сердце разрывается, на тебя глядя! Ты еще совсем ребенок и так убиваешься. Не плачь, перестань!

– Я очень редко плачу, – сказала девочка. – Но у меня больше нет сил таить это про себя, а сегодня мне нездоровится, вот слезы и льются сами собой, никак их не остановишь. Я не боюсь поделиться с вами своим горем, ведь вы никому о нем не скажете.

Миссис Квилп отвернулась от нее и промолчала.

– Как часто мы гуляли с ним раньше по полям и зеленым рощам! – продолжала Нелл. – Возвращались домой только к вечеру; и чем больше устанем, тем милее нам дом, и мы радуемся: как у нас хорошо! А если в комнатах покажется темно и скучно, мы с ним, бывало, говорим: «Ну что ж, зато какая у нас была прогулка!» – и с нетерпением ждем следующей. Но теперь дедушка не ходит гулять, и в доме у нас стало еще темнее, еще безотраднее, хотя с виду в нем ничто не изменилось.

Она замолчала; дверь скрипнула несколько раз подряд, но миссис Квилп будто не слышала этого.

– Только не думайте, – вдруг спохватилась Нелл, – что дедушка переменялся ко мне. По-моему, он любит меня с каждым днем все больше и больше и становится все ласковее, добрее. Вы даже представить себе не можете, как он ко мне привязан!

– Я не сомневаюсь, что дедушка очень любит тебя, – сказала миссис Квилп.

– Да, очень, очень! – воскликнула Нелл. – Не меньше, чем я его. Но вы еще не знаете самого главного... только смотрите, никому ни слова об этом! Он теперь совсем не спит, разве лишь задремлет днем, в кресле, а по ночам, почти до самого утра, его не бывает дома.

– Нелли!

– Шш! – шепнула девочка, поднеся палец к губам и оглянувшись. – Дедушка приходит домой под утро, когда чуть брезжит, и я открываю ему дверь. Вчера он вернулся еще позднее – на дворе уже рассвело, и такой бледный, глаза воспаленные, ноги дрожат. Я только легла и вдруг слышу: он стонет. Тогда я снова поднялась, подбежала к нему, а он, должно быть, не сразу меня увидел и говорит сам с собой, что такая жизнь невыносима и, если б не ребенок, ему лучше бы умереть. Что мне делать! Боже мой, что мне делать!

Родник, таившийся в глубине сердца девочки, пробился на волю. Время горестей и забот, признание, впервые слетевшее с ее уст, сочувствие, с которым была выслушана ее маленькая

исповедь, взяли свое, и, бросившись в объятия беспомощной миссис Квилп, она заплакала навзрыд.

Вскоре в комнату вошел мистер Квилп и, увидев Нелли в слезах, выразил свое крайнее удивление по этому поводу, что получилось вполне естественно, ибо ему было не впервой разыгрывать такие сценки.

– Вот видите, миссис Квилп, как она устала, – сказал карлик, свирепо скосив на жену глаза и тем самым давая ей понять, что она должна вторить ему. – Ведь от них до пристани путь длинный, а кроме того, двое мальчишек подрались и напугали ее, подлецы, да и в лодке ей было страшно. Все это, вместе взятое, и сказалось. Бедная Нелли!

Мистер Квилп погладил свою маленькую гостью по голове, и не подозревая, что это поможет ей быстрее оправиться. Вряд ли прикосновение чьей-либо другой руки оказало бы такое сильное действие на девочку. Она подалась назад, чувствуя непреодолимое желание очутиться как можно дальше от этого карлика, и сейчас же встала, сказав, что ей надо уходить.

– Останься, пообедай с нами, – предложил мистер Квилп.

– Нет, сэр, я и так задержалась, – ответила Нелли, утирая слезы.

– Ну, если уж ты собралась домой, ничего не поделаешь. Вот мой ответ. Тут написано, что я зайду к нему завтра, может, послезавтра, и что маленькое дельце, о котором он просит, сегодня утром никак не удастся устроить. До свидания, Нелли. Эй ты, сударь! Где ты там? Охраняй ее! Слышишь?

Кит, явившийся на зов, оставил это излишнее напутствие без внимания и только грозно воззрился на карлика, видимо, подозревая, что это он и довел Нелли до слез. Мальчик готов был броситься на обидчика с кулаками, но, одумавшись, круто повернулся и последовал за своей маленькой хозяйкой, которая уже успела проститься с миссис Квилп и вышла на улицу.

– Однако вы мастерица выпрашивать, миссис Квилп! – накинулся карлик на жену, как только они остались вдвоем.

– Больше я ничего не могла сделать, – кротко ответила она.

– Уж куда больше! – презрительно фыркнул Квилп. – А поменьше нельзя было? Знали, что от вас требуется, так вам этого мало, вспомнили еще свое любимое занятие и давай крокодиловы слезы лить! Кривляка вы эдакая!

– Мне очень жаль девочку, Квилп, – сказала его жена. – Но я сделала все, что могла. Я заставила ее разговориться, и она выдала мне свою тайну, думая, что мы одни. А вам все было слышно. Да простит мне Господь этот грех!

– *Вы* заставили ее разговориться! *Вы* все сделали! – сказал Квилп. – А не предупреждали ли я вас насчет двери – что случится, если дверь будет часто скрипеть? Ваше счастье, что она сама обронила несколько слов, и я вывел из них кое-что важное для себя, а не будь этого, вам пришлось бы плохо.

Миссис Квилп промолчала, не сомневаясь, что так оно и было бы, а ее супруг добавил с торжествующим видом:

– Благодарите свою счастливую звезду – ту самую, которая сделала вас миссис Квилп, – благодарите ее, потому что я теперь все пронюхал и напал на нужный мне след. Но конечно, больше об этом ни слова: к обеду ничего вкусного не готовьте, потому что меня не будет дома.

С этими словами мистер Квилп надел шляпу и удалился, а миссис Квилп, совершенно убитая ролью, которую ей волей-неволей пришлось сыграть, заперлась в спальне и, уткнувшись лицом в подушку, стала оплакивать свое предательство так горько, как люди, менее чуткие, частенько не оплакивают и более тяжких злодеяний, ибо совесть наша – предмет гибкий и эластичный – обладает способностью растягиваться и применяться к самым различным обстоятельствам. Некоторые разумные люди освобождаются от своей совести постепенно, как от лишней одежды, когда дело идет к теплу, и в конце концов ухитряются остаться совсем нагишом. Другие же надевают и снимают это одеяние по мере надобности, – и такой способ, как

исключительно удобный и представляющий одно из крупнейших нововведений наших дней, сейчас особенно в моде.

Глава VII

– Фред, – сказал мистер Свивеллер, – вспомни популярную когда-то песенку «Прочь тоску, заботы прочь!», раздуй затухающее пламя веселья крылом дружбы и дай мне искрометного вина.

Апартаменты мистера Ричарда Свивеллера находились по соседству с театром Друри-Лейн и вдобавок к столь удобному местоположению имели еще то преимущество, что как раз под ними была табачная лавка, – следовательно, мистер Свивеллер мог в любую минуту освободиться чиханием (для чего ему требовалось только выйти на лестницу) и тем самым освободился от необходимости заводить собственную табакерку. В этих-то апартаментах он и произнес вышеприведенные слова, стараясь утешить и подбодрить своего приунывшего друга; и тут небезынтересно и вполне своевременно будет отметить, что даже столь краткие изречения имели иносказательный смысл в соответствии с поэтическим складом ума мистера Свивеллера, так как на самом деле вместо искрометного вина на столе стоял стакан джина, разбавленного холодной водой, который наполнялся по мере надобности из бутылки и кувшина и переходил из рук в руки – за неимением бокалов, в чем следует признаться без ложного стыда, поскольку хозяйство у мистера Свивеллера было холостяцкое. Та же склонность к приятным вымыслам заставляла его говорить о своей единственной комнате во множественном числе. Покуда она была свободна от постоя, хозяин табачной лавки характеризовал ее в объявлении как «квартиру для одинокого джентльмена». Мистер Свивеллер принял это к сведению и неизменно называл свое жилье «моя квартира», «мои хоромы», «мои апартаменты», вызывая у слушателей представление о безграничном пространстве и даруя их фантазии полную возможность бродить по длинным анфиладам и переходить из одного величественного зала в другой.

Таким взлетам воображения мистера Свивеллера способствовал один весьма обманчивый предмет мебелировки (фактически кровать, а по виду нечто вроде книжного шкафа), который стоял на видном месте в его комнате и тем самым обезоруживал скептиков, пресекая в корне всякие сомнения и расспросы. Днем мистер Свивеллер несомненно верил, и верил твердо, что эта загадочная вещь представляет собой книжный шкаф, и только. Он отказывался видеть в ней кровать, решительно отрицал наличие одеяла и гнал подушку прочь из своих мыслей. Ни единого слова о действительном назначении этой вещи, ни единого намека на то, чем она служила ему по ночам, ни единого упоминания о ее отличительных свойствах не слышали от мистера Свивеллера даже его самые близкие друзья. Непокколебимая вера в эту иллюзию открывала список его убеждений. Для того чтобы стать ему другом, надо было махнуть рукой на всякую очевидность, на здравый смысл, на свидетельство собственных чувств и жизненный опыт и безоговорочно поддерживать миф о книжном шкафе. Такова была слабость мистера Свивеллера, и он дорожил ею.

– Фред, – сказал Свивеллер, убедившись, что его мольба осталась без ответа. – Дай мне искрометного.

Молодой Трент с раздражением подвинул ему стакан и снова принял мрачную позу.

– Сейчас, Фред, я провозглашу тост, приличествующий обстоятельствам, – сказал его приятель, помешивая искрометное. – Да сбудутся...

– Фу ты черт! – перебил его Трент. – Сил моих нет слушать твою болтовню! Веселишься! Тебе все нипочем!

– Позвольте, мистер Трент, – возразил ему Дик. – Вам известно, что говорит пословица о тех, кто весел, да умен? Некоторые люди всегда веселы, да не блещут умом, другие больно умны (по крайней мере им самим так кажется), а веселиться не умеют. Я принадлежу к первым. Если эта пословица верна, то мне она подходит – во всяком случае в первой своей половине,

а половина все лучше, чем ничего. Пусть я предпочитаю веселье уму, зато у тебя нет ни того ни другого.

– Тьфу ты пропасть! – проворчал Трент.

– Весьма вам признателен, – сказал мистер Свивеллер. – В светском обществе, кажется, не принято отпускать такие любезности по адресу хозяев. Но пренебрежем этим, будьте как дома. – Добавив к своему колкому замечанию еще несколько слов, смысл которых сводился к тому, что его приятель самый настоящий брюзга, Ричард Свивеллер допил искрометное, тут же приготовил себе вторую порцию, с удовольствием ее отведал и предложил тост воображаемому обществу: – Джентльмены! Выпьем за процветание древнего рода Свивеллеров и пожелаем, в частности, всяческого успеха мистеру Ричарду! Мистеру Ричарду, джентльмены, – тут Дик возвысил голос, – который тратит на друзей все свои деньги, а на него за это тьфукают вместо благодарности. Браво! Браво!

Трент прошелся раза два по комнате, снова вернулся к столу и сказал:

– Дик! Ты способен хоть минуту побыть серьезным и выслушать меня? Тогда я укажу тебе легкий способ разбогатеть.

– Ты уж столько мне указывал таких способов, – ответил мистер Свивеллер, – а какой от них прок? Пустые карманы, и больше ничего.

– Подожди, сейчас ты заговоришь другое, – сказал его приятель, подсаживаясь к столу. – Ты видел мою сестру Нелл?

– Видел. Ну и что?

– Правда, она хорошенькая?

– Очень даже, – согласился Дик. – Должен сказать к ее чести, что фамильного сходства между вами ни малейшего.

– Так, по-твоему, она хорошенькая? – нетерпеливо повторил его приятель.

– Да, – сказал Дик. – Хорошенькая, очень хорошенькая! А что из этого следует?

– Сейчас узнаешь. Ясно как божий день, что мы со стариком так и будем на ножах по гроб жизни, и мне на него рассчитывать нечего. Надеюсь, ты это подметил?

– Летучая мышь и та это подметит при ярком дневном свете, – ответил Дик.

– Ясно также, что деньги, которые этот старый скряга – чтоб ему пусто было! – когда-то сулил завещать нам обоим, достанутся после его смерти ей одной. Так или нет?

– Безусловно, так. Впрочем, может быть, он изменил свои намерения после моей речи? Это вполне вероятно. Как я блеснул, Фред! «Вы видите перед собой милейшего старенького дедушку». По-моему, сильно сказано! Сильно и вместе с тем просто и мило. Тебе понравилось?

– Ему не понравилось, – ответил Фред. – Следовательно, в обсуждение твоей речи можно не вдаваться, так вот слушай. Нелли пошел четырнадцатый год.

– Прелестная девочка, но маловата ростом для своих лет, – как бы в скобках заметил Ричард Свивеллер.

– Помолчи минуту, не то я ничего больше не скажу! – крикнул Трент, возмущенный тем, что его друг не проявляет никакого интереса к разговору. – Я подхожу к самому главному.

– Слушаю, – сказал Дик.

– Нелл девочка по натуре очень привязчивая и так воспитана, что легко поддается влиянию. Надо только взять ее в руки и действовать когда лаской, а когда и угрозами. У меня она будет как шелковая, я в этом уверен. Да что там разводиться антимонии – всех преимуществ моего плана не перечислить и за неделю! Почему бы тебе не жениться на ней?

Внимая этой горячей и убедительной речи, Ричард Свивеллер посматривал на своего приятеля поверх стакана, но стоило только ему услышать последние слова Трента, как он весь преобразился от ужаса и с трудом выговорил:

– Что?

– Я говорю, почему бы тебе... – повторил Трент твердым голосом, зная по опыту, какое это производит впечатление на его приятеля, – почему бы тебе не жениться на Нелли?

– Да ведь ей еще четырнадцати лет не исполнилось! – воскликнул Дик.

– Ну, не сию минуту, конечно! – сердито возразил ему Фред. – Через два года, через три, через четыре. Ведь ясно, что старик долго не протянет.

– Ясно-то оно ясно, – ответил Дик, покачивая головой. – Но эти старики такой народ... Им нельзя доверяться, Фред. У меня есть тетушка в Дорсетшире, которая собиралась помереть, когда мне было восемь лет, да так и по сию пору все собирается. Ведь это такие обманщики, такие зловредные люди! Никаких твердых устоев! На них еще можно рассчитывать, Фред, когда в роду имеется предрасположение к апоплексии, но даже и в этом случае им ничего не стоит тебя надуть.

– Хорошо, возьмем худший исход, – сказал Трент так же твердо и по-прежнему не спуская глаз со своего приятеля. – Допустим, что старик проживет долго.

– То-то и оно-то, – сказал Дик. – Вот в чем беда.

– Повторяю: допустим, что он проживет долго, – продолжал Трент, – и я уговорю или – точнее – заставлю Нелл тайком выйти за тебя замуж. Как ты думаешь, что из этого получится?

– Семья и ежегодный шиш с маслом на ее содержание, – ответил Ричард Свивеллер после некоторого раздумья.

– Поверь мне, – снова заговорил Трент с той серьезностью, которая, независимо от того, была ли она искренняя или напускная, всегда производила неотразимое действие на Дика. – Поверь мне, у старика вся жизнь в Нелли, и все его силы, все помыслы отданы ей. Ему и в голову не придет лишить ее наследства за неповиновение, – впрочем, так же, как и помириться со мной, сколько бы я ни проявлял покорности, сколько бы ни блистал добродетелями. Он не способен ни на то ни на другое. У кого есть глаза во лбу, тот не может не видеть этого.

– Да, это, кажется, маловероятно, – задумчиво пробормотал Дик.

– Не кажется, а так оно и есть. А если ты еще сумеешь подольститься к нему, чтобы заслужить прощение, сославшись, например, на бесповоротный разрыв, на смертельную вражду со мною – разумеется, только для виду, – тогда он живо сдастся. Что касается Нелл, то в этом можешь положиться на меня. Капля камень долбит. Выходит, проживет ли старик еще несколько лет, или скоро умрет, – разница невелика. Так или иначе, ты будешь единственным наследником старого скупердя, мы с тобой вместе попользуемся его денежками, а тебе вдобавок достанется красивая молодая жена.

– В том, что он богат, сомнений быть не может? – спросил Дик.

– Сомнений? Ты разве не слышал, как он проговорился при нас? У него, видите ли, сомнения! Ты уж во всем готов сомневаться, Дик!

Утомительно излагать все хитроумные повороты этого разговора, все способы, с помощью которых сопротивление Ричарда Свивеллера было постепенно сломлено. Достаточно сказать, что душевная пустота, корысть, бедность и страсть к мотовству вынудили его отнестись к этой затее благосклонно, а свойственная ему беспечность, не сдерживаемая никакими другими соображениями, легла на ту же чашку весов и решила дело. Немалую роль сыграло тут и влияние, которое издавна имел на него Трент, – влияние, пагубно отразившееся сначала на кошельке Дика и его видах на будущее, но не ослабевшее и по сию пору, хотя ему, бедняге, вечно приходилось отдуваться за своего распутного друга, так как в девяти случаях из десяти Дик совершенно зря считался коварным искусителем Фреда, будучи на самом деле всего лишь безвольным орудием в его руках.

Планы, которыми руководствовалась другая сторона, были гораздо сложнее, чем мог предполагать Ричард Свивеллер, но мы предоставим им дозреть в тиши, поскольку сейчас они не представляют для нас интереса. Итак, переговоры закончились к обоюдному удовольствию приятелей, и мистер Свивеллер уже начал весьма цветисто изъясняться, что он не видит

непреодолимых препятствий к тому, чтобы жениться на ком угодно, лишь бы невеста была с деньгами или с движимым имуществом и согласилась бы выйти за него замуж, как вдруг его речь была прервана стуком в дверь и проистекающей отсюда необходимостью крикнуть «прошу».

Дверь приотворилась, но приглашением Дика воспользовалась только чья-то рука, вся в мыльной пене, а также струя сильного табачного запаха. Табачный запах шел из лавки в нижнем этаже, а рука в мыльной пене, только что вынутая из ведра с теплой водой, принадлежала служанке, которая оторвалась от мытья полов, чтобы принять письмо, и теперь протягивала его из-за двери, заявляя, со свойственной ее племени способностью легко усваивать фамилии, что оно предназначается мистеру Вривеллеру.

Взглянув на адрес, Дик побледнел, и вид у него стал довольно глупый, но бледность и глупое выражение лица еще усилились, когда он ознакомился с содержанием письма и сказал, что роль галантного кавалера имеет и свои неудобства и что, прежде чем пускаться в подобные разговоры, ему следовало бы вспомнить о ней.

– О ней? О ком это? – осведомился Трент.

– О Софи Уэклс, – ответил Дик.

– Кто она такая?

– Она мечты моей царица, сэр, вот она кто такая, – сказал мистер Свивеллер и, сделав большой поток искрометного, устремил на друга проникновенный взор. – Она прелестна и мила. Ты ее знаешь.

– Да, припоминаю, – небрежно бросил его приятель. – Ну и что?

– А вот то, сэр, – продолжал Дик, – что между мисс Софией Уэклс и скромным молодым человеком, который имеет честь беседовать с вами, зародились горячие и нежные чувства – чувства весьма благородного и возвышенного свойства. Сама богиня Диана, сэр, – та, чей рог сзывает на охоту, – не была столь безупречного поведения, сколь София Уэклс. Верьте мне, сэр.

– Значит, это не пустая болтовня – так прикажешь тебя понимать? – спросил Трент. – Что же у вас там было – амуры?

– Амуры были. Обещаний жениться не было, – сказал Дик. – За нарушение таковых меня не притянут. Это единственное, чем я себя утешаю, Фред. Компрометирующей переписки тоже не имеется.

– А это что за письмо?

– Напоминание о сегодняшнем вечере, Фред. Небольшой бал на двадцать человек; в общем итоге – двести волшебных нежных пальчиков, порхающих легко, при условии, что у каждой леди и каждого джентльмена имеется полный набор таковых. Придется пойти – хотя бы для того, чтобы начать подготовку разрыва. Не бойся, я устою. Интересно только узнать, кто принес письмо, она сама или нет? Если сама, не ведая о препонах, возникших на ее пути к счастью, – это душераздирающе, Фред!

Мистер Свивеллер призвал служанку и удостоверился, что мисс Софи Уэклс вручила свое письмо лично, что ее сопровождала, разумеется, приличия ради, младшая мисс Уэклс и что, когда мисс Софи предложили подняться самой к мистеру Свивеллеру, поскольку он был дома, она ужаснулась и выразила готовность лучше умереть. Мистер Свивеллер выслушал отчет служанки с восторгом, который никак не вязался с его недавними планами на будущее, но такая странность не смутила Трента, ибо ему, вероятно, было хорошо известно, что он властен пресечь любой шаг Ричарда Свивеллера, когда сочтет нужным сделать это ради соблюдения собственных интересов.

Глава VIII

Когда с делами было покончено, внутренний голос шепнул мистеру Свивеллеру о близости обеденного времени, и, не желая расстраивать свое здоровье дальнейшим воздержанием, он отправил посланца в ближайшую кухмистерскую с просьбой немедленно доставить две порции отварной говядины с овощным гарниром. Однако кухмистер, знавший, с кем он имеет дело, отказался выполнить этот заказ и грубо ответил, что если мистеру Свивеллеру захотелось отварной говядины, не будет ли он любезен явиться самолично и съесть ее на месте, а кстати – вместо молитвы перед трапезой пусть погасит небольшой должок, который уже давно за ним числится. Отказ не обескуражил мистера Свивеллера – напротив, его умственные способности и аппетит лишь обострились, и он направил подобное же требование в другую, более отдаленную кухмистерскую, присовокупив к нему в виде дополнительного пункта, что джентльмен, дескать, посылает в такую даль, руководствуясь не только популярностью и славой, которую завоевала их отварная говядина, но и жесткостью этого блюда в ближайшей кухмистерской, что делает его совершенно непригодным для джентльменского стола, да и вообще для человеческого потребления. Благоприятные результаты этого дипломатического хода сказались в молниеносном прибытии небольшой пирамиды, искусно воздвигнутой из судков и тарелок, причем основанием ее служил судок с отварной говядиной, а вершиной – кварта эля с шапкой из пены. Будучи разобрано на составные части, сооружение это явило все, что требуется для сытного обеда, и мистер Свивеллер и его друг приступили к нему с величайшим удовольствием и рвением.

– Пусть сей миг будет худшим в нашей жизни! – воскликнул мистер Свивеллер, пронзая вилкой большую шишковатую картофелину. – Мне нравится, что это блюдо принято подавать в мундире. Когда извлекаешь картошку из нее, так сказать, естественного состояния, в этом есть своя особая прелесть, неведомая богачам и сильным мира сего. Ах! «Как мало в жизни нужно человеку, и то лишь на короткий срок!» Это так верно... после того, как пообедаешь.

– Надеюсь, что кухмистер тоже удовлетворится малым и что срок ожидания для *него* не затянется, – заметил Трент. – Впрочем, как я подозреваю, расплатиться тебе нечем.

– Я скоро отправлюсь в город и загляну к нему по дороге, – ответил Дик, многозначительно подмигнув приятелю. – Слуга как хочет, а с меня взятки гладки. Обед съеден, Фред, и дело с концом!

Слуга, очевидно, тоже усвоил эту бесспорную истину, ибо, вернувшись за посудой и получив от своего клиента вместо денег величественно-небрежное обещание заглянуть в кухмистерскую и рассчитаться с хозяином, он заметно пал духом и понес черт-те что, вроде «уплата сразу после доставки» и «в кредит не отпускаем», но в конце концов был вынужден удовлетвориться вопросом, когда именно джентльмен соизволит зайти, так как ему бы хотелось быть в это время на месте, поскольку ответственность за отварную говядину, гарнир и прочее лежит лично на нем. Мистер Свивеллер, перебрав в уме все свои дела, ответил, что его следует ждать от шести без двух минут и до семи минут седьмого. Слуга удалился с этим слабым утешением, а Ричард Свивеллер вынул из кармана засаленную записную книжку и стал что-то строчить в ней.

– Боишься, как бы не забыть про визит в кухмистерскую? – с ядовитой усмешкой спросил Трент.

– Ты не угадал, Фред, – ответил неуязвимый Ричард, деловито продолжая писать. – Я заново в эту книжечку названия улиц, на которых мне нельзя показываться до закрытия лавок. Сегодняшний обед исключает для меня Лонг-Эйкр. На прошлой неделе я купил пару башмаков на Грэйт-Квинстрит, – следовательно, там прохода тоже нет. На Стрэнд я могу теперь выйти только одним переулком, но предстоящая покупка пары перчаток преградит мне и этот путь.

Скоро совсем некуда будет податься, и если уважаемая тетушка не пришлет мне денег в течение этого месяца, я буду вынужден делать крюк мили в три за черту города только для того, чтобы перейти с тротуара на тротуар.

– А она не подведет тебя? – спросил Трент.

– Надеюсь, что нет, – ответил мистер Свивеллер. – Но чтобы разжалобить ее, раньше требовалось в среднем около шести покаянных писем, а теперь мы дошли уже до восьми, и никакого толку. Завтра утром сочиню еще одно. Надо будет насажать на него как можно больше клякс и для пущей убедительности опрыскать водой из перечницы. «Мысли мои путаются, и я сам не знаю, что пишу...» – клякса. «Если бы вы видели меня сейчас! Видели, как горько оплакиваю я свою беспутную жизнь...» – перечница. «Рука моя дрожит при одной только мысли...» – тут еще клякса. Если и это не подействует, тогда мне крышка!

Закончив свои записи, мистер Свивеллер сунул карандаш в книжечку, захлопнул ее, и выражение лица у него стало крайне серьезное и сосредоточенное. Трент вспомнил, что ему надо сходить куда-то по делу, и Ричард Свивеллер вскоре остался наедине с искрометным вином, а также со своими мыслями, имевшими самое близкое касательство к мисс Софи Уэклс.

– Все-таки это очень неожиданно, – говорил себе Дик, с глубокомысленным видом покачивая головой и, по обыкновению, пересыпая свою речь стихами, точно это была проза, затараторившая скороговоркой. – Когда сердце истерзано злою тоской – лишь увижу мисс Уэклс, снимет все как рукой. Прелестная девица! Она как роза, роза красная цветет в моем саду, что совершенно бесспорно. Кроме того, она как песенка, с которой в путь иду. Н-да! Неожиданно! Правда, бить отбой сразу, ради этой сестренки Фреда, нет никакой необходимости, но заходить слишком далеко тоже не годится. Нет! Если уж бить отбой, так нечего откладывать в долгий ящик. Во-первых, как бы не пришлось отвечать за нарушение матримониальных обещаний; во-вторых, Софи может подыскать себе другого жениха; в-третьих... нет, в-третьих отставить, но все-таки осторожность никогда не мешает.

Эта не высказанная до конца мысль касалась возможности, в которой Ричард Свивеллер не хотел признаться даже самому себе: возможности подпасть под чары мисс Уэклс, в какую-нибудь неосторожную минуту навсегда связать с ней свою судьбу и тем самым погубить заманчивый план, который так пришелся ему по душе. Поэтому он решил безотлагательно посообщиться с мисс Уэклс и, перебрав в уме различные предлоги для ссоры, остановился на беспричинной ревности. стакан то и дело ходил у него из правой руки в левую и обратно, что должно было помочь ему как можно тоньше сыграть задуманную роль. Обсудив наконец этот важный вопрос, он навел на себя лоск, весьма незначительный, и отправился к обиталищу очаровательного предмета своих мечтаний.

Обиталище это находилось в Челси, так как мисс Софи Уэклс проживала там со своей вдовой матушкой и двумя сестрами и совместно с ними содержала скромную школу для юных особ столь же скромных размеров, о чем близлежащие кварталы оповещались при помощи овальной дощечки над окном первого этажа, разукрашенной затейливыми росчерками и гласившей: «Семинария для девиц», что и подтверждалось каждое утро между половиной десятого и десятью то одной, то другой девицей самого нежного возраста, стоявшей на цыпочках на железном скребке у порога и тщетно пытавшейся дотянуться букварем до дверного молотка. Педагогические обязанности распределялись в этом учебном заведении следующим образом: грамматика, сочинения, география и гимнастические упражнения с гириями – мисс Мелисса Уэклс; письмо, арифметика, танцы, музыка и искусство очаровывать – мисс Софи Уэклс; вышивание, мережка, строчка и метка белья – мисс Джейн Уэклс; телесные наказания, наложение поста и прочие пытки и ужасы – миссис Уэклс. Мисс Мелисса Уэклс была старшая дочка, мисс Софи средняя, а мисс Джейн младшая. Мисс Мелисса, вероятно, встретила и проводила на своем веку весен тридцать пять, не меньше, и уже клонилась к осени; мисс Софи была свеженькая веселая толстушка двадцати лет, а мисс Джейн только-только пошел

семнадцатый год. Миссис Уэклс, даме достойнейшей, но несколько ядовитой, перевалило за шестьдесят.

Вот к этой-то «Семинарии для девиц» и поспешил Ричард Свивеллер, исполненный намерений, пагубных для душевного покоя прелестной Софи; а она, в платье девственной белизны, с одной лишь красной розой у корсажа, встретила его в самый разгар изысканных – чтобы не сказать пышных – приготовлений к открытию бала. О том, что торжественная минута близка, свидетельствовало все: и расставленные в зале маленькие цветочные горшочки, обычно стоявшие снаружи на подоконнике, если не считать ветреных дней, когда их сносило во двор; и шеренга школьниц, коим было дозволено украсить своим присутствием бал; и кудряшки мисс Джейн Уэклс, проходившей весь вчерашний день с волосами, туго закрученными в папильотки из желтой афиши; и, наконец, величественная осанка самой матроны и ее старшей дочери, – причем последнее показалось мистеру Свивеллеру несколько необычным, но особого впечатления на него не произвело.

Говоря откровенно (ведь о вкусах не спорят, и поэтому даже самый странный вкус не должен вызывать подозрений в предвзятости или злом умысле), говоря откровенно, и миссис Уэклс и ее старшая дочка не очень-то поощряли притязания мистера Свивеллера, отзывались о нем пренебрежительно, как о «ветрогоне», и, когда его имя произносилось в их присутствии, со злобещим вздохом покачивали головой. Отношение мистера Свивеллера к мисс Софи носило тот неопределенный, затяжной характер, в котором обычно не чувствуется твердых намерений; и с течением времени эта девица сама стала считать весьма желательным, чтобы вопрос разрешился в ту или иную сторону. Вот почему она наконец согласилась выставить против Ричарда Свивеллера одного своего обожателя – огородника, судя по всем признакам ожидавшего только малейшего поощрения с ее стороны, чтобы предложить ей руку и сердце; и вот почему она так добивалась присутствия Ричарда Свивеллера на балу (с этой целью и задуманном) и сама отнесла ему письмо, о котором мы уже слышали. «Если у него есть какие-то виды на будущее или возможность прилично содержать жену, – говорила миссис Уэклс своей старшей дочери, – когда же и сказать об этом, как не сегодня?» «Если я ему действительно нравлюсь, – думала мисс Софи, – сегодня он со мной объяснится».

Но поскольку мистер Свивеллер понятия не имел обо всех этих разговорах, мечтах и приготовлениях, ему было от них ни тепло ни холодно. Он обдумывал, как бы получше разыграть роль ревнивца, и хотел только одного: чтобы на сей раз мисс Софи оказалась менее обольстительной или превратилась бы в свою сестру, что было бы примерно одно и то же.

Однако его размышлениям помешал приход гостей, в том числе и огородника, по фамилии Чеггс. Мистер Чеггс явился не один, а предусмотрительно привел с собой сестру, и мисс Чеггс сразу устремила к мисс Софи, взяла ее за обе руки, расцеловала в обе щеки и громким шепотом спросила, не слишком ли рано они пожаловали.

– Нет, что вы! – ответила мисс Софи.

– Милочка моя! – таким же шепотом продолжала мисс Чеггс. – Как меня донимали, как мучили! Просто счастье, что мы не торчим здесь с четырех часов. Элик прямо-таки рвался к вам! Хотите верьте, хотите нет, но он оделся еще до обеда и с тех пор глаз не сводил с часовой стрелки, покоя мне не давал! Это все вы виноваты, негодница!

Тут мисс Софи покраснела, мистер Чеггс (робевший в женском обществе) тоже покраснел, но матушка мисс Софи и ее сестры пришли мистеру Чеггсу на выручку и стали осыпать его комплиментами и любезностями, предоставив Ричарда Свивеллера самому себе. А ему только это и требовалось. Вот повод, причина и веское основание притвориться разгневанным! Но, заручившись поводом, причиной и основанием, которые он собирался выискивать, не рассчитывая, что они появятся сами, Ричард Свивеллер разгневался не на шутку и подумал: «Какого дьявола нужно этому наглецу Чеггсу!»

Впрочем, первая кадрили с мисс Софи (плебейскими контрдансами здесь гнушались) была за мистером Свивеллером, и таким образом он утер нос своему сопернику; тот с грустным видом уселся в угол и стал созерцать оттуда прелестный стан мисс Софи, мелькающий в сложных фигурах танца. Но мистер Свивеллер не удовольствовался этим преимуществом. Решив показать семье Уэклс, каким сокровищем они пренебрегают, и, вероятно, все еще находясь под действием недавних возлияний, он творил такие чудеса, откалывал такие коленца, выделял такие выкрутасы, что присутствующие были потрясены его ловкостью, а один длинный-предлинный джентльмен, танцевавший в паре с маленькой-премаленькой школьницей, остановился как вкопанный посреди зала, вне себя от изумления и восторга. Миссис Уэклс и та перестала шпынять трех совсем юных девиц, которые проявляли явную склонность повеселиться на балу, и невольно подумала, что таким танцором в семье можно было бы гордиться.

Но мисс Чеггс, союзник деятельный и надежный, не ограничивалась в эту критическую минуту одними насмешливыми улыбочками, принижающими таланты мистера Свивеллера, и, пользуясь малейшей возможностью, нашептывала мисс Софи на ухо о том, как она сочувствует, как она болеет за мисс Софи душой, что такое чучело одолевает ее своими ухаживаниями, как она боится за обуянного гневом Элика – не налетел бы он, чего доброго, на него с кулаками, и умоляла мисс Софи удостовериться, что глаза вышеупомянутого Элика горят любовью и яростью – чувствами, которые, кстати сказать, переполнив ему глаза, бросились ниже и придали его носу багровый оттенок.

– Вы обязательно должны пригласить мисс Чеггс, – сказала мисс Софи Дику Свивеллеру, после того как сама протанцевала две кадрили с мистером Чеггсом, на глазах у всех поощряя его ухаживания. – Она такая славная, а брат у нее просто очаровательный!

– Вот как! – буркнул Дик. – Очаровательный и очарованный... судя по тем взглядам, которые он на вас бросает.

Тут мисс Джейн (подученная заранее) сунулась к ним со своими кудряшками и шепотом сообщила сестре, что мистер Чеггс ревнует.

– Ревнует? Каков наглец! – воскликнул Ричард Свивеллер.

– Наглец, мистер Свивеллер? – сказала мисс Джейн, потрянув головкой. – А что, если он услышит? Как бы вам не пришлось пожалеть об этом!

– Джейн, прошу тебя... – остановила ее мисс Софи.

– Вздор! – ответила мисс Джейн. – Почему, собственно, мистер Чеггс не может ревновать? Вот еще новости! Он имеет на это такое же право, как и всякий другой, а скоро, может быть, таких прав у него будет еще больше. Тебе это лучше знать, Софи.

Мисс Джейн действовала по сговору с сестрой, в основе которого лежали самые добрые побуждения и желание во что бы то ни стало заставить мистера Свивеллера объясниться. Однако все их труды пошли прахом, ибо мисс Джейн, девица не по годам дерзкая и острая на язык, так увлеклась своей ролью, что мистер Свивеллер отошел от них в глубоком негодовании, уступив возлюбленную мистеру Чеггсу, но метнув в его сторону вызывающий взгляд, на что тот ответил взглядом возмущенным.

– Вы изволили что-то сказать, сэр? – спросил мистер Чеггс, проследовав за ним в угол. – Будьте добры улыбнуться, сэр, чтобы нас ни в чем не заподозрили. Вы изволили что-то сказать, сэр?

Мистер Свивеллер с надменной усмешкой уставился на правый башмак мистера Чеггса, потом перевел взгляд на его щиколотку, потом на коленку, постепенно поднялся вверх по бедру до жилета, пересчитал на нем пуговицы, достиг подбородка, откуда пошел самой серединкой носа, встретился наконец глазами с мистером Чеггсом и вдруг отрезал:

– Нет, сэр!

– Гм! – хмыкнул мистер Чеггс, оглядываясь через плечо. – Будьте любезны улыбнуться еще раз, сэр. Может быть, вы *хотели* что-то сказать, сэр?

– Нет, сэр, не хотел.

– Может быть, вам нечего сказать мне в *данную минуту*, сэр? – с яростью проговорил мистер Чеггс.

Ричард Свивеллер оторвался от созерцания глаз мистера Чеггса и, путешествуя по самой середине его носа, потом вниз по жилету, вниз по правой ноге, снова добрался до правого башмака и внимательно осмотрел его. Когда осмотр был закончен, он переключился на левую сторону, поднялся вверх по левой ноге, потом снова по жилету и, уставившись мистеру Чеггсу в глаза, ответил:

– Нечего, сэр.

– Ах, вот как, сэр! – воскликнул мистер Чеггс. – Рад это слышать. Полагаю, сэр, вы знаете, где меня найти на тот случай, если вам вдруг понадобится переговорить со мной, сэр?

– Если понадобится, справлюсь, сэр, это не затруднительно.

– Вопрос исчерпан, сэр.

– Вполне, сэр!

На этом их потрясающий диалог закончился, и оба они насупили брови. Мистер Чеггс поспешил пригласить мисс Софи на следующий танец, а мистер Свивеллер с мрачным видом удалился в угол.

Неподалеку от этого угла, глядя на танцующих, восседали миссис Уэклс и мисс Уэклс, и мисс Чеггс подлетала к ним каждую свободную минуту (когда танцевали одни кавалеры) и отпускала такие замечания, от которых у Ричарда Свивеллера на сердце кошки скребли. Тут же по соседству, на жестких стульях, торчали – прямые, как палки, – две ученицы. Они подбостранно заглядывали в глаза миссис и мисс Уэклс и, поймав наконец улыбку на устах этих дам, тоже улыбнулись, чтобы снискать их расположение. Однако в ответ на такую учтивость старушечья смерила обеих девочек уничтожающим взглядом и пригрозила, что, если они еще хоть раз будут уличены в подобной вольности, их сейчас же под конвоем отправят по домам. Одна из этих молодых девиц – натура пугливая и хлипкая – пустила слезу, после чего их обеих выпроводили с такой стремительностью, что сердца остальных школьниц наполнились ужасом.

– Какие у меня новости! – зашебетала мисс Чеггс, снова подбегая к миссис и мисс Уэклс. – У Элика сейчас был такой разговор с Софи! Уверю вас, это уже совершенно серьезно и бесповоротно!

– А о чем же он говорил, душенька? – заинтересовалась миссис Уэклс.

– Да о разных разностях, – ответила мисс Чеггс. – И так решительно!

Ричард Свивеллер почел за благо не слушать дальнейшего и, воспользовавшись перерывом в танцах, а также появлением мистера Чеггса, подскочившего к миссис Уэклс со своими любезностями, позаботился принять самый беззаботный вид и фланирующей походкой направился к двери, миновав по пути мисс Джейн Уэклс, которая, во всем великолепии своих кудряшек, кокетничала (исключительно ради практики, за неимением более достойного предмета) с дряхлым джентльменом, их квартирантом и нахлебником. Мисс Софи сидела у двери, взволнованная и смущенная комплиментами мистера Чеггса; и, решив попрощаться с ней, Ричард Свивеллер на минуту задержался около ее стула.

– Корабль мой меня поджидает, матросы готовят ладью, но прежде чем с глаз ваших скрыться, за Софи любезную пью! – сказал он вполголоса, мрачно глядя на мисс Уэклс.

– Вы уходите? – с деланным безразличием спросила она, а сама замерла от ужаса при виде того, к чему привели все ее ухищрения.

– Ухожу ли я? – с горечью проговорил Дик. – Да, ухожу. А что?

– Ничего. Только что – рано, – ответила мисс Софи. – Впрочем, вы сами себе хозяин.

– Я сердцу своему хозяином не стал, – сказал Дик, – когда впервые вас я увидел. Мисс Уэклс, я свято верил вам, в блаженстве утопая, но, прелесть ангела с коварством сочетая, вы предали меня шутя, как бы играя.

Мисс Софи закусил губку и притворилась, будто ее очень интересует мистер Чеггс, который жадно пил лимонад в другом конце зала.

– Я пришел сюда, – продолжал Дик, видимо позабыв об истинной цели своего прихода, – с бурно вздымающейся грудью, с замирающим сердцем и в соответствующем всему этому настроении. А ухажу, исполненный страстей, о которых можно только догадываться, ибо описать их нет сил, – ухажу, подавленный мыслью, что на мои лучшие чувства сегодня надели намордник.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – сказала мисс Софи, потупив глазки. – Мне очень грустно, если...

– Вам грустно, сударыня! – воскликнул Дик. – Грустно, когда вы владеете таким сокровищем, таким Чеггсом! Впрочем, разрешите пожелать вам всех благ и добавить напоследок, что специально для меня подрастает в тиши одна юная особа, которая наделена не только личными достоинствами, но и огромным состоянием и которая просила моей руки через посредство своего ближайшего родственника, в чем я не отказал ей, питая расположение к некоторым членам ее семьи. Надеюсь, вам приятно будет узнать, что это юное существо исключительно ради меня расцветает в прелестную женщину и для меня же бережет свое сердце. По-моему, сообщить об этом не лишнее. А теперь мне осталось только извиниться, что я так долго злоупотреблял вашим вниманием... Прощайте!

«Во всей этой истории можно радоваться только одному, – говорил себе Ричард Свивеллер, вернувшись домой и в раздумье стоя над свечкой с гасильником в руке. – А именно: теперь я всей душой отдамся делу, которое затеял Фред, и он останется доволен моим рвением. Так я ему и доложу завтра, а сейчас, поскольку время позднее, надо призвать Морфея и малость соснуть».

Морфей не заставил себя долго упрашивать. Не прошло и нескольких минут, как Ричард Свивеллер крепко уснул и видел во сне, будто он женился на Нелли Трент, вступил во владение всеми ее капиталами и, достигнув могущества, прежде всего превратил в пустырь огород мистера Чеггса, а на его месте построил кирпичный завод.

Глава IX

Доверившись миссис Квилп, Нелли лишь в слабой степени описала свою тревогу и горе, лишь намеками дала понять, какая туча нависла над их домом, бросая темные тени на его очаг. Трудно рассказывать постороннему человеку о том, как одинока и безрадостна твоя жизнь. Но не только это сдерживало сердечные излияния Нелл: постоянный страх, как бы не выдать, не погубить нежно любимого деда, не позволил ей даже вскользь упомянуть о главной причине своих тревог и мучений.

Не однообразные дни, которые ничто не скрашивало – ни развлечения, ни дружба; не унылые, холодные вечера и одинокие длинные ночи; не отсутствие бесхитростных удовольствий, столь милых сердцу ребенка; не сознание собственной беспомощности и легкая уязвимость души – единственное, чем дарило ее детство, – не это исторгало жгучие слезы из глаз Нелл. Она чувствовала, что старика гнетет какое-то тайное горе, замечала его растущую растерянность и слабость, по временам дрожала за его рассудок, ловила в его словах и взглядах признаки надвигающегося безумия, видела, как день ото дня ее опасения подтверждаются, знала, что они с дедом одни на свете, что в беде им никто не поможет, никто их не спасет, – вот причины волнения и тоски, которые могли бы лечь камнем и на грудь взрослого человека, умеющего подбодрить и отвлечь себя от тяжелых раздумий. Каково же было нести такую ношу ребенку, когда он не знал избавления от нее и видел вокруг только то, что непрестанно питало его мысли тревогой.

А старик не замечал никаких перемен в Нелли. Если мираж, застилавший ему глаза, рассеивался на мгновение, он видел перед собой все ту же улыбку своей маленькой внучки, слышал все тот же проникновенный голос и веселый смех, чувствовал ее ласку и любовь, которые так глубоко запали ему в душу, словно были неразлучны с ним с первого дня жизни. И он довольствовался тем, что читал книгу ее сердца не дальше первой страницы, не подозревая, какая повесть раскрывается за ней, и думая: ну что ж, по крайней мере ребенок счастлив!

Да, она была счастлива когда-то. Она бегала, напевая, по сумрачному дому, легко скользила среди его покрытых пылью сокровищ, подчеркивая их древность своей юностью, их суровое, угрюмое безмолвие – своим беззаботным весельем. А теперь в доме стоял холод и мрак; и когда она выходила из своей каморки, в надежде хоть как-то скоротать долгие часы ожидания в одной из этих комнат, все ее тело сковывала такая же неподвижность, какую хранили их безжизненные обитатели, и ей было боязно будить здесь эхо, охрипшее от долгого молчания.

Погруженная в свои мысли, девочка часто засиживалась допоздна у окна, выходящего на улицу. Кому лучше знать муки неизвестности, как не тем, кто ждет – тревожится и ждет? В эти часы печальные видения роem толпились вокруг нее.

Она сидела у окна в сумерках, следя за прохожими и за соседями в окнах напротив, и думала: «Неужели в тех домах так же пустынно, как и в нашем? Почему эти люди выглянут на минутку и снова спрячутся? Может быть, им веселее, когда я сижу здесь?» На одной из крыш по ту сторону улицы неровной линией торчали трубы, и если она подолгу смотрела на них, ей начинали чудиться там страшные лица, которые хмурились, глядя на нее, и все старались заглянуть к ней в комнату. И девочка радовалась, когда наступающая темнота скрывала их, – радовалась и вместе с тем печалилась, потому что фонарщик зажигал фонари, – значит, ночь была близка, а ночью в доме становилось еще тоскливее. Она озиралась по сторонам, убеждалась, что в комнате все недвижимо, все стоит на своих местах, и, снова выглянув на улицу, видела иной раз человека, который в сопровождении двух-трех молчаливых спутников нес на спине гроб в какой-нибудь дом, где лежал покойник. Она вздрагивала, перед ней снова вставало изменившееся лицо деда, и это наводило на новые размышления, рождало новые страхи. Что, если он умрет – заболеет внезапно и больше не вернется домой живым; или придет ночью,

поцелует, благословит ее, как всегда, она ляжет спать, заснет, пожалуй, будет видеть сладкие сны, улыбаться им, – а он наложит на себя руки, и его кровь медленной, медленной струйкой подберется к двери ее спальни.

Такие мысли были невыносимы, и, ища спасения от них, она снова обращала взгляд на улицу, которая с каждой минутой становилась все темнее, тише и безлюднее. Лавки закрывались одна за другой, соседи шли спать, и в окнах верхних этажей там и сям вспыхивали огоньки. Но вот и они гасли или уступали место мерцающей свече, которая будет гореть до утра. Лишь невдалеке из одной лавки все еще падали на мостовую красноватые блики... в ней было, наверно, так светло, уютно! Но вот и она закрывалась, свет потухал, улица умолкала, мрачнела, и тишину ее нарушали только шаги случайных прохожих или громкий стук в дверь у соседей, когда кто-нибудь из них, против обыкновения, поздно приходил домой и старался разбудить крепко спящих домочадцев.

В поздний ночной час (так уж повелось за последнее время) девочка закрывала окно и бесшумно спускалась по лестнице, замирая от страха при мысли: а вдруг эти чудища в лавке, не раз тревожившие ее сны, выступят из мрака, озаренные изнутри призрачным светом! Но яркая лампа и сама комната, где все было так знакомо ей, гнали прочь эти страхи. Не сдерживая рыданий, она горячо молилась за старика, просила в своих молитвах, чтобы покой снова снизошел на его душу и к ним снова вернулось прежнее безмятежное счастье, потом опускала голову на подушку и в слезах засыпала, но до рассвета еще не раз вскакивала, напуганная почудившимися ей сквозь сон голосами, и прислушивалась, не звонят ли.

На третий день после встречи Нелли с миссис Квилп старик, с утра жаловавшийся на слабость и недомоганье, сказал, что никуда не пойдет вечером и останется дома. Девочка выслушала деда с загоревшимися глазами, но радость ее померкла, как только она присмотрелась к его болезненно осунувшемуся лицу.

– Два дня! – сказал он. – Прошло ровно два дня, а ответа все нет! Что он говорил, Нелли?

– Дедушка, я передала тебе все слово в слово.

– Да, правда, – чуть слышно пробормотал он. – Но расскажи еще раз, Нелл. Я не надеюсь на свою память. Как он сказал? «Зайду через день, другой», и больше ничего? Так было и в записке.

– Больше ничего, – ответила Нелли. – Хочешь, дедушка, я завтра схожу к нему? С самого утра? Я успею вернуться до завтрака.

Старик покачал головой и с тяжким вздохом привлек ее к себе.

– Это не поможет, дитя мое, ничему не поможет. Но если он отступится от меня, Нелл, отступится теперь, когда с его помощью я мог бы вознаградить себя за потерянное время, деньги и те душевные пытки, после которых во мне не осталось ничего прежнего, тогда я погибну... и, что еще страшнее, погублю тебя, ради кого рисковал всем. Если нас ждет нищета...

– Ну и что же! – бесстрашно воскликнула Нелли. – Зато мы будем счастливы!

– Нищета и счастье! – сказал старик. – Какой ты еще ребенок!

– Дедушка, милый! – продолжала Нелли, и щеки у нее вспыхнули, голос задрожал, душевный жар сказывался в каждом движении, – Это не ребячество, нет! Но даже если так, знай: я молю Бога, чтобы он позволил нам просить милостыню, работать на дорогах или в поле, перебиваться с хлеба на воду! Все лучше, чем жить так, как мы живем!

– Нелли! – воскликнул старик.

– Да, да! Все лучше, чем жить так, как мы живем! – еще горячее повторила девочка. – Если у тебя есть горе, поделись им со мной. Если ты болен, я буду твоей сиделкой, буду ухаживать за тобой, – ведь ты теряешь силы с каждым днем! Если ты лишился всего, будем бедствовать вместе, но только позволь, позволь мне быть возле тебя. Видеть, как ты изменился, и

не знать причины! Мое сердце не выдержит этого, и я умру! Дедушка, милый! Уйдем отсюда, уйдем завтра же, оставим этот печальный дом и будем жить подаением.

Старик закрыл лицо руками и уронил голову на подушку.

– Просить милостыню не страшно, – говорила девочка, обнимая его. – Я знаю, твердо знаю, что нам не придется голодать. Мы будем бродить по лесам и полям, где нам захочется, спать под открытым небом. Перестанем думать о деньгах, обо всем, что навеивает на тебя грустные мысли. Будем отдыхать по ночам, а днем идти навстречу ветру и солнцу и вместе благодарить Бога! Нога наша не ступит больше в мрачные комнаты и печальные дома! Когда ты устанешь, мы облюбим какое-нибудь местечко, самое лучшее из всех, и я оставлю тебя там, а сама пойду просить милостыню для нас обоих.

Ее голос перешел в рыдания, головка склонилась к плечу деда... и плакала она не одна.

Слова эти не предназначались для посторонних ушей, и посторонним глазам не следовало бы заглядывать сюда. Но посторонние глаза и посторонние уши жадно вбирали все, что здесь делалось и говорилось, и обладателем их был не кто иной, как мистер Дэниел Квилп, который прошмыгнул в комнату незамеченным в ту минуту, когда девочка подошла к деду, и, движимый несомненно присущей ему деликатностью, не стал вмешиваться в их разговор, а остановился поодаль, по привычке ослабившись. Однако стоять было несколько утомительно для джентльмена, только что совершившего длинную прогулку, и карлик, который везде чувствовал себя как дома, углядел поблизости стул, вспрыгнул на него с необычайной ловкостью, уселся на спинку, ноги поставил на сиденье и теперь мог смотреть и слушать с удобством, в то же время утоляя свою страсть ко всяческим нелепым проделкам и кривлянью. Он небрежно положил ногу на ногу, подпер подбородок ладонью, склонил голову к плечу и скорчил довольную гримасу. И в этой-то позе старик, случайно посмотрев в ту сторону, и увидел его, к своему безграничному удивлению.

Девочка ахнула, пораженная столь приятным зрелищем. В первую минуту они с дедом не нашли, что сказать от неожиданности, и, не веря своим глазам, с опаской смотрели на карлика. Нисколько не обескураженный таким приемом, Дэниел Квилп не двинулся с места и лишь снисходительно кивнул им. Наконец старик обратился к нему и спросил, как он попал сюда.

– Вошел в дверь, – ответил Квилп, ткнув пальцем через плечо. – Я не так мал, чтобы проникать сквозь замочные скважины, о чем весьма сожалею. Мне надо поговорить с вами, любезнейший, по секрету и наедине, без свидетелей. До свидания, маленькая Нелли!

Нелл посмотрела на старика, он отпустил ее кивком головы и поцеловал в щеку.

– Ах! – сказал карлик, причмокнув губами. – Какой сладкий поцелуй! И в самый румянец! Ах, какой поцелуй!

Нелл не стала медлить после столь лестного замечания. Квилп проводил девочку восхищенным взглядом и, когда она затворила за собой дверь, рассыпался в комплиментах по ее адресу.

– Какой она у вас бутончик! И какая свеженькая! А уж скромница-то! – говорил он, играя глазами и покачивая своей короткой ногой. – Ну что за бутончик, симпомпончик, голубые глазки!

Старик ответил ему принужденной улыбкой, явно стараясь подавить вдруг охватившее его острое, мучительное нетерпение. Оно не укрылось от глаз Квилпа, который с восторгом издевался над всеми, над кем только мог.

– Она у вас такая маленькая, – не спеша говорил он, притворяясь, будто ни о чем другом и думать не может. – Такая стройненькая, личико беленькое, а голубые жилки так и просвечивают сквозь кожу, ножки крохотные... А уж как обходительна, как мила!.. Господи! Чего вы волнуетесь, любезнейший? Да что это с вами? Вот уж не думал, – продолжал карлик, сползая со спинки стула на сиденье и проявляя при этом величайшую осторожность, не имевшую ничего общего с тем проворством, с каким он вспрыгнул на него, никем не замеченный, – вот

уж не гадал, что стариковская кровь такая быстрая да кипучая. С чего бы это? Ведь ей надо бы струиться по жилам медленно, еле-еле. Уж не больны ли вы, любезнейший?

– Я сам того боюсь, – простонал старик, сжимая голову обеими руками. – Вот здесь жжет, как огнем, а потом вдруг такое начнется, о чем и говорить страшно.

Карлик выслушал это молча, в упор глядя на своего собеседника, а тот беспокойно прошелся взад и вперед по комнате, снова вернулся к кушетке, свесил голову на грудь, просидел так несколько минут и вдруг воскликнул:

– Говорите же! Говорите сразу! Принесли вы деньги или нет?

– Нет! – отрезал Квилп.

– Значит, – прошептал старик, в отчаянии стиснув руки и подняв глаза к потолку, – значит, мы с внучкой погибли!

– Слушайте, любезнейший! – сказал Квилп и, строго насупив брови, похлопал ладонью по столу, чтобы привлечь к себе блуждающий взгляд старика. – Будем говорить напрямик. Я человек порядочный, не вам чета. Вы небось своих карт не открывали, держали их ко мне рубашкой. Я знаю вашу тайну.

Старик посмотрел на него и задрожал всем телом.

– Не ожидали? – усмехнулся Квилп. – Ну что ж, оно и понятно. Итак, я вашу тайну открыл. Теперь я знаю, что все деньги, все ссуды и займы, которые вы от меня получали, все пошло на... сказать куда?

– Говорите! Говорите, если вам так уж хочется!

– На игорный стол! – сказал Квилп, – На игорный стол, к которому вас тянуло каждую ночь. Вот он, ваш вернейший способ разбогатеть, – правильно? Вот тайный кладезь наживы, куда я, с вашей помощью, чуть было не ухнул все свои деньги, если бы и вправду был таким простачком, за какого вы меня принимали! Вот она, ваша неиссякаемая золотая жила, ваш эльдорадо!

– Да, да! – крикнул старик, и глаза у него засверкали. – Так было. Так есть. И так будет, пока я жив!

– Подумать только! – сказал Квилп, смерив его презрительным взглядом. – Кто меня провел? Жалкий картежник!

– Я не картежник! – гневно крикнул старик. – Призываю небо в свидетели, что я никогда не играл ради собственной выгоды или ради самой игры! Ставя деньги на карту, я шептал имя моей сиротки, молил у неба удачи... и так и не дождался ее. Кому оно слало эту удачу? Кто они были, мои партнеры? Грабители, пьяницы, распутники! Люди, которые проматывали золото на дурные дела и сеяли вокруг себя лишь зло и порок. Мои выигрыши оплачивались бы из их карманов, мои выигрыши, все до последнего фартинга, пошли бы безгрешному ребенку, скрасили бы его жизнь, принесли бы ему счастье. Если бы выигрывал я, разврата, горя и нищеты стало бы меньше на свете! Кто не загорелся бы надеждой на моем месте? Скажите, кто не лелеял бы ее так, как я?

– Когда же вы поддались этому безумству? – спросил Квилп уже не таким насмешливым тоном, ибо отчаяние и горе старика поразили даже его.

– Когда поддался? – повторил тот, проводя рукой по лбу. – Да... когда же это было? Ах! Когда же, как не в те дни, когда я впервые понял, что денег скоплено мало, а времени на это ушло бог знает сколько, что жизнь моя подходит к концу и после моей смерти Нелл будет брошена на произвол суровой судьбы – и с чем? С какими-то жалкими грошами, которые не уберегут ее от несчастий, всегда подстерегающих бедняков. Вот тогда я впервые и напал на эту мысль.

– После того как вы попросили меня отправить вашего милейшего внука за море? – спросил Квилп.

– Да, вскоре после этого, – ответил старик. – Я думал долгие месяцы, и эти думы не давали мне покоя даже во сне. Потом начал играть... Игра не доставляла мне никакой радости, – впрочем, я и не искал ее. Что мне дали карты, кроме горя, тревожных дней и бессонных ночей, кроме потери здоровья и душевного покоя?

– Значит, вы проиграли сначала все свои сбережения, а потом явились ко мне? Я-то думал, что вы нашли путь к богатству, поверил вам! А вы катились к нищете! Ай-ай-ай! Но ведь ваши долговые записки у меня в руках, а кроме того, и закладная на... на лавку и имущество. – Квилп встал со стула и огляделся по сторонам, проверяя, все ли здесь на месте. – Но неужели вам ни разу не повезло?

– Ни разу! – простонал старик. – Все проиграно!

– А я думал, – с издевательской усмешкой продолжал карлик, – что если играть упорно, так в конце концов будешь в выигрыше или по крайней мере не продуешься в пух и прах.

– Это истина! – вне себя от волнения воскликнул старик, сразу воспрянув духом. – Незыблемая истина! Я сразу же это почувствовал, я знаю, что так бывает, и сейчас верю в это всей душой! Квилп, три ночи подряд мне снится один и тот же сон: будто я выиграл, и выигрыш каждый раз один и тот же. А раньше таких снов не было, как я ни призывал их к себе! Не оставляйте меня, когда счастье так близко! Вы единственное мое прибежище! Помогите мне, не губите этой последней надежды!

Карлик пожал плечами и покачал головой.

– Квилп! Добрый, благородный Квилп! Вот, посмотрите! – Старик дрожащей рукой вынул из кармана какие-то бумажки и схватил карлика за плечо. – Вы только взгляните! Эти цифры – плод сложнейших расчетов и долгого, нелегкого опыта. Я *должен* выиграть, Квилп. Только помогите мне, дайте хоть немного денег, фунтов сорок, не больше!

– Последний раз вы заняли семьдесят, – сказал карлик. – И спустили все за одну ночь.

– Да, да! В ту ночь мне особенно не везло, и тогда время еще не пришло! Квилп, подумайте, – говорил старик, и бумажки дрожали у него в руках, точно на ветру, – подумайте о сиротке! Будь я один, я с радостью принял бы смерть; может, даже поторопил бы судьбу, которая так неровно распределяет свои дары, приходит к гордецам и счастливым и сторонится убогих, тех, кто в отчаянии призывает ее. Но я пекусь о своей сиротке. Помогите мне ради Нелли, умоляю вас! Только ради Нелли – мне самому ничего не нужно!

– К сожалению, у меня дела в Сити, – сказал Квилп, с невозмутимым видом вынимая часы из кармана, – а то я посидел бы у вас еще с полчаса, пока вы не успокоитесь, с удовольствием посидел бы.

– Квилп, добрый Квилп! – задыхаясь, прошептал старик, удерживая карлика за полы сюртука. – Мы с вами столько раз говорили о ее несчастной матери. Может быть, с тех пор я и стал бояться, что Нелли тоже ждет лишения. Подумайте об этом и не будьте жестоки! Вы же только наживетесь на мне! Дайте денег, не лишайте меня последней надежды!

– Нет, право, не могу, – с необычной для него вежливостью ответил Квилп. – Но подумайте, как это поучительно: оказывается, даже самый проницательный человек и тот может попасть впросак! Знаете, вы меня так провели своим скромным образом жизни. Никого у вас в доме нет, только Нелли...

– Я же старался скопить побольше денег! Старался умиловить судьбу и добиться от нее щедрой награды!

– Да, теперь-то все понятно, – сказал Квилп. – Но я вот о чем говорю: вас считали богачом, и вы так меня провели своей скаредностью и уверениями, будто ваши прибыли втрое и вчетверо окупят проценты по ссудам, что я дал бы вам под расписку любую сумму, если бы не узнал ненароком вашу тайну.

– Кто же выдал ее? – в отчаянии воскликнул старик. – Ведь я был так осторожен! Кто он, этот человек, назовите его!

Хитрый карлик сообразил, что, указав на девочку, он ничего от этого не выиграет, так как тогда ему придется открыть и свою уловку, и вместо ответа спросил:

– А вы сами на кого думаете?

– Наверно, Кит, больше некому! Он выследил меня, а вы его подкупили – да?

– Как вы догадались? Да, это был Кит. Бедный Кит! – соболезнующим тоном сказал карлик.

Он дружески кивнул старику на прощанье, а выйдя на улицу, остановился и оскалил зубы в ликующей улыбке.

– Бедный Кит! – пробормотал Квилп. – Кажется, этот самый Кит и сказал, что таких страшных карликов и за деньги не увидишь? Ха-ха-ха! Бедный Кит!

И с этими словами он зашагал прочь, не переставая посмеиваться.

Глава X

Приход и уход Дэниела Квилпа не остался незамеченным. Наискось от лавки старика в тени подворотни, ведущей к одному из многих переулков, которые расходились от большой проезжей улицы, стоял некто, занявший эту позицию еще в сумерках и, по-видимому, обладающий неистощимым терпением и привычкой к долгим часам ожидания. Прислонившись к стене и почти не двигаясь часами, он покорно ждал чего-то и собирался ждать долго, сколько бы ни понадобилось.

Этот терпеливый наблюдатель не привлекал к себе внимания прохожих и столь же мало интересовался ими сам. Его глаза были прикованы к одной точке – к окну, около которого девочка сидела вечерами. Если он и отводил взгляд в сторону, то лишь на секунду, чтобы посмотреть на часы в ближней лавке, а потом с удвоенной сосредоточенностью обращал его к тому же окну.

Мы сказали, что этот некто, притаившийся в своем укромном уголке, не проявлял ни малейших признаков усталости, и так оно и было на самом деле, хотя он дежурил здесь уже не первый час. Но по мере того как шло время, этот некто начинал недоумевать и беспокоиться и поглядывал на часы все чаще и чаще, а на окно все грустнее и грустнее. Наконец ревнивые ставни скрыли от него циферблат, на колокольне пробило одиннадцать, потом четверть двенадцатого, и только тогда он убедился, что дальше ждать бесполезно.

О том, сколь огорчителен оказался такой вывод и сколь неохотно подчинился ему этот неизвестный нам человек, можно было судить по его нерешительности, по тому, как, покидая свой укромный уголок, он то и дело оглядывался через плечо и быстро возвращался назад, лишь только изменчивая игра света или негромкий стук – чистейший плод воображения – наводили его на мысль, что кто-то осторожно приподнимает створку все того же окна. Но вот, окончательно отказавшись от дальнейшего ожидания, незнакомец с места в карьер бросился бежать, точно гоня себя прочь отсюда, и даже ни разу не оглянулся на бегу, из страха, как бы не повернуть обратно.

Этот таинственный человек без всякой передышки промчался во весь опор по лабиринту узких улочек и переулков и наконец завернул в маленький квадратный двор, мощенный булыжником. Здесь он сразу сбавил ходу, подошел к небольшому домику, в окне которого горел свет, поднял щеколду на двери и распахнул ее.

– О Господи! – Таким возгласом его встретила женщина, бывшая в комнате. – Кто там? Ты, Кит?

– Да, мама, это я.

– Что же ты какой усталый, сынок?

– Хозяин никуда сегодня не пошел, – сказал Кит, – а она даже не выглянула в окошко. – И с этими словами он, грустный, расстроенный, сел к очагу.

Комната, в которой сидел приунывший Кит, была обставлена очень просто, даже бедно, и если бы не чистота и порядок, всегда в какой-то степени способствующие уюту, она показалась бы совсем убогой. Стрелки голландских часов близились к полуночи, но, несмотря на позднее время, мать Кита все еще стояла, бедняжка, у стола и гладила белье. В колыбели у очага спал младенец, а мальчуган лет трех, в чепчике на самой макушке и в куцей ночной рубашонке, тарашил большие круглые глаза поверх края бельевой корзины, куда его пересадили из кровати, и, судя по его бодрому виду, спать не собирался, что сулило в самом недалеком будущем весьма заманчивые перспективы для его ближайших родственников и знакомых. Чудная это была семейка: мать, Кит и двое ребятишек – все, от мала до велика, на одно лицо.

Кит собирался пребывать в дурном расположении духа (увы! это случается даже с лучшими из нас), но, посмотрев на крепко спящего малыша и переведя с него взгляд сначала на

среднего братца в белье в корзине, потом на мать, которая без единой жалобы трудилась с раннего утра, счел за благо подобреть и развеселиться. Он качнул ногой колыбель, скорчил рожу бунтарю в белье в корзине, приведя его в неописуемый восторг, после чего окончательно убедился, что молчать и хмуриться не стоит.

– Эх, мама! – сказал Кит, вынув из кармана складной нож и набрасываясь на большой ломоть хлеба с мясом, который мать приготовила ему с раннего вечера. – Сокровище ты у нас, вот что! Таких на белом свете – раз, два, и обчелся!

– А я надеюсь, что и получше меня есть, – сказала миссис Набблс, – по крайней мере должны быть. Так нас проповедник учит в нашей молельне.

– А что он понимает! – фыркнул Кит. – Пусть сначала овдовеет, да поработает с твое за гроши, да попробует при этом носа не вешать, – вот тогда мы его спросим, каково это, и каждому его слову поверим.

– Да-а... – уклончиво протянула миссис Набблс. – Вон твое пиво, Кит, я его к решетке поставила.

– Вижу, – сказал он, беря кружку. – За ваше здоровье, матушка, и за здоровье проповедника, если вам так угодно! Ладно уж! Я против него злобы не таю.

– Так ты говоришь, твой хозяин куда сегодня не пошел? – спросила миссис Набблс.

– Да, к несчастью, куда не пошел, – сказал Кит.

– А по-моему, к счастью, – возразила его мать. – Значит, мисс Нелли не придется быть одной всю ночь.

– Правильно! – спохватился Кит. – У меня это из головы вон. Я говорю «к несчастью», потому что дежурил там с восьми часов, а ее так и не увидел.

– А вот любопытно, что сказала бы мисс Нелли, – воскликнула миссис Набблс, отставляя утюг в сторону и поворачиваясь лицом к сыну, – что бы она сказала, если б узнала вдруг, что каждую ночь, когда она, бедняжка, сидит одна-одинешенька у окна, ты сторожишь на улице, как бы с ней чего не случилось; и ведь на ногах еле стоишь от усталости, а не сойдешь с места, пока не удовлетворишься, что все спокойно и она пошла спать!

– Ну, вот еще! – буркнул Кит, и на его неказистой физиономии появилось нечто вроде румянца. – Никогда она этого не узнает и, следовательно, никогда ничего не скажет.

Минуты две миссис Набблс молча гладила белье, потом подошла к огню за горячим утюгом, смахнула с него пыль тряпкой, провела им по доске и украдкой посмотрела на Кита. Она бесстрашно поднесла утюг чуть ли не к самой щеке, чтобы испробовать, горячий ли, оглянувшись с улыбкой и вдруг заявила:

– Кит! А я знаю, что сказали бы люди, если бы...

– Ерунда! – перебил ее Кит, предчувствовавший, к чему она клонит.

– Нет, правда, сынок! Люди сказали бы, что ты в нее влюбился! Так прямо и сказали бы!

В ответ на это Кит смущенно пробормотал: «Да ну тебя!» – и судорожно задвигал руками и ногами, сопровождая эти жесты не менее судорожной мимикой. Но так как средства эти не принесли ему желанного облегчения, он набил рот хлебом с мясом, быстро глотнул пива и тем самым вызвал у себя приступ удушья, что временно увело разговор от щекотливой темы.

– Нет, в самом деле, Кит! – снова начала его мать. – Я, конечно, пошутила, – хорошо, что ты так делаешь и никому в этом не признаешься. Но когда-нибудь она, даст Бог, все узнает и будет очень тронута и благодарна тебе. Какая жестокость держать ребенка взаперти! Ничего удивительного, что старый джентльмен скрывает от тебя свои ночные отлучки.

– Господь с тобой! Ему и в голову не приходит, что это жестоко! – воскликнул Кит. – Разве он стал бы так делать? Да ни за какие сокровища в мире! Нет, нет! Уж я-то его знаю!

– Тогда зачем же он так поступает и зачем таится от тебя? – спросила миссис Набблс.

– Вот этого мне никак не понять, – ответил ее. – Ведь если бы он не таился, я ничего бы и не узнал. А когда он стал меня выпроваживать раньше времени, я сразу решил: дай, думаю, разведу, в чем тут дело. Слушай!.. Что это?

– Да кто-то по двору ходит.

– Нет, сюда бегут... и как быстро! – сказал Кит, вставая и прислушиваясь. – Неужто он все-таки ушел из дому? Мама, может, у них пожар?

Вызвав в своем воображении эту страшную картину, мальчик так и замер на месте. Шаги приближались, чья-то рука стремительно распахнула дверь, и девочка, запыхавшаяся, бледная, одетая кое-как, вбежала в комнату.

– Мисс Нелли! Что случилось? – в один голос вскрикнули мать и сын.

– Я на минутку, – сказала она. – Дедушка заболел... Я вошла – вижу, он лежит на полу...

– Доктора! – Кит схватился за шляпу. – Я за ним мигом сбегая, я...

– Нет, не надо! Доктора уже позвали... я не за тобой... ты... ты больше никогда к нам не приходи!

– Что? – крикнул Кит.

– Тебе нельзя к нам! Не спрашивай почему, я ничего не знаю. Прошу тебя, не спрашивай! Прошу тебя, не огорчайся, не сердись на меня! Я тут ни при чем!

Кит уставился на нее, несколько раз подряд открыл и закрыл рот, но не мог выговорить ни слова.

– Он кричит, бранит тебя. Я не знаю, в чем ты провинился, но чувствую, что на дурной поступок ты не способен.

– Я провинился! – взревел Кит.

– Он говорит, будто ты виноват во всех его несчастьях, – со слезами на глазах продолжала девочка. – Требует тебя, а доктор сказал, чтобы ты и на глаза к нему не показывался, иначе он умрет. Не приходи к нам больше. Я за этим и прибежала, хотела тебя предупредить. Уж лучше ты от меня это услышишь, чем от кого-нибудь другого. Кит! Что же ты наделал! Ты, кому я так верила, кого считала чуть ли не единственным нашим другом!

Несчастный мальчик смотрел и смотрел на свою маленькую хозяйку, глаза у него открывались все шире и шире, но он не мог ни сдвинуться с места, ни заговорить.

– Вот его жалованье за неделю, – сказала девочка, обращаясь к матери Кита и кладя деньги на стол. – Тут... тут немного больше... потому что он всегда был такой добрый, такой заботливый. Я знаю, он скоро пожалеет о своем поступке, но пусть не принимает это слишком близко к сердцу, пусть найдет себе других хозяев... Мне очень грустно так расставаться с ним, но теперь уж ничего не поделаешь. Прощайте!

Обливаясь слезами, дрожа всем своим худеньким телом от недавнего потрясения, от щемящей боли, которую вызвала у нее и болезнь деда и весть, которую ей пришлось принести в этот дом, девочка подбежала к двери и исчезла так же быстро, как и появилась.

Бедная миссис Набблс, не имевшая раньше оснований сомневаться в честности и правдивости сына, была поражена тем, что он не сказал ни слова в свою защиту. Уж не попал ли он в компанию сорванцов, жуликов, грабителей? А эти ежевечерние отлучки из дому, для которых у него всегда было одно и то же странное объяснение? Может быть, это только для отвода глаз? Охваченная такими страшными мыслями, она не решалась расспрашивать сына и, сидя на стуле, раскачивалась взад и вперед, ломала руки и горько плакала. Но Кит даже не пытался утешить мать – ему было не до того. Младенец в колыбели проснулся и захныкал; мальчуган в белье-вой корзине, упав навзничь, перевернул ее на себя и исчез под ней; мать плакала все громче и раскачивалась все быстрее, – а Кит, ничего этого не замечавший, продолжал сидеть в полном оцепенении.

Глава XI

Тишине и безлюдью больше не суждено было безраздельно царить под кровлей, осенявшей головку Нелли. У старика началась жестокая горячка, на следующее утро он впал в забытие и с того самого дня долгие недели боролся с недугом, грозившим ему смертью. Недостатка в уходе за ним теперь не было, но его окружали чужие люди – алчные сиделки, которые, отдежузив положенный срок у постели больного, пили, ели и веселились всей своей беспардонной компанией, ибо страдания и смерть были для них делом привычным.

Но, несмотря на шум и суету в доме, девочка никогда еще не чувствовала себя такой одинокой, как в эти дни. Одинокой во всем – в своей любви к тому, кто таял, снедаемый горячкой, одинокой в своем непритворном горе и бескорыстном участии. День за днем, ночь за ночью просиживала она у изголовья бесчувственного страдальца, предупреждая малейшее его желание, прислушиваясь к тому, как он даже в бреду повторяет ее имя и не перестает думать и тревожиться только о ней.

Дом уже не принадлежал им. У них осталась только одна комната, где лежал больной, да и ту мистер Квилп соблаговолил предоставить прежним хозяевам лишь на время. Когда старик заболел, карлик чуть ли не на другой день вступил во владение лавкой и всем, что в ней было, основываясь на законных правах, в которых мало кто разбирался и которые никому не приходило в голову оспаривать. Утвердив свои позиции с помощью одного крючкотвора, он даже переехал сюда вместе с ним – на страх всем супостатам – и решил устроиться с удобствами в новом жилье, хотя понятия об удобствах у него были весьма своеобразные.

Итак, мистер Квилп обосновался в задней комнате, предварительно заколотив наглухо окно лавки и тем самым положив конец дальнейшей торговле. Он отобрал из старинной мебели самое красивое и спокойное кресло (для собственных нужд) и самый уродливый и неудобный стул (для подручного, о котором тоже следовало позаботиться), велел перетащить их к себе и воссел на свой трон. Комната эта была далеко от спальни старика, но мистер Квилп, боясь заразиться горячкой, счел необходимым произвести здесь оздоровительное окуривание и не только сам дымил трубкой без малейшего перерыва, но заставил курить и своего ученого друга. Не удовлетворяясь этим, он послал на пристань за уже знакомым нам акробатом, прибывшим немедленно, посадил его в дверях, снабдил большой трубкой, специально привезенной из дому, и ни под каким видом не разрешал ему вынимать ее изо рта дольше чем на минуту. Закончив устройство на новом месте, Дэниел Квилп с довольным смешком огляделся по стоконам и сказал, что вот это и называется у него удобствами.

Ученый джентльмен с благозвучной фамилией Брасс охотно присоединился бы к мнению мистера Квилпа, но этому мешали два обстоятельства: первое – несмотря на все свои ухищрения, он никак не мог устроиться на стуле, сиденье у которого было жесткое, ребристое, скользкое и покатое; второе – табачный дым всегда был ему противен и вызывал у него всяческие внутренние пертурбации. Находясь, однако, в полной зависимости от мистера Квилпа и имея все основания угождать своему патрону, он выдавил из себя улыбку и одобрительно закивал головой.

Мистер Брасс, стряпчий с весьма сомнительной репутацией, проживал на улице Бевис-Маркс в городе Лондоне. Это был сухопарый дылда с круглым, похожим на шишку, носом, с нависшим лбом, бегающими глазками и огненно-рыжими волосами. Костюм его состоял из долгополого черного сюртука и черных штанов по щиколотку, из-под которых виднелись сизоголубые бумажные чулки и ботинки с ушками. Держался этот джентльмен подобострастно, но говорил весьма грубым голосом, а его приторные улыбочки вызывали такое чувство омерзения, что всякий, кто сталкивался с ним, предпочел бы, чтобы он злобно хмурился.

Квилп посмотрел на своего ученого советчика, заметил, что он щурит глаза от дыма, разгоняет его рукой и чуть ли не корчится от каждой затяжки, и, придя в неописуемый восторг, радостно потер ладони.

– Кури, собака! – скомандовал карлик, оглядываясь на мальчишку. – Набей трубку заново и всю ее выкури, не то я раскалю чубук на огне и прижгу тебе язык.

К счастью, у мальчишки имелся достаточный опыт в такого рода делах и ему ничего не стоило бы втянуть в себя содержимое небольшой печи для обжига извести, если бы его удостоили такого угощения. Поэтому он бормотал наспех какую-то дерзость по адресу хозяина и сделал, как было приказано.

– Вам приятно, Брасс? Какой аромат, какие фимиамы! Вы, наверно, чувствуете себя по меньшей мере турецким султаном! – сказал Квилп.

Мистер Брасс подумал, что если у турецкого султана самочувствие бывает не лучше, то завидовать ему особенно нечего, однако не стал отрицать приятности своих ощущений и охотно приравнял себя к этому властелину.

– Курение – лучший способ уберечься от заразы, – сказал Квилп, – от заразы и от всех других бедствий, которые грозят нам на нашем жизненном пути. Пока не переберемся отсюда, так и будем дымить. Кури, собака, не то трубку проглотить заставлю!

– А мы надолго здесь, мистер Квилп? – спросил законник, выслушав это мягкое предостережение, относившееся к мальчишке.

– Да полагаю, пока старик не помрет, – ответил карлик.

– Хи-хи-хи! – закатился мистер Брасс. – Прелестно! Прелестно!

– Курите без передышки! – заорал Квилп. – Курить и разговаривать можно сразу. Не теряйте времени.

– Хи-хи-хи! – слабеньким голосом пискнул Брасс, снова беря в рот окаянную трубку. – А если ему полегчает, мистер Квилп?

– Если полегчает, тогда ни одной лишней минуты ждать не будем, – ответил карлик.

– Как это благородно с вашей стороны, сэр! – воскликнул Брасс. – Другие на вашем месте все бы распродали или вывезли при первой же возможности, поскольку закон на их стороне!.. Да, да! У других сердце гранит, кремь, сэр! Другие, сэр, на вашем месте...

– Другие на моем месте не стали бы слушать такого попугая, – пресек его карлик.

– Хи-хи-хи! – залился Брасс. – Вы шутник, сэр, шутник! Но тут страж у двери прервал их беседу и пробормотал, не вынимая трубки изо рта:

– Девчонка идет.

– Кто идет, собака? – спросил Квилп.

– Девчонка, – ответил страж. – Оглохли, что ли?

– О-о! – Карлик со смаком втянул воздух сквозь зубы, словно прихлебывая горячий суп. – Подожди, дружок, я с тобой разделаюсь! Такие тебя ждут оплеухи и затрещины, что ты у меня диву дашься! А! Нелли! Ну, как твой дедушка себя чувствует, цыпочка ты моя бриллиантовая?

– Ему очень плохо, – со слезами ответила она.

– До чего же ты хорошенькая, Нелл! – воскликнул Квилп.

– Очаровательна, сэр, очаровательна! – подхватил Брасс. – Просто красotka!

– А зачем Нелл сюда пришла? Посидеть у Квилпа на коленях? – спросил карлик, видимо, полагая, что его умильный тон успокоит девочку. – Или она, бедненькая, хочет лечь в постельку у себя в комнатке? А, Нелли?

– Как он ласков с детьми! – пробормотал Брасс, доверительно обращаясь к потолку. – Заслушаешься! Честное слово, заслушаешься!

– Нет, я только на минутку, – испуганно ответила Нелли. – Мне надо кое-что взять тут, и больше... больше я сюда никогда не приду.

– А комнатка в самом деле не дурна! – сказал карлик, заглядывая через ее плечо. – Настоящее гнездышко! Так ты твердо решила, что не будешь жить здесь? Ты твердо решила не возвращаться сюда, Нелли?

– Да, – ответила девочка и, взяв платье и еще кое-какие вещи, быстро вышла из своей комнаты. – Я больше сюда не вернусь, никогда не вернусь!

– Пугливая, – сказал карлик, глядя ей вслед. – Слишком уж пугливая, – а жаль! Кроватка-то как раз мне по росту. Пожалуй, это будет *моя* спальня!

Идея эта, подобно всем идеям, исходившим из того же источника, заслужила одобрение мистера Брасса. Тогда карлик сразу же вошел в комнату Нелл, повалился на кровать с трубкой в зубах, задремал ногами и вскоре окружил себя клубами дыма. Мистер Брасс приветствовал это зрелище рукоплесканиями, и мистер Квилп, вполне оценив мягкость и удобство Неллиной кровати, заявил, что ночью будет спать на ней, а днем пользоваться ею как оттоманкой. Сказано – сделано! И карлик так и остался лежать, пока не выкурил трубки. Законник же, у которого к этому времени от дурноты начали путаться мысли (таково было действие табака на его нервную систему), воспользовался случаем и улизнул на свежий воздух, где ему вскоре настолько полегчало, что он вернулся обратно в довольно приличном виде. Впрочем, злокозненный карлик опять заставил его докуриться до прежнего состояния, после чего несчастный замертво рухнул на первую попавшуюся кушетку и проспал на ней до утра.

Таковы были начальные шаги нового владельца лавки древностей. Но в дальнейшем мистеру Квилпу не хватало времени на всяческие проделки и выдумки – его одолевали заботы: составление с помощью мистера Брасса подробнейшей описи имущества старика, а также другие дела, которые, к счастью, требовали его присутствия в Сити по нескольку часов в день. Однако бросать лавку на ночь ему не позволяли жадность и подозрительность, разыгрывавшиеся тем сильнее, чем дольше затягивалась болезнь старика, исхода которой – в ту или иную сторону – он ждал, не только не скрывая своего нетерпения, но без всяких церемоний заявляя об этом вслух.

Нелли старалась избегать разговоров с карликом и пряталась, едва слышав его голос, но и улыбочки стряпчего вызывали в ней не меньшее отвращение, чем гримасы Квилпа. Живя в постоянном страхе, как бы не столкнуться с кем-нибудь из них на лестнице или в коридоре, она почти не отходила от деда и только поздно вечером, когда в доме наступала тишина, пробиралась в пустые комнаты подышать воздухом.

Однажды ночью девочка, печальная, сидела на своем обычном месте у окна (старик было хуже в тот день), как вдруг ей послышалось, будто ее зовут. Она выглянула на улицу и увидела того, кто нарушил ее тяжкое раздумье. Это был Кит.

– Мисс Нелл! – негромко повторил мальчик.

– Да? – откликнулась она, не зная, позволительно ли ей общаться с этим преступником, но повинувшись чувству неизменной привязанности к нему. – Ты что?

– Я давно хочу поговорить с вами, – ответил мальчик, – да эти люди в лавке не пускают меня, гонят прочь. Неужели вы верите... да нет, быть того не может!.. Неужели вы верите, что я заслужил такое, мисс?

– Как же мне не верить? – сказала Нелли. – Ведь дедушка почему-то рассердился на тебя.

– Я сам не знаю почему, – сказал Кит. – Только не заслужил я этого ни от него, ни от вас. Честное слово, не заслужил! А теперь меня вдобавок ко всему гонят от двери, когда я только хочу справиться о своем старом хозяине!

– Я этого не знала! – воскликнула девочка. – Они мне ничего не говорили. Разве я позволила бы им так поступать?

– Спасибо, мисс, мне сразу полегчало от ваших слов. Я ведь не поверил, что это вы велели меня гнать, и так и сказал им.

– И хорошо сделал! – с живостью подхватила она.

– Мисс Нелл, – совсем тихо проговорил Кит, подойдя под самое окно. – В лавке новые хозяева. Теперь у вас все будет по-другому.

– Да, да...

– И у вас и у него, когда он поправится. – И Кит показал на комнату больного.

– Если поправится, – сквозь слезы прошептала Нелли.

– Что вы, что вы! Обязательно поправится! – сказал Кит. – Я ни минутки в этом не сомневаюсь. Не печальтесь, мисс Нелл! Не печальтесь, умоляю вас, не печальтесь!

Как ни бесхитростны и как ни скупы были эти слова утешения и сочувствия, но они тронули девочку, и она заплакала еще горше.

– Теперь дело обязательно пойдет на поправку, – взволнованно продолжал Кит. – Только вы сами-то крепитесь, а то, не дай Бог, расхвораетесь, и ему станет хуже. А когда он совсем выздоровеет, поговорите с ним, мисс Нелл!.. Замолвите за меня словечко!

– Мне даже твое имя запретили произносить при нем, – сказала девочка. – Я ни за что не посмею этого сделать. Да и зачем тебе мое заступничество, Кит? Мы теперь совсем бедные. У нас на хлеб и то не будет хватать.

– Я не прошу назад! – воскликнул мальчик. – Не для того мне нужно ваше доброе слово! Разве я затем вас поджидаю здесь который день, чтобы говорить о жалованье да о харчах! В такое-то время, когда у вас у самой большое горе!

Девочка взглянула на него ласково и с благодарностью, но промолчала, боясь прервать его.

– Нет, я о другом, – нерешительно продолжал Кит. – Совсем о другом. Да вот только боюсь, не сумею я все сказать как следует... Где мне! Но если бы вы убедили его, что я служил ему верой и правдой, старался изо всех сил и что ничего дурного у меня и в мыслях не было, может быть, он...

Тут Кит замолчал надолго, и, подождав с минуту, девочка напомнила ему, что время позднее, ей пора закрывать окно, и если говорить, пусть говорит скорее.

– ...может быть, он не сочтет такой уж дерзостью с моей стороны, если... если я вот что предложу! – набравшись храбрости, продолжал Кит. – Вам в этом доме больше не жить! У нас с матерью домишко бедный, но все лучше, чем оставаться здесь, с чужими людьми. Вот и перебирайтесь к нам и живите, пока не подыщете себе чего-нибудь другого.

Девочка молчала, а Кит, обрадованный тем, что самое трудное позади, окончательно осмелел и пустился расписывать все преимущества своего плана.

– Вам, может, кажется, что у нас тесно и неудобно? Это, конечно, верно, но зато чистота какая! Вы, может, боитесь шума, но такого тихого двора, как наш, во всем городе не сыщешь. И ребятишки тоже не помешают. Маленького мы почти не слышим, а который постарше – славный мальчуган; да уж я сам за ними слежу! От них никакого беспокойства не будет, ручаюсь! Попробуйте уговорить его, мисс Нелл! Ну, попробуйте! Верх у нас очень уютный. Оттуда, между трубами, и часы на колокольне видно, и по ним иногда даже время можно проверять. Мать говорит – это как раз для мисс Нелл комнатка, и так оно и есть. Мать будет прислуживать вам обоим, а я – если куда сбежать понадобится. Мы не из-за денег, упаси Боже! Даже не думайте об этом! Мисс Нелл, вы попробуете с ним поговорить? Ну, скажите «да»! Убедите хозяина перебраться к нам; только сначала узнайте у него, в чем я провинился. Обещаете, мисс Нелл?

Но не успела девочка ответить на эту горячую мольбу, как входная дверь внизу отворилась, и мистер Брасс, высунув на улицу голову в ночном колпаке, сердито крикнул: «Кто там?» Кит немедленно исчез, а Нелл осторожно закрыла окно и отошла в глубь комнаты.

После второго или третьего окрика мистера Брасса из той же двери показалась другая голова, тоже в ночном колпаке. Мистер Квилп внимательно осмотрел улицу и все окна напротив. Однако ему никого не удалось обнаружить, и он вернулся в дом вместе со своим ученым

другом, злобно ворча (девочка все слышала), что это чьи-то происки, что здесь орудует какая-то шайка, что воры днем и ночью рыщут около дома и обчистят, ограбят его до нитки, что он немедленно распродаст все вещи – хватит проволочек! – и вернется под свой мирный кров. Отведя душу этими угрозами, карлик снова завалился на детскую кровать, а Нелл крадучись поднялась по лестнице к себе.

Как и следовало ожидать, короткий, оборванный на полуслове разговор с Китом взволновал ее и снился ей в ту ночь, а потом долго, долго вспоминался. Живя среди черствых кредиторов да корыстных сиделок и не встречая никакого сочувствия, никакого участия к себе даже со стороны женщин, которые были теперь в доме, она всем своим нежным детским сердцем откликнулась на призыв доброй и благородной души, обитающей в столь неприглядном храме. Возблагодарим же небо за то, что храмы таких добрых душ не сложены руками человека и что лучшим их украшением служат убогие лохмотья, а не пурпур и виссон!

Глава XII

Наконец кризис миновал, и старик начал выздоравливать.

Медленно, постепенно к нему возвращалась и память, но разум его ослабел. Его ничто не раздражало, ничто не беспокоило. Он мог часами сидеть в задумчивости, отнюдь не тягостной, и легко отвлекался от нее, увидев зайчика на стене или потолке; не жаловался на длинные дни и томительные ночи и, судя по всему, не испытывал ни тревог, ни скуки, утерев всякое представление о времени. Маленькая рука Нелл подолгу лежала в его руке, и он то перебирал ее пальцы, то вдруг гладил по голове или целовал в лоб, а заметив слезы у нее на глазах, озирался по сторонам, недоумевая, что же могло огорчить внучку, и тут же забывал об этом.

Нелл часто вывозила его на прогулки по городу; старик сидел в кебе, обложенный подушками, девочка рядом с ним; и как всегда – они были рука об руку. На первых порах уличная сутолока и шум утомляли его, но он воспринимал все это равнодушно, ничем не интересуясь, ничему не радуясь, не удивляясь. Когда внучка показывала ему что-нибудь и спрашивала: «Помнишь ли ты это?», он отвечал: «Да, да! Как же! Конечно, помню», – а потом вдруг вытягивал шею и долго смотрел вслед какому-нибудь прохожему, но на вопрос, что его так заинтересовало, обычно не отвечал ни слова.

Как-то днем, когда они сидели у себя в комнате – старик в кресле, Нелл на табуретке возле него, – за дверью послышался мужской голос: просили разрешения войти.

– Войдите, – совершенно спокойно ответил старик. – Это Квилп. Теперь Квилп здесь хозяин. Пусть войдет.

И Квилп вошел.

– Очень рад, любезнейший, видеть вас снова в добром здоровье, – начал карлик, усаживаясь напротив него. – Ну, как вы себя чувствуете, хорошо?

– Да, – чуть слышно ответил старик. – Да.

– Мне не хочется вас торопить, любезнейший. – Карлик повысил голос, опасаясь, что его не расслышат. – Но чем скорее вы устроитесь где-нибудь, тем лучше.

– Правильно, – сказал старик. – Это для всех лучше – и для вас и для нас.

– Дело в том, – продолжал Квилп после небольшой паузы, – что, когда отсюда все вывезут, какое же вам здесь будет житье, в пустом доме?

– Да, это верно, – согласился старик. – А Нелл! Ей-то, бедняжке, каково бы пришлось!

– Вот именно! – во весь голос рявкнул карлик и закивал головой. – Совершенно справедливое замечание. Так вы об этом подумаете, любезнейший?

– Да, непременно, – ответил старик. – Мы здесь не останемся.

– Я сам так предполагал, – сказал карлик. – Имущество ваше продано. Выручил я за него гораздо меньше, чем рассчитывал, но все же достаточно, вполне достаточно. Сегодня у нас вторник. Так когда же будем вывозить? Торопиться некуда... может, сегодня днем?

– Лучше в пятницу утром.

– Прекрасно, – сказал карлик. – Так и порешим, но только с одним условием, любезнейший, – больше не откладывать ни под каким видом.

– Хорошо. В пятницу. Я запомню.

Мистера Квилпа озадачил этот странный, как будто совершенно безучастный тон, но поскольку старик, кивнув, повторил еще раз: «Я запомню. В пятницу утром», – у него не было никаких оснований задерживаться здесь, и он простился, не скупясь на сердечные излияния и комплименты по поводу прекрасного вида своего любезнейшего друга, после чего отправился вниз – сообщить мистеру Брассу о только что состоявшихся переговорах.

И этот день и весь следующий старик провел как во сне. Он бродил по дому, заглядывал то в одну, то в другую комнату, словно прощаясь с ними, но ни единым словом не касался ни

своего утреннего разговора с карликом, ни того, что теперь им надо подыскивать себе какое-то новое пристанище. Смутная мысль все же маячила где-то в глубине его сознания: внучка несчастна, о ней надо позаботиться. И он нет-нет да прижимал ее к груди и утешал, говоря, что они всегда будут неразлучны. Но отдать себе ясный отчет в том, каково их положение, он, видимо, не мог и проявлял все ту же безучастность и апатию, которые оставил в нем недуг, поразивший не только его тело, но и разум.

Мы говорим про таких людей, что они впали в детство, но это все равно, что сравнивать смерть со сном. Какое неуместное уподобление! Кто видел в тусклых глазах слабоумных стариков светлый, жизнерадостный блеск, веселье, не знающее удержу, искренность, не боящуюся холодной остроты, неувядающую надежду, мимолетную улыбку счастья? Кто находил в застывших безобразных чертах смерти безмятежную красоту сна, который вознаграждает нас за прожитый день и сулит мечты и любовь дню грядущему? Сличите смерть со сном – и кто из вас сочтет их близнецами? Посмотрите на ребенка и слабоумного старика и постыдитесь порочить самую светлую пору нашей жизни сравнением с тем, в чем нет ни малейшей прелесть, ни малейшей гармонии.

Наступил четверг; с утра старик был все такой же вялый, но вечером, когда они с Нелли молча сидели у себя, в нем произошла какая-то перемена.

В маленьком дворике, куда выходило их окошко, росло дерево – довольно зеленое и ветвистое для такого унылого места, – и листья его, трепеща на ветру, отбрасывали зыбкую тень на белые стены комнаты. Старик смотрел на ее кружевной узор до самого захода солнца. Наступил вечер, на небо медленно выплыла луна, а он все сидел и сидел у окошка.

Ему, протомившемуся столько дней в постели, приятно было видеть и эти зеленые листья и этот спокойный свет – правда, льющийся из-за крыш и дымовых труб. Они наводили на мысли о тихом местечке где-нибудь далеко-далеко отсюда, на мысли об отдыхе и покое.

Девочка чувствовала, что в душе старика что-то происходит, и боялась нарушить молчание. Но вот слезы полились у него из глаз – слезы, при виде которых ей сразу полегчало, – и он взмолился:

– Прости меня!

– Простить? За что? – воскликнула Нелл, не давая ему упасть перед собой на колени. – Дедушка, за что я должна тебя простить?

– За все, что было, за все, что ты выстрадала, Нелл! За все, что я сделал, когда мною владел этот дурной сон!

– Не надо! – сказала она. – Прошу тебя, не надо! Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– Да, лучше о другом... О том, о чем мы говорили давным-давно... несколько месяцев назад... месяцев, или недель, или дней?... Когда это было, Нелл?

– Я не понимаю тебя, дедушка.

– Сегодня мне все вспомнилось, и я сидел тут с тобой и думал. Да благословит тебя за это Господь, Нелл!

– Дедушка, милый, за что?

– За твои слова в тот день, когда на нас обрушилась нищета, Нелл. Только давай говорить тихо! Тсс! Если эти люди там, внизу, услышат нас, они скажут, что я лишился разума, и тебя отнимут у меня, Нелл! Мы больше не останемся здесь, ни одного дня. Мы уйдем далеко-далеко!

– Да, уйдем отсюда! – твердо сказала девочка. – Оставим этот дом и никогда больше не вернемся сюда, никогда больше не вспомним о нем. Лучше исходить босиком весь мир, чем жить здесь!

– Да, да! – воскликнул старик. – Мы будем странствовать по полям и лесам, по берегам рек – там, где незримо обитает Господь, и положимся во всем на его волю! Лучше ночевать под

открытым небом, – вон оно – посмотри, какое чистое! – чем задыхаться в душных комнатах, в плену забот и тяжелых сновидений. Мы с тобой еще узнаем радость и счастье, Нелл, и забудем прошлое, словно его и не было.

– Мы еще узнаем счастье! – повторила девочка. – Но только не здесь!

– Да, только не здесь... только не здесь, это верно! – согласился старик. – Давай уйдем завтра утром, пораньше, так, чтобы никто нас не увидел, никто не услышал... уйдем и никому не скажем куда, не оставим никаких следов. Бедняжка моя, Нелл! Какая ты бледная! Сколько слез пролили твои глаза, сколько ты провела бессонных ночей – и все из-за меня! Да, да! Из-за меня! Но подожди! Мы уйдем отсюда, и ты снова оживешь, снова повеселеешь. Завтра утром, родная, чуть свет, мы покинем эти печальные места и будем свободны и счастливы, как птицы.

И старик сомкнул руки над ее головой и проговорил срывающимся голосом, что отныне они всегда будут вместе и не разлучатся до тех пор, пока смерть не унесет одного из них.

Сердце девочки загорелось надеждой и верой. Мысли о холоде, голоде, жажде и страданиях не тревожили ее. Она видела впереди только тихие радости, конец тягостному одиночеству, избавление от бессердечных людей, омрачавших своим присутствием и без того тяжелую для нее пору, надеялась на то, что к старику снова вернется здоровье и душевный покой и жизнь их снова будет полна безмятежного счастья. Солнце, ручейки, луга, летние дни – вот что рисовалось ее воображению, и ни одного темного пятна не было на этой радужной картине!

Старик уснул крепким сном, а она занялась приготовлениями к побегу: уложила в корзинку одежду для себя и для деда, взяв на дорогу что похуже – как им, бездомным странникам, и подобало теперь. Не забыла и палку – подпорье для старческих ног. Но это было не все, – оставалось еще в последний раз обойти дом.

Как не похоже оказалось это прощание на то, которое она ждала и так часто рисовала себе мысленно! Да и можно ли было думать, что эта минута принесет ей чувство торжества! Разве воспоминание о прошлых днях – пусть печальных и одиноких – не переполнило теперь до краев ее сердце, укоряя его в черствости! Она села к окну, где провела столько вечеров, гораздо более мрачных, чем сегодняшней, – и все бывшие надежды, все мимолетные радости, посещавшие ее здесь, ожили сами собой, мгновенно стерев и былую тоску и былую печаль.

А маленькая каморка, где она так часто молилась по ночам, призывая в своих молитвах то счастье, которое, кажется, забрезжило сейчас! Ее маленькая каморка, где она так мирно спала и видела такие светлые сны! Как тяжело, что туда нельзя даже зайти, нельзя окинуть ее признательным взглядом и поплакать на прощанье. Там остались кое-какие вещи – жалкие безделушки, но ей так хотелось бы взять их с собой! Увы! Теперь это невозможно!

И тут она вспомнила свою птичку и залилась горькими слезами; но вдруг, сама не зная почему, решила, что ее бедная любимица обязательно попадет к Киту, а он сбережет ее ради своей бывшей хозяйки и, может, будет думать, что она нарочно оставила ему такой подарок в знак благодарности. Эта мысль успокоила, утешила ее, и она пошла спать, не чувствуя прежней тяжести на сердце.

Ей снилось, как они с дедом бродят по прекрасным, залитым солнцем полям, но все эти сновидения пронизывала смутная тоска по чему-то недостижимому, и она проснулась среди ночи, когда звезды еще поблескивали в небе. Наконец занялось утро, звезды потускнели и угасли одна за другой. Убедившись, что день близок, девочка поднялась и оделась в дорогу.

Она решила не беспокоить старика раньше времени и разбудила его в последнюю минуту, но он собрался быстро – так ему хотелось поскорее уйти из этого дома.

Рука об руку они осторожно спускались по лестнице, замирая от страха, когда ступеньки скрипели у них под ногами, останавливаясь на каждом шагу и прислушиваясь.

Но вдруг старик хватился забытой котомки, куда была сложена его легкая поклажа, за ней пришлось вернуться, и эти две-три минуты задержки показались им нескончаемыми.

Наконец они ступили в коридор в нижнем этаже, где уже слышалось страшное, как львиный рык, храпенье мистера Квилпа и его ученого друга. Ржавые засовы заскрежетали, несмотря на все предосторожности, но когда Нелл отодвинула их, дверь оказалась запертой и, что всего хуже, ключа в замке не было. И тут она вспомнила, как одна из сиделок говорила ей, что Квилп сам запирает на ночь и переднюю и заднюю двери, а ключи кладет на стол в спальне.

Немало волнений и страха пришлось испытать девочке, когда она, скинув туфли и тенью проскользнув через комнату, загроможденную антикварными вещами, среди которых самым чудовищным экземпляром был спящий на тюфяке мистер Брасс, вошла в свою маленькую спальню.

Увидев мистера Квилпа, она в ужасе замерла на пороге. Карлик спал, так низко свесившись с кровати, что казалось, будто он стоит на голове. Зубы у него были оскалены – то ли по свойственной ему милой привычке, то ли от неестественного положения, – в горле что-то клокотало и булькало, из-под приоткрытых век виднелись белки (вернее, мутные желтки) глаз, заведенных под самый лоб. Но у Нелли не было времени справляться о его самочувствии, и, окинув комнату беглым взглядом, она схватила со стола ключ, миновала распростертого на полу мистера Брасса и благополучно вернулась к деду.

Они бесшумно отперли дверь, вышли на улицу и остановились.

– Куда? – спросила девочка.

Старик бросил нерешительный, беспомощный взгляд сначала на нее, потом по сторонам, потом снова на нее и покачал головой. Было ясно, что наступила минута, когда его вожатым и его советчицей должна стать она. И, сразу почувствовав это, девочка не испугалась, не усомнилась в себе, а протянула ему руку и бережно повела прочь от дома.

Было раннее июньское утро. Синевя неба не омрачалась ни единым облачком, и оно сияло ослепительным светом. Прохожие на улицах встречались редко, дома и лавки были еще закрыты, и благотворный утренний ветерок веял над спящим городом словно дыхание ангелов.

Старик и девочка шли сквозь эту блаженную тишину, полные радости и надежд. Одни, снова одни! Все вокруг – такое чистое, свежее – только по контрасту напоминало им гнетущее однообразие жизни, оставшейся позади. Колокольни и шпили, такие темные и хмурые в другое время дня, сейчас искрились и светились на солнце; невзрачные улицы и закоулки ликовали в его лучах, а небосвод, таявший в немыслимой высоте, слал свою безмятежную улыбку всему, что расстилалось под ним.

Все дальше и дальше, стремясь скорее выбраться из погруженного в дремоту города, уходили двое бедных странников – уходили, сами не зная, куда лежит их путь.

Глава XIII

Дэниел Квилп с Тауэр-Хилла и Самсон Брасс с улицы Бевис-Маркс в Лондоне (джентльмен, поверенный ее величества при Суде Королевской Скамьи и Суде Общих Тяжб в Вестминстере, он же адвокат при Канцлерском суде) как ни в чем не бывало мирно почивали каждый на своем месте до тех пор, пока стук во входную дверь (вначале скромный и осторожный, но постепенно превратившийся в настоящую канонаду, залпы которой следовали один за другим почти без всякого перерыва) не заставил Квилпа принять горизонтальное положение и устремить в потолок бессмысленный, сонный взор, ясно свидетельствовавший о том, что вышеупомянутый Дэниел Квилп слышал грохот и даже несколько удивился ему, но не счел это обстоятельство достойным своего внимания.

Однако грохот не только не пощадил его дремоты, но даже усилился и стал еще назойливее, будто задавшись целью во что бы то ни стало помешать ему снова погрузиться в сон, поскольку он кое-как открыл глаза. И тогда мысль о том, что это стучат в дверь, медленно забрезжила в сознании Дэниела Квилпа, и он мало-помалу вспомнил, что сегодня пятница и что миссис Квилп было приказано явиться к супругу с самого утра.

Мистера Брасса несколько раз скрючило весьма странным образом, лицо у него перекошилось, веки сморщились, точно от вкушения неспелого крыжовника, после чего он тоже проснулся и, увидев, что мистер Квилп уже успел облачиться в свой каждодневный наряд, поспешил сделать то же самое, причем напялил сначала башмаки, а потом чулки, сунул ноги в рукава вместо брюк и совершил еще кое-какие промахи подобного же рода, как это часто случается с теми, кто бывает вынужден одеваться второпях и не может сразу очухаться после неожиданного пробуждения.

Увидев, что карлик усиленно шарит под столом, проклиная на чем свет стоит и самого себя и весь род людской, а заодно и всю неодушевленную природу, Брасс решился наконец спросить:

– Что случилось?

– Ключ, – сказал карлик, бросив на него злобный взгляд. – Ключ пропал, вот что случилось! Вы не знаете, где он?

– Откуда же мне это знать, сэр? – огрызнулся мистер Брасс.

– Откуда вам знать? – язвительным тоном повторил Квилп. – А еще стряпчим называетесь! У-у, болван!

Не собираясь разьяснять карлику, бывшему явно не в духе, что, если кто-то другой потерял ключ, это никак не может способствовать умалению его (Брасса) познаний в области юридических наук, мистер Брасс скромно спросил: а не оставлен ли ключ с вечера в его родной стихии – то есть в замке? Несмотря на твердое убеждение в противном, основанное на личных воспоминаниях, мистер Квилп был вынужден признать, что это вполне возможно, и, ворча, пошел к двери, где и обнаружил пропавшую вещь.

Но только он дотронулся до ключа и, к немалому своему удивлению, увидел отодвинутые засовы, как стук возобновился с новой, поистине возмутительной силой, а дневной свет, проникавший в замочную скважину, исчез, загороженный снаружи человеческим глазом. Карлик окончательно вышел из себя и решил выскочить на улицу, чтобы сорвать злобу на миссис Квилп и достойным образом вознаградить ее за такое усердие. Осторожно, без малейшего шума, повернув ручку двери, он рывком распахнул ее и, головой вперед, растопырив руки и ноги, лязгая зубами от ярости, ринулся на того, кто стоял с молотком, занесенным для очередной серии ударов.

Однако ни отступления, ни мольбы о пощаде не последовало. Мистер Квилп очутился в объятиях человека, принятого им за жену, и тот угостил его для начала двумя оглушитель-

ными тумаками по голове и двумя – столь же крепкими – в грудь, а когда удары посыпались уже без счета, карлику стало ясно, что он находится в искусных и опытных руках. Нисколько не обескураженный такой неожиданностью, мистер Квилп самозабвенно рвал зубами, лупил кулаками своего противника, и тому удалось взять верх минуты через две, не раньше. Тогда, и только тогда, Дэниел Квилп, всклокоченный и разгоряченный борьбой, увидел, что сам он валяется посреди улицы, а мистер Ричард Свивеллер исполняет вокруг него нечто вроде танца, справляясь время от времени: «Не угодно ли еще?»

– У нас этого товару хоть отбавляй, – приговаривал мистер Свивеллер, то наскакивая на карлика, то отступая, но держа кулаки наготове. – Богатый выбор... на все вкусы! Иногородние заказы выполняются по первому требованию. Мы служить всегда готовы, – просим не стесняться, сэр!

– Я обознался, – проговорил Квилп, потирая плечо. – Почему вы не сказали, кто вы такой?

– Вы бы лучше сами сказали, кто вы такой, – отрезал Дик, – вместо того чтобы вылетать из дому этаким буйно-помешанным!

– А кто... кто стучал? – спросил карлик и, охнув, приподнялся с земли. – Вы, что ли?

– Я стучал, – ответил Дик. – Собственно говоря, начала вот эта леди, но у нее получалось так деликатно, что я решил прийти ей на помощь. – И он показал на миссис Квилп, которая, дрожа всем телом, стояла в нескольких шагах от них.

– Мм! – замычал карлик, метнув злобный взгляд на жену. – Так я и думал, что это все она. А вы, сэр, тоже хороши! Снимаете дверь с петель, будто вам неизвестно, что в доме больные!

– Черт вас побери! – крикнул Дик. – А я решил, что в доме все мертвые, потому и ломился!

– Вы, надо полагать, пришли по делу? – спросил Квилп. – Что вам угодно?

– Мне угодно знать, как здоровье старичка, – ответил мистер Свивеллер, – и побеседовать с Нелли. Я друг семьи, сэр... во всяком случае, друг одного из членов этой семьи, что, собственно, одно и то же.

– Тогда войдите, – сказал карлик. – Прошу вас, сэр, прошу. Пожалуйте и вы, миссис Квилп... а я за вами, сударыня.

Миссис Квилп колебалась, но мистер Квилп настаивал. Однако дело тут было не в соблюдении приличий и не в каких-нибудь галантностях – отнюдь нет! Она, бедняжка, прекрасно знала, почему супруг хочет проследовать в дом именно в таком порядке: чтобы иметь возможность щипать ее за руки, с которых и без того не сходили синие и лиловые отпечатки его пальцев. Мистер Свивеллер, ничего такого не подозревавший, был немало удивлен, когда услышал у себя за спиной приглушенный крик и, оглянувшись, увидел, что миссис Квилп одним прыжком догнала его. Впрочем, он не высказал вслух своего удивления и скоро забыл об этом происшествии.

– А теперь, миссис Квилп, – распорядился карлик, как только они вошли в лавку, – будьте любезны подняться наверх и сказать Нелли, что к ней пришли.

– Вы, я вижу, расположились здесь совсем как дома, – заметил Дик, не догадывавшийся, что мистер Квилп пребывает в лавке на положении хозяина.

– А это и есть *мой* дом, молодой человек, – ответил карлик. Дик замолчал, озадаченный его словами, а еще больше – присутствием здесь мистера Брасса, но его размышления прервала миссис Квилп, которая быстро сбежала по лестнице и сказала, что наверху никого нет.

– Что вы чепуху городите! Вот дуреха! – крикнул карлик.

– Уверяю вас, Квилп, – дрожащим голосом залепетала его жена. – Я заглянула во все комнаты, там нет ни души.

– Ага-а, – многозначительно протянул мистер Брасс и даже хлопнул в ладоши, – это объясняет таинственное исчезновение ключа!

Квилп хмуро посмотрел на него, потом бросил такой же хмурый взгляд на жену, потом на Ричарда Свивеллера и, не получив ни от кого из них ответа на свой молчаливый вопрос, сломя голову бросился вверх по лестнице, а спустя несколько минут так же сломя голову сбежал вниз и подтвердил только что полученное сообщение.

– Странно! – сказал он, косясь на Свивеллера. – Очень странно! Уйти и даже не предупредить меня – испытанного, близкого друга!.. Да он мне напишет или попросит, чтобы Нелли написала. Ну, разумеется! Нелли так меня любит! Очаровательная Нелл!

Мистер Свивеллер стоял, разинув рот от изумления, продолжая поглядывать на него искоса, Квилп обратился к мистеру Брассу и заметил как бы между прочим, что это не должно помешать вывозу вещей.

– Ведь они сегодня и хотели уйти, – добавил он, – только почему-то собрались тайком, ни свет ни заря. Впрочем, на то были свои причины, были!

– Куда же их понесло? – сказал недоумевающий Квилп, покачал головой и поджал губы, давая этим понять, что он прекрасно все знает, но вынужден хранить молчание.

– А почему вы вдруг вывозите вещи? – спросил Дик, глядя на беспорядок вокруг. – Это что значит?

– Это значит, что я их купил, сэр, – отрезал Квилп. – Ну что – съели?

– Неужели этот старый хитрец загреб все свои денежки и удалился под мирный кров в тени лесов, где в отдаленье плещет море? – растерянно проговорил Дик.

– И держит в тайне свое местопребывание, чтобы охранить себя от слишком частых визитов любящего внука и его преданных друзей! – добавил карлик, крепко потирая руки. – Я ни на что не намекаю, но вы, кажется, именно это имеете в виду? А?

Ричард Свивеллер был совершенно ошеломлен неожиданным оборотом событий, грозившим полным крахом тому замыслу, в котором ему отводилась столь видная роль, и всем его надеждам на будущее. Узнав о болезни старика только накануне вечером от Фредерика Трента, он пришел справиться о его здоровье и выразить Нелл свое соболезнование, а заодно и преподнести ей первую порцию тех оболещений, которые должны были в конце концов воспламенить ее сердце. И вот, поди ж ты! – теперь, когда он приготовил в уме самые изысканные и тонкие комплименты и предвкушал, как страшное возмездие будет медленно подкрадываться к Софи Уэклс, теперь Нелли и старик со всеми его богатствами исчезли, растаяли, скрылись неизвестно куда, словно проведая о составленном против них заговоре и решив, пока еще не поздно, уничтожить его в самом зародыше.

Что касается Дэниела Квилпа, то в глубине души он был крайне озадачен и встревожен этим бегством. От его пронизательного взгляда не скрылось, что беглецы захватили с собой самое необходимое из одежды, а зная, в каком состоянии находится старик, он не мог себе представить, как ему удалось заручиться согласием девочки на такой шаг. Не следует думать, будто мистер Квилп терзался бескорыстным страхом за их судьбу (это было бы по отношению к нему явной несправедливостью). Нет! Его мучило опасение: вдруг у старика были припрятаны где-то деньги, а он, Квилп, ничего не знал об этом? И мысль, что деньги эти могли ускользнуть из его когтей, наполнила сердце мистера Квилпа чувством горькой обиды и досады на самого себя.

Что ж тут удивительного, если он испытывал некоторое облегчение, глядя на Ричарда Свивеллера, который тоже был огорчен и разочарован бегством старика, вероятно имея на то какие-то особые причины! Совершенно ясно, решил карлик, что этот молодчик подослан своим приятелем, с тем чтобы лестью или угрозами выманить у старика, которого они считают богачом, хоть несколько шиллингов. И мистер Квилп с величайшим удовольствием принялся распалять воображение Дика рассказами о сокровищах, накопленных хитрым стариком, особенно подчеркивая ловкость, с которой тот скрылся от назойливых вымогателей.

– Ну, что ж, – сказал Ричард Свивеллер, тупо глядя прямо перед собой. – Пожалуй, мне нет никакого резона здесь оставаться.

– Ни малейшего, – подтвердил карлик.

– Вы, может, передадите им, что я заходил?

Мистер Квилп склонил голову и пообещал выполнить это поручение при первой же возможности.

– И скажите еще, – добавил Дик, – скажите им, сэр, что я прилетел сюда как вестник мира, что я намеревался заступом дружбы выкорчевать корни раздора и обоюдного озлобления и взрастить на их месте побеги всеобщего благоденствия. Я полагаю, вы не откажетесь выполнить мою просьбу, сэр?

– Разумеется, выполняю, – сказал Квилп.

– Передайте им также мой адрес, сэр, – продолжал Дик, вынимая из кармана маленькую потрепанную карточку. – Он здесь указан, а дома меня можно застать каждое утро. Два громких удара молотком – и служанка сразу же отопрет дверь. Мои близкие друзья, сэр, имеют обыкновение чихать при входе, давая ей понять, что они – друзья и стремятся меня увидеть не из каких-либо меркантильных соображений. Виноват, сэр! Позвольте, я взгляну на эту карточку еще раз.

– Пожалуйста! – воскликнул Квилп.

– Произошла небольшая и легко объяснимая ошибка, сэр, – сказал Дик, заменяя карточку другой. – Я вручил вам членский билет вакхического общества Аполлонов Вельведерских, доступного только для избранных, – Пожизненным Великим Мастером которого ваш покорный слуга имеет честь состоять. Теперь все в порядке, сэр. Разрешите откланяться.

Квилп пожелал ему всего хорошего. Пожизненный Великий Мастер общества Аполлонов Вельведерских приподнял шляпу в знак почтения к миссис Квилп, потом небрежно надвинул ее набекрень и эффектно удалился со сцены.

Тем временем к лавке подъехали фургоны для перевозки вещей, и могучие мужи в суконных шапках уже выносили на голове комоды и тому подобные мелочи, а также совершали другие геркулесовы подвиги, от чего у них сильно менялся цвет лица. Не довольствуясь ролью наблюдателя, мистер Квилп принимал живейшее участие во всей этой суматохе и трудился с поразительным рвением – бегал взад и вперед, ко всем придирался, как сатана, задавал миссис Квилп совершенно непосильные и невыполнимые задачи, без всякой натуги поднимал страшные тяжести, при каждом удобном случае лягал мальчишку с пристани и как бы невзначай пребольно задевал своими ношами мистера Брасса, который, стоя на крыльце, делал то, что было по его части, а именно – отвечал на расспросы любопытных соседей. Присутствие и личный пример карлика поддавали такого жару его подручным, что через час-другой из дома все как вымело, если не считать рваных циновок, пивных кружек да ключев соломы. Постелив одну такую циновку в гостиной и усевшись на ней эдаким африканским царьком, карлик угощался хлебом, сыром и пивом и вдруг (он будто и не глядел в ту сторону) увидел в дверях лавки какого-то мальчика. Не сомневаясь в личности этого любопытного, хотя опознать его можно было только по носу, ибо ничего другого не было видно, Квилп окликнул Кита по имени, после чего тот вошел в комнату и спросил, что мистеру Квилпу угодно.

– Поди, поди сюда, любезный, – сказал карлик. – Ну-с, значит, твои хозяева ушли?

– Куда? – спросил Кит, озираясь по сторонам.

– А ты будто не знаешь? – огрызнулся Квилп. – Говори, куда они ушли?

– Я не знаю, – ответил Кит.

– Ну, хватит! – крикнул Квилп. – Они ушли тайком, чуть свет, а тебе будто ничего не известно?

– Ничего не известно, – сказал мальчик в явном недоумении.

– Так-таки и не известно? А кто шнырял тут вечером, точно воришка? А? Будто тебе ничего тогда не сказали?

– Ничего не сказали, – ответил мальчик.

– Так-таки и не сказали! А о чем же с тобой беседовали?

Кит, не видевший теперь никакой необходимости хранить в тайне свой разговор с Нелли, признался, зачем приходил и о чем просил ее.

– Ага... – пробормотал карлик после некоторого раздумья. – Ну, тогда они еще придут к вам.

– По-вашему, придут? – обрадовался Кит.

– Должны прийти, – сказал карлик. – И ты сейчас же дай мне знать об этом – слышишь? Сейчас же дай знать, а уж я тебя как-нибудь отблагодарю. Я им хочу добро сделать, а как им сделаешь добро, когда ведать не ведаешь, где они. Понял?

Кит мог бы ответить на это много такого, что пришлось бы не по вкусу его сварливому собеседнику, но в эту минуту мальчишка с пристани, рыскавший по комнате в надежде на какую-нибудь поживу, вдруг крикнул:

– Эх, да тут птица! Что с ней делать?

– Свернуть шею, – сказал Квилп.

– Нет, не надо! – воскликнул Кит, выступив вперед. – Отдайте ее лучше мне!

– Ишь чего захотел! – заорал мальчишка. – Не трогай, тебе говорят, не трогай! Я сейчас ей шею сверну. Он сам так велел. Пустите клетку!

– Подать птицу мне! Мне! – взревел Квилп. – Деритесь, собаки, – кто победит, тому и достанется. Не то я сам с ней расправлюсь!

Мальчики не заставили просить себя дважды и ринулись в бой, а Квилп, держа в одной руке клетку, в другой – нож, в азарте то и дело всаживал его в половицы, кричал, улюлюкал и еще пуще распалял драчунов. Силы у них были более или менее равные, и они не на шутку лупили друг друга, клубком катаясь по полу. Но вот Кит угостил своего противника метким ударом в грудь, высвободился из его объятий, в одну секунду вскочил на ноги, выхватил клетку у Квилпа из рук и скрылся со своей добычей.

Домой он добежал бегом, без единой передышки; и там его окровавленная физиономия привела всех в ужас и даже исторгла отчаянные вопли из уст среднего брата.

– Господи помилуй! Кит! Что случилось? Что с тобой? – воскликнула миссис Набблс.

– Ничего, мама! – ответил ее сын, утирая лицо полотенцем, висевшим за дверью. – Не пугайся, это все пустяки. Я дрался за птицу, и она досталась мне. Джейкоб, перестань! Ну что за рева, в жизни таких не видел!

– Дрался за птицу? – переспросила миссис Набблс.

– Ну да! За птицу! – ответил Кит. – Вот за эту самую. Это птичка мисс Нелл, мама, а они хотели свернуть ей шею. Да где им! Ха-ха-ха! Разве я позволю! Не на таковского напали, мама! Ха-ха-ха!

Кит отнял полотенце от своей разбитой, вспухшей физиономии и расхохотался так весело, что, глядя на него, захохотал Джейкоб, за ним захохотала и мать, а малыш успокоенно заворковал и задрогал ножками; и голоса их слились воедино, ибо все они вместе с Китом радовались его победе и, кроме того, очень любили друг друга. Когда взрывы хохота прекратились, Кит похвастался птицей перед обоими братьями, точно эта бедная коноплянка была невеста каким ценным и редкостным приобретением, потом оглядел стены в поисках гвоздя, соорудил помост из стола и стула и с торжеством вырвал обнаруженный гвоздь руками.

– Ну-с, так! – сказал он. – Повесим ее на окно, – ей там будет веселее на свету, а если запрокинет голову, то и небо увидит. А уж какая певунья, просто заслушаешься!

Помост перенесли на другое место. Кит снова забрался на него, вооружившись кочергой вместо молотка, вбил гвоздь и повесил клетку на окно, к неописуемому восторгу всей семьи.

Примерив ее и так и эдак, попятившись назад, чтобы полюбоваться ею издали, и угодив нена-
роком в камин, Кит наконец убедился, что его старания увенчались полным успехом.

– А теперь, мама, – сказал он, – прежде чем устраиваться на отдых, пойду посмотрю
– может, кому надо лошадь посторожить. Получу денег, куплю конопляного семени и тебе
принесу чего-нибудь повкуснее.

Глава XIV

Киту не стоило большого труда убедить себя, что лавка древностей ему по пути (поскольку выбор этого пути только от него и зависел) и что взглянуть на нее еще раз – его прямая, хоть и неприятная обязанность, от которой никуда не денешься. Впрочем, люди и более образованные и более обеспеченные, чем Кристофер Набблс, частенько потворствуют своим желаниям (иной раз весьма сомнительным) и, придавая им видимость тяжкого долга, гордятся собственной готовностью идти на жертвы.

На этот раз осторожность была излишней, и Кит мог не бояться, что его заставят дать реванш мальчишке Дэниела Квилпа. В доме не было ни души, и он казался таким грязным, запущенным, точно стоял нежилым долгие месяцы. На входной двери висел ржавый замок, в полуоткрытых верхних окнах уныло колыхались на ветру выцветшие занавески и шторы, а неровные прорезы в ставнях нижнего этажа зияли черной пустотой. В том самом окне, на которое Кит так часто смотрел раньше, в утренней суматохе и спешке выбили стекло, и эта комната казалась особенно мрачной и голой. Крыльцом завладели уличные мальчишки: кто ударял молотком в дверь, замирая от сладкого ужаса, прислушивался к гулким раскатам, раздававшимся в пустом доме; кто заглядывал в замочную скважину, не то в шутку, не то всерьез подкарауливая «привидение», легенду о котором уже успели родить вечерние сумерки и тайна, окружавшая прежних обитателей лавки древностей. Стоя посреди шумной улицы, она являла картину полного мрака и запустения, и Кит, помнивший, какой веселый огонь горел в ее очаге зимними вечерами и какой веселый смех звенел под ее крышей, грустно побрел прочь.

Здесь уместно заметить, ибо этого требует от нас справедливость, что Кит отнюдь не страдал излишней сентиментальностью; да он, бедняга, может, никогда и не слышал такого слова. Это был славный, добрый мальчик, не отличавшийся ни благовоспитанностью, ни изысканностью манер. И следовательно, вместо того чтобы нести свое горе домой, набрасываться на мать и колотить ребятишек (ибо утонченные натуры частенько отравляют жизнь окружающим, когда бывают не в духе), он поставил перед собой цель более низменную, а именно – решил потрудиться на пользу семье.

Боже мой! Сколько джентльменов разъезжало верхом по улицам, и как мало было среди них таких, кому требовалось посторожить лошадь! Глядя на этих гарцующих всадников, опытный биржевик или член парламентской комиссии высчитал бы с точностью до одного пенни, какие суммы зарабатываются в Лондоне в течение года охраной лошадей. Мы не сомневаемся, что сумма эта оказалась бы огромной, если бы только одной двадцатой части всех джентльменов, не сопровождаемых грумами, случалось во время прогулок слезать с седла. Но в том-то и дело, что случается это редко, а такие непредвиденные обстоятельства часто сводят на нет самые безупречные расчеты.

Кит бродил по улицам, то ускоряя, то замедляя шаг, то останавливаясь, когда какой-нибудь всадник натягивал поводья и оглядывался по сторонам, то пускался бежать во все лопатки, завидев в конце переулка еще одного наездника, ленивой рысцой трусившего по теневой стороне с явным намерением задержаться если не у этой двери, так у следующей. Но все они, один за другим, проезжали мимо, и у Кита ничего не наклевывалось. «А интересно, – думал мальчик, – если б кто-нибудь из этих джентльменов узнал, что у нас в буфете ни крошки, неужели они не остановились бы нарочно, будто по делу, только чтобы дать мне заработать?»

Устав от ходьбы, а больше всего от стольких разочарований, Кит присел отдохнуть на первое попавшееся крыльцо, как вдруг из-за угла с грохотом выкатил маленький четырехколесный фаэтон об одной маленькой косматой лошадке-пони (по-видимому, очень норовистой), которой правил маленький толстенький старичок с безмятежно-спокойным выражением лица. Рядом с маленьким старичком сидела маленькая старушка, такая же спокойная и пухленькая.

Пони выбирал аллюр исключительно по собственному усмотрению и вообще делал все, что ему вздумается. Если старичок дергал вожжами, стараясь усовестить его, пони в ответ на это дергал головой. Судя по всему, самое большее, на что он соглашался, – это возить своих хозяев по тем улицам, по которым им уж очень хотелось проехать, но в уплату за такое снисхождение требовал полной свободы действий, грозя в противном случае вовсе не сдвинуться с места.

Когда этот маленький экипаж поравнялся с Китом, он грустно посмотрел на него, и старичок перехватил его взгляд. Кит поднял руку к шляпе; старичок сразу же дал понять своему коньку, что им не мешало бы остановиться, и тот (охотнее всего выполнявший свой долг именно в этой его части) милостиво согласился уважить просьбу хозяина.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Кит. – Мне очень совестно, что вы из-за меня задержались. Я думал, может, за вашей лошадкой нужно присмотреть.

– Мы остановимся на следующей улице, – ответил старичок. – Если ты не прочь пробегаться – пожалуйста, я дам тебе заработать.

Кит поблагодарил его и с радостью принял это предложение. Тут пони повернул под острым углом, решив осмотреть фонарь на другой стороне улицы, потом ринулся по диагонали к другому фонарю, у противоположного тротуара. Убедившись, что оба они совершенно одинаковые и по форме и по материалу, он остановился на полном ходу и погрузился в размышления.

– Ну, как, сударь, вы намерены продолжать путь? – серьезным тоном спросил его старичок. – Или хотите, чтобы мы опоздали по вашей милости?

Пони хранил полную неподвижность.

– Ах, Вьюнок, ну что ты за неслух! – сказала старушка. – Стыдись! Краснеть за тебя приходится!

Пони, очевидно, внял голосу хозяйки, вызывавшей к его лучшим чувствам, так как он сразу же взял с места и не останавливался до тех пор, пока не подъехал к двери, на которой была прибита дощечка с надписью «Нотариус Уизерден». Старичок вылез из фаэтона, помог сойти старушке и вынул из-под сиденья букет, напоминавший размером и формой большую жаровню, только без ручки. Старушка с величественным видом понесла букет в дом, а старичок, у которого одна нога была короче другой, отправился следом за ней.

Судя по голосам, они вошли в ту комнату, что смотрела окнами на улицу и, видимо, служила нотариусу приемной. Так как день стоял теплый и на улице было тихо, окна в приемной держали открытыми настежь, и сквозь спущенные жалюзи было слышно все, что там говорилось и делалось.

Сначала произошел обмен рукопожатиями, сопровождавшийся усердным шарканьем ног, затем, вероятно, последовало преподношение букета, так как чей-то громкий голос, который принадлежал, должно быть, нотариусу мистеру Уизердену, воскликнул несколько раз подряд: «Какая роскошь! Какое благоухание!», и чей-то нос, несомненно принадлежащий тому же джентльмену, шумно и с явным наслаждением втянул в себя воздух.

– Я привезла букет, чтобы отметить это торжественное событие, сэр, – пояснила старушка.

– Поистине событие, сударыня! И поистине торжественное! – подтвердил мистер Уизерден. – Событие, которое делает мне честь, великую честь! У меня в ученье было много молодых джентльменов, сударыня, очень много. Некоторые из них, сударыня, теперь купаются в золоте, забыв о своем старом патроне и учителе; другие до сих пор навещают меня. И знаете, что они говорят? «Мистер Уизерден, приятнейшие часы нашей жизни протекли вот в этой конторе, сэр, – вот на этой самой табуретке!» Многие из них пользовались моим расположением, сударыня, но ни на кого не возлагал я таких надежд, как на вашего единственного сына!

– Ах, Боже мой! – воскликнула старушка. – Нам так приятно это слышать!

– Я, как честный человек, говорю от всей души, сударыня, – продолжал мистер Уизерден. – А по словам одного поэта, венец творенья – честный человек. И поэт совершенно прав!

Мы знаем и величественные Альпы и крохотную птичку колибри, – но что они рядом с таким совершенным созданием, как честный человек – честный мужчина... и честная женщина – да, и честная женщина.

– Все отзывы мистера Уизердена обо мне, – послышался чей-то тихий, тоненький голос, – я могу вернуть ему с процентами.

– И какое совпадение, поистине счастливое совпадение! – снова заговорил нотариус. – Ведь как раз сегодня ему исполнилось двадцать восемь лет! Мне это особенно приятно! И я полагаю, мистер Гарленд, что нам с вами, уважаемый сэр, есть с чем поздравить друг друга.

Старичок полностью согласился с мистером Уизерденом. В приемной, видимо, последовал новый обмен рукопожатиями, и когда он был закончен, старичок сказал, что хотя ему и не пристало говорить об этом, но ни один сын не приносил своим родителям большего утешения, чем Авель Гарленд.

– Я и его матушка, сэр, ждали долгие годы, так как средства не позволяли нам сочетаться браком; и Господь уже на склоне наших лет благословил нас единственным ребенком, который никогда не отказывал родителям в сыновней почтительности и любви. О, мы считаем себя большими счастливыми, сэр!

– В чем не может быть никаких сомнений, – прочувственным голосом подхватил нотариус. – Всякий раз, как мне приходится созерцать такое счастье, я не перестаю оплакивать свою холостяцкую долю. Было время, сэр, когда одна молодая девица, отпрыск весьма почтенной фирмы, торгующей предметами мужского туалета... но я, кажется, расчувствовался. Чакстер, принесите бумаги мистера Авеля.

– Видите ли, мистер Уизерден, – сказала старушка, – Авель воспитывался совсем по-другому, чем большинство юношей. Он всегда дорожил нашим обществом и всегда проводил время с нами. Авель не отлучался из дому ни на один день за всю свою жизнь. Ведь правда, голубчик?

– Правда, душенька, – подтвердил старичок. – Если только не считать его поездки на побережье, в Маргет, со школьным учителем мистером Томкинли. Они уехали в субботу и вернулись в понедельник, – но вы помните, душенька, сколько здоровья ему это стоило?

– Потому что не привык к таким отлучкам, – сказала старушка. – Он там совсем истосковался без нас – ни поговорить, ни душу отвести не с кем.

– Совершенно верно, матушка, – снова послышался тот же тихий, тоненький голос. – Мне было так не по себе, так одиноко! Подумать только – ведь нас с вами разделяло море! Никогда не забуду, как я страдал, поняв, что между нами лежит море!

– Что вполне понятно, – заметил нотариус. – Такие чувства делают честь натуре мистера Авеля, и вашей натуре, сударыня, и натуре его отца, и вообще человеческой натуре. И то же самое благородство души проявляется во всем его поведении, столь сдержанном и скромном. А сейчас, как вы изволите увидеть, я поставлю под этим документом свою подпись, которую засвидетельствует мистер Чакстер, затем прижму пальцем вот эту голубую облатку с зазубренными краями и произнесу внятным голосом – не пугайтесь, сударыня, так уж полагается, – что документ сей обладает законной силой. Мистер Авель распишется под другой облаткой, произнесет те же кабалистические слова, и на том дело и кончится. Ха-ха-ха! Видите, как все просто!

Наступила короткая пауза, во время которой мистер Авель, вероятно, проделывал то, что от него требовалось, после чего снова произошел обмен рукопожатиями, послышалось шарканье ног, потом звон бокалов, – и все заговорили разом. Минут через пятнадцать в дверях появился мистер Чакстер (с пером за ухом и с пылающей от винных паров физиономией), который сначала изволил пошутить, назвав Кита «пройдошливым юнцом», а затем сообщил ему, что гости сейчас выйдут.

И они действительно не замедлили выйти. Мистер Уизерден – круглолицый, цветущего вида живчик с весьма галантными манерами – вел старушку, а за ними, под руку, следовали отец с сыном. Мистер Авель, до странности старообразный молодой человек, выглядел почти одних лет с отцом и был удивительно похож на него и лицом и фигурой, хотя вместо отцовского бьющего через край благодушия в нем чувствовалась какая-то робость и сдержанность. Во всем же остальном – в опрятности костюма и даже в хромоте – они были точной копией друг друга.

Усадив старушку в фэзтон, мистер Авель помог ей оправить накидку и положить поудобнее корзиночку, служившую неотъемлемой частью ее туалета, потом сел на заднее сиденье, вероятно, специально для него приспособленное, и улыбнулся всем по очереди, начиная с матушки и кончая пони. Тут поднялась страшная возня: пони никак не хотел закинуть голову и взять в рот мундштук, – но наконец даже с этим было покончено; старичок забрался на свое место и, переложив вожжи в левую руку, сунул правую в карман – за шестипенсовиком для Кита.

Но такой монеты не нашлось ни у него самого, ни у старушки, ни у мистера Авеля, ни у нотариуса, ни у мистера Чакстера. Старичку казалось, что шиллинга будет много, но разменять монету было негде, и он отдал ее Киту.

– Вот, получай. В понедельник я приеду сюда в это же время, и чтобы ты был на месте, дружок. Придется тебе отработать шесть пенсов, – сказал он с улыбкой.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Кит. – Я обязательно приду.

Он говорил совершенно серьезно, но все весело рассмеялись над ним, а мистер Чакстер – тот просто зашелся от хохота, восхищенный столь остроумной шуткой. Пони бодрой рысью тронул с места, почувствовав, что теперь можно и домой, или же решив про себя никуда больше не возить хозяев (что, собственно, было одно и то же), и Кит, не успев объясниться толком, пошел своей дорогой. Он потратил свои сокровища до последнего пенни, зная, чего не хватает у них в хозяйстве, не забыл купить и корма для драгоценной птицы и помчался домой в таком упоении от своей удачи, что ему уже начинало казаться, будто Нелл с дедом пришли к ним и сейчас ждут его возвращения.

Глава XV

В то первое утро после ухода из дому, пока они шли безмолвными городскими улицами, девочка то и дело вздрагивала от смешанного чувства надежды и страха, когда в какой-нибудь фигуре, едва различимой в ясной дали, ее воображение улавливало сходство с верным Китом. Но хотя она с радостью протянула бы ему руку и поблагодарила бы его за сказанные напоследок слова, все же ей становилось легче, как только выяснялось, что приближающийся прохожий не Кит, а совсем незнакомый человек. И не только потому, что ее пугала мысль о встрече дедушки с Китом, – нет, ей было бы сейчас тяжело всякое прощание, а особенно прощание с тем, кто так верно и преданно служил им. Довольно и того, что позади оставались безгласные вещи и предметы, не ведающие ни ее любви, ни ее горя. Прощание с единственным другом на пороге этого безрассудного путешествия разбило бы ей сердце.

Почему нам всегда легче примириться с расставанием мысленно, чем на деле? И почему, решившись на него с должным мужеством, мы боимся сказать слово «прости» вслух? Как часто накануне многолетней разлуки или долгого путешествия люди, нежно привязанные друг к другу, обмениваются обычным взглядом, обычным рукопожатием, словно еще надеясь на завтрашнее свидание, тогда как каждый из них прекрасно знает, что это всего лишь жалкая уловка, чтобы уберечься от боли, которую влекут за собой слова прощания, и что предполагаемой встрече не бывать. По-видимому, неизвестность страшнее действительности? Ведь никто из нас не сторонится умирающих друзей, и сознание, что нам не удалось по-настоящему проститься с тем, кого в последний раз мы оставили, полные любви и нежности, способно иногда отравить нам остаток наших дней.

Город радовался утреннему свету; места, казавшиеся ночью такими подозрительными и страшными, теперь будто улыбались, а ослепительные солнечные лучи, танцующие на оконных стеклах и пробирающиеся сквозь шторы и занавески к глазам спящих, заливали золотом даже сновидения и гнали прочь ночные тени. Птицы в душных комнатах, наглухо укрытые от света, почувствовали наступление утра и беспокойно заматались в своих маленьких темницах; востроглазые мыши попрятались в норки и робко сбились там в кучку; холеная кошка, забыв об охоте, сидела и шурилась на золотые полосы, протянувшиеся сквозь замочную скважину и дверную щель, и ей не терпелось шмыгнуть на волю и погреться на солнце. Более благородные звери, запертые в клетках, стояли не двигаясь и не сводили глаз, в которых еще жило отражение дикой лесной чащи, с солнечных бликов, играющих в маленьком оконце под самой крышей, и с трепещущей за ним листвы, а потом принимались беспокойно ходить взад и вперед по доскам, истоптанным их плененными ногами, и снова замирали в неподвижности, глядя за решетку. Узники в тюремных казематах расправляли онемевшие от холода руки и ноги и проклинали камень, который не прогреть даже ясному солнцу. Цветы, спавшие ночью, открывали свои кроткие глаза и обращали их навстречу дню. Свет – разум творения – был повсюду, и животворная сила его сообщалась всему.

Двое странников молча продолжали свой путь, то пожимая друг другу руку, то обмениваясь улыбкой или бодрым взглядом. Несмотря на приветливо льющийся свет, что-то торжественное чувствовалось в длинных безлюдных улицах, лишенных своего обычного выражения и характера, словно это были тела, погруженные в мертвый сон, стирающий всякое различие между ними. В этот ранний час кругом стояла такая тишина, что двое-трое бледных прохожих, попавшихся им навстречу, были так же неуместны здесь, как и непотушенные кое-где подслеповатые фонари, казавшиеся беспомощными и жалкими по сравнению с великолепием солнца.

Они еще не успели проникнуть в самый лабиринт людского жилья, который отделял их от городских окраин, как облик улиц начал мало-помалу меняться, покоряясь шуму и суете. Первыми нарушили чары подводы и грохочущие дилижансы; сначала они появлялись пооди-

ночке, потом все чаще и чаще, экипажей все прибывало, и наконец улицы заполнились ими. На первых порах каждое открытое окно лавки привлекало к себе внимание путников, но скоро стали редкостью закрытые; потом из труб медленно повалил дым, поднялись оконные рамы, впуская свежий воздух в комнаты, распахнулись двери, и служанки, лениво поглядывающие куда угодно, только не на свои метлы, начали вздымать тучи бурой пыли прямо в глаза шарахнувшимся в сторону прохожим или с грустным видом слушали рассказы молочников о сельских ярмарках и о том, что через час-другой с извозчицких дворов выедут фургоны с парусиновыми навесами и прочими удобствами да еще с любезными кавалерами в придачу.

Миновав эту часть города, дед и внучка вступили в более оживленные кварталы – святилище коммерции и бойкой торговли, куда стекалось множество людей и где деловая жизнь была уже в разгаре. Старик бросал по сторонам испуганные, растерянные взгляды, ибо этих-то мест ему и хотелось избежать. Прижав палец к губам, он повел девочку извилистыми переулками и узкими дворами и, когда эти места остались далеко позади, все еще оглядывался и бормотал, что погибель и разорение, таящиеся здесь за каждым углом, увяжут за ними, учуяв их следы, а поэтому отсюда надо бежать как можно скорее.

Но вот и эта часть города пройдена, и они вошли в беспорядочно раскинувшееся предместье, где убогие, поделенные на маленькие квартиры домишки и заклеенные бумагой, заткнутые тряпками окна говорили о том, что здесь ютится армия бедноты. Здешние лавки торговали теми товарами, какие покупают только неимущие; продавцы и покупатели одинаково погибали в тисках нужды. Обитатели многих улиц, бедняки из благородных, загнанные в каморки, все еще пытались бороться за свое утлое существование на этом зыбком островке с помощью тех скудных крох, что остались им после кораблекрушения. Но сборщики податей и заимодавцы бывали и тут частыми гостями, и нищета, еще кое-как боровшаяся, вряд ли менее бросалась в глаза своим убожеством, чем та, которая давно сдалась и вышла из игры.

Эта была длинная, очень длинная дорога, но вид ее оставался неизменным, ибо тот скромный люд, что плетется следом за роскошью, разбивает свои шатры на много миль вокруг ее стана. Сырые, в пятнах плесени дома – многие с наклейками о сдаче внаем, многие еще в лесах, многие недостроенные, но уже разрушающиеся; каморки и углы, которые нищие жильцы снимают у таких же нищих хозяев, так что трудно сказать, кто из них больше заслуживает сожаления; на каждой улице копошащиеся в пыли полуголодные оборвыши-дети; сердитые матери в стоптанных туфлях, гоняющиеся за ними с громкой бранью; худо одетые, хмурые отцы, спешащие на работу, которая дает им «хлеб их насущный», а больше, пожалуй, ничего; мелкие лавочники, прачки, гладильщицы, сапожники, портные, расположившиеся со своим ремеслом в жилых комнатах, кухнях, чуланах, на чердаках и сплошь и рядом уютящиеся скопом под одной крышей; кирпичные заводы, между ними грядки с овощами, огороженные клепками от старых бочек или украденными где-нибудь поблизости, на пожарище, обгорелыми досками с вздувшимися от огня пузырями краски; целые насыпи из устричных раковин, перепревшего сорняка, бурьяна и крапивы; маленькие диссидентские часовни, вещающие, не испытывая недостатка в наглядных примерах, о горести земного существования, и много новеньких церквей, слишком пышных для того, чтобы указывать путь на небеса.

Наконец и эти улицы мало-помалу кончились, сошли на нет: их сменили небольшие огороды, незнакомые с побелкой лачуги из старого теса или обломков разошедшихся барж, зеленых, как растущие по соседству тугие капустные кочны, и усыпанных по швам лишаями плесени и накрепко присосавшимися улитками. Вслед за этим показались бойкие коттеджи – парами, при них садики с выведенными по линейке клумбами, жестким буксовым бордюром и узкими дорожками, по которым, очевидно, не ступала человеческая нога. Потом появилась харчевня с чайными столиками на воздухе и лужайкой для игры в шары. Харчевня была свежеекрашена в зеленую и белую краску и взирала свысока на своего дряхлого соседа – постоянный двор с колодой у коновязи; за харчевней – луга, а затем коттеджи побольше и посolidнее, стоявшие

поодиночке, каждый сам по себе, с газонами, а некоторые даже со сторожкой привратника. Потом шлагбаум; за ним снова луга, на них копны сена и кое-где деревья, потом холм... и путник, остановившись на его вершине и взглянув сначала на окутанный дымом древний собор Св. Павла с крестом, играющим в лучах солнца (если день был ясный), а потом вниз, на Вавилон, породивший этот собор, мог проследить границы воинственного царства извести и кирпича – вплоть до отдаленных его форпостов, один из которых вырвался к самому подножью холма, – и, окинув все это взглядом, сказать: «Теперь мои счеты с Лондоном покончены».

Неподалеку от такого места старик и его маленький вожатый (если, не зная, куда лежит их путь, девочка могла служить ему вожатым) сели отдохнуть на веселой лужайке. Перед уходом из дому Нелли уложила в корзинку несколько кусков хлеба и мяса, и теперь они приступили к своему скромному завтраку.

Свежесть утра, пение птиц, колеблемая ветром трава, темно-зеленые кроны деревьев, полевые цветы и множество тончайших запахов и звуков, плывущих в воздухе, – какую великую радость приносит все это большинству из нас, а особенно тем, кто всегда окружен шумной толпой или же, напротив, живет одиноко и чувствует себя в большом городе словно в бадье, затонувшей на дне колодца! И как глубоко проникло все это в сердце наших странников, как утешило их! Девочка еще ранним утром прочла свои безыскусственные молитвы, может быть впервые в жизни так вникая в их смысл, но сейчас они опять сами собой полились из ее уст. Старик молча снял шляпу. Где ему было помнить слова! Он мог только похвалить их и сказать «аминь».

Дома на полке у них стояла потрепанная книжка с диковинными картинками – «Путь паломника», над которой девочка часто засиживалась по вечерам, размышляя, правда ли все то, что в ней написано, и где находятся эти далекие страны с такими причудливыми названиями. Задумавшись о покинутом доме, она вдруг вспомнила одну главу из этой книги.

– Дедушка, милый, – сказала она, – здесь гораздо лучше и красивей, чем в том месте, которое нарисовано в книжке, и все-таки мне кажется, что мы с тобой, точно Христиан, сложили на траву все наши заботы и горести и никогда больше не поднимем их.

– Да... и никогда больше не вернемся туда... никогда не вернемся! – подхватил старик, махнув рукой по направлению к городу. – Теперь мы с тобой свободны, Нелл. Больше нас туда не заманят.

– Ты не устал? – спросила девочка. – Ты не заболеешь после такой долгой дороги?

– Мы ушли отсюда – значит, я больше никогда не заболею, – последовал ответ. – Нам надо уйти дальше, как можно дальше. Еще рано останавливаться, рано отдыхать. Пойдем!

На лугу был небольшой чистый пруд, где девочка вымыла руки, лицо и ноги, прежде чем пускаться в дальнейший путь. Ей хотелось, чтобы дед тоже освежился; она усадила его на траву и, черпая воду пригоршнями, умыла ему лицо и утерла его своим платьем.

– Я сам теперь ничего не могу, – пробормотал старик. – Не знаю, как это получилось... Раньше все делал сам, но то время прошло. Не оставляй меня, Нелл! Скажи, что не оставишь! Моя любовь к тебе не угасла, верь мне! Если я и тебя потеряю, радость моя, мне останется только одно – умереть!

Он уронил голову ей на плечо и жалобно застонал. Случись это раньше – каких-нибудь несколько дней назад, девочка не удержалась бы от слез и заплакала бы вместе с ним. Но сейчас она принялась мягко и нежно утешать деда, улыбкой разогнала его страх перед будто грозящей им разлукой и обратила его слова в шутку. Старик скоро успокоился и, напевая что-то вполголоса, заснул, словно маленький ребенок.

Он проснулся бодрый, и они двинулись дальше. Дорога шла полями и прекрасными пастбищами, над которыми жаворонок напевал свою веселую песенку, замерев высоко-высоко в прозрачно-голубом поднебесье. Ветер прилетал полный ароматов, собранных по пути, и пчелы,

подхваченные этой благовоющей волной, вились вокруг, сонным жужжаньем выражая свое удовольствие.

В этих местах, среди открытых полей, жилье встречалось редко, иной раз на расстоянии нескольких миль одно от другого. Время от времени попадались теснившиеся кучками скромные домики; кое-где в открытых дверях был поставлен стул или положена низкая перекладина, чтобы дети не выбегали на дорогу; другие стояли запертые, так как хозяева всей семьей работали в поле. Такие домики часто служили началом маленькой деревушки, и вскоре вслед за ними показывалась мастерская колесника или кузница, потом богатая ферма, во дворе которой дремали коровы, а лошади смотрели через низкую каменную стену на дорогу и, чуть завидя своих сородичей в упряжке, галопом уносились прочь, словно гордясь дарованной им свободой. Были здесь и свиньи, которые взрывали землю в поисках лакомств и недовольно похрюкивали, слоняясь с места на место и натываясь друг на друга. Голуби, распушив перья, осторожно семенили вдоль края крыши и горделиво выступали по карнизам; гуси и утки, мнившие себя куда более грациозными по сравнению с голубями, вперевалку расхаживали по берегу пруда или бойко скользили по его поверхности. Ферма оставалась позади, показывалась маленькая гостиница, за ней такая же скромная пивная и деревенская лавочка, потом дома стряпчего и пастора, чьи грозные имена повергали пивную в дрожь; потом из рощицы скромно выглядывала церковь, еще несколько маленьких домиков, а за ними арестный дом, загон для скота, а нередко и глубокий пересохший колодец у придорожной насыпи. Потом и справа и слева начинались обнесенные живой изгородью поля и между ними вновь вилась широкая дорога.

Странники шли весь день, а ночь провели в маленьком коттедже, где сдавались койки. Утро застало их уже на ногах, и хотя первое время идти им было трудно, все же они вскоре победили усталость и быстро продолжали свой путь. Они часто останавливались, но не надолго, и снова шли дальше, несмотря на то что с утра им удалось только раз подкрепиться едой. Было уже около пяти часов пополудни, когда они поравнялись с группой крестьянских домиков, и девочка стала грустно заглядывать в каждый по очереди, не зная, где можно попроситься отдохнуть и купить немного молока.

Сделать выбор оказалось нелегко, потому что она робела, боясь получить отказ. В одном доме плакал ребенок, в другом раскричалась на кого-то хозяйка. Тут слишком убого, там слишком людно. Наконец она остановилась у дома, где вся семья собралась за столом, – остановилась главным образом потому, что увидела старика, сидевшего в мягком кресле ближе всех к очагу, и подумала, что он, верно, тоже дед и сжалится над ее спутником.

Кроме старика, за столом сидели хозяин с женой и трое ребятишек, загорелых и румяных, как яблочки.

Просьбу Нелл сейчас же уважили. Старший мальчик побежал за молоком, второй притащил к дверям две табуретки, а самый младший вцепился матери в юбку и устался на незнакомцев, держа загорелую ручонку козырьком у глаз.

– Да хранит вас Бог, добрый человек! – дрожащим, тоненьким голосом проговорил старик. – И далеко вы путь держите?

– Да, сэр, далеко, – ответила Нелли, так как дед молча взглянул на нее.

– Из Лондона? – спросил старик. Девочка ответила утвердительно.

А! Он тоже часто бывал в Лондоне – ездил туда с подводами. Последний раз года тридцать два назад, – говорят, с тех пор там все изменилось. Что ж, очень возможно! Его самого тоже не узнать. Тридцать два года – немалый срок, а восемьдесят четыре – немалый возраст, хотя он знал людей, которые доживали до ста, и здоровье у них было не такое крепкое, как у него, – куда там, и сравнивать нельзя!

– Садитесь, добрый человек, вот сюда, в кресло, – сказал старик, изо всех своих слабых сил постучав палкой по каменному полу. – Возьмите понюшку из моей табакерки. Я сам редко этим балуюсь, очень уж дорог табак, но иной раз вот как подкрепишься! Ведь вы по сравнению

со мной совсем юноша. У меня сын был бы такой, доживи он до ваших лет, да завербовали его в солдаты, и вернулся он домой без ноги. Бедный мой сынок все просил, чтобы его схоронили у солнечных часов, на которые он лазал еще мальчишкой. Вот и сбылось его желание, можете сами посмотреть могилу. Мы следим за ней, подстригаем траву.

Старик покачал головой и, обратив к дочери слезящиеся глаза, сказал, что больше он не обмолвится об этом ни словом и, стало быть, нечего ей тревожиться. Он никого не хочет огорчать, а если кто-нибудь огорчился, пусть не взыщет, вот и все.

Принесли молоко, девочка взяла свою корзинку, выбрала что повкуснее для деда, и они сытно поужинали. Убранство комнаты было, разумеется, очень скромное – несколько простых стульев и стол, угольный буфет с фаянсовой и глиняной посудой, пестро расписанный поднос, на котором была изображена дама в ярко-красном платье, прогуливающаяся под ярко-голубым зонтиком, по стенам и над камином обычные цветные литографии в рамках на темы из Священного Писания, старенький пузатый комод, часы с восьмидневным заводом да несколько ярко начищенных кастрюль и чайник. Но все это содержалось в порядке и чистоте; и, оглядевшись по сторонам, девочка почувствовала здесь довольство и уют – то, от чего она давно отвыкла.

– А далеко отсюда до какого-нибудь города или деревни? – спросила она хозяина.

– Все пять миль будет, милочка, – последовал ответ. – Да ведь вы не пойдете на ночь глядя?

– Нет, пойдем, пойдем, Нелл, – заторопился ее дед, сопровождая свои слова знаками. – Будем в пути хоть до полуночи. Чем дальше уйдем, дорогая, тем лучше.

– Тут неподалеку есть теплый сарай, – сказал хозяин, – а то можно переночевать в гостинице «Борона и плуг». Не в обиду вам будь сказано, но, по-моему, вы оба устали. Куда вам спешить?..

– Нет, мы спешим, – волнуясь, прервал его старик. – Пойдем, Нелл! Прошу тебя, пойдем!

– Нам правда нужно идти, – сказала девочка, подчиняясь желанию деда. – Большое вам спасибо, но мы остановимся где-нибудь дальше. Дедушка, я готова.

Однако хозяйка заметила по походке маленькой странницы, что у нее стерта нога, и, будучи женщиной, а к тому же и матерью, она до тех пор не отпустила девочку, пока не промыла ей больное место и не смазала его каким-то простым домашним снадобьем. Все это было сделано так заботливо и с такой нежностью – пусть заскорузлой и огрубевшей рукой, – что переполненное благодарностью сердце Нелл не позволило ей сказать ничего другого, кроме трепетного «да благословит вас Бог». Она оглянулась лишь тогда, когда домик остался позади, и, оглянувшись, увидела, что вся семья, не исключая и дряхлого старика, стоит посреди дороги, глядя им вслед. Приветливо кивая друг другу и махая рукой (причем с одной стороны это прощанье вряд ли обошлось без слез), они расстались.

Шагая с трудом и гораздо медленнее, чем раньше, дед и внучка прошли около мили, но вот позади послышался стук колес, и они увидели быстро нагонявшую их повозку. Поравнявшись с ними, возница придержал лошадь и внимательно посмотрел на Нелли.

– Это не вы останавливались отдохнуть вон в том доме? – спросил он.

– Да, сэр, – ответила девочка.

– Так вот, меня просили подвезти вас, – сказал возница. – Нам по дороге. Дайте руку, хозяин, взбирайтесь сюда.

Это было большим облегчением для измученных, еле передвигавших ноги путников. Тряская повозка показалась им роскошным экипажем, а самая езда восхитительной. Нелли не успела устроиться на соломе в задке, как тут же заснула – впервые за весь день.

Она открыла глаза, когда повозка остановилась у поворота на проселочную дорогу. Не поленившись прыгнуть, возница помог ей слезть и сказал, что город вон в той стороне, где

деревья, и что к нему надо идти тропинкой, которая ведет через кладбище. Туда они и пошли усталым, медленным шагом.

Глава XVI

Когда они подошли к кладбищенской калитке, откуда начиналась тропинка, солнце уже садилось и, подобно дождю, который кропит праведных и неправедных, бросало свои теплые блики даже на место успокоения мертвых, обещая им, что утром оно засияет снова. Церковь была старая, замшелая, сплошь увитая по стенам и у паперти плющом. Сторонясь памятников, плющ взбирался на могильные холмики, где спал скромный бедный люд, и сплетал ему венки – первые полученные им венки, которые увянут не так скоро и, может статься, будут гораздо долговечнее тех, что глубоко высечены на камне или мраморе и прославляют добродетели, почему-то стыдливо замалчиваемые в течение многих лет и открывшиеся только душеприказчикам и убитым горем наследникам усопших.

Лошадь священника глухо постукивала копытами среди могил и щипала траву во славу покойных прихожан, а также в подтверждение текста о бренности плоти, легшего в основу последней воскресной проповеди. Тощий осел, который, не будучи приобщен к церковному причту, все же был не прочь и сам дать собственное толкование этому тексту, стоял один в загоне и, наострив уши, не сводил голодных глаз со своей причисленной к духовному званию товарки.

Старик и девочка свернули с усыпанной гравием дорожки и пошли между могилами, где их усталым ногам было легче ступать по мягкой земле. Зайдя за церковь, они услышали неподалеку голоса, а вскоре увидели и тех, кому эти голоса принадлежали.

Два человека, удобно расположившиеся на траве, так были поглощены своим делом, что не сразу заметили подошедших. Люди эти, видимо, принадлежали к братству бродячих комедиантов – к той их разновидности, которая показывает проделки Панча, ибо сей герой с крючковатым носом, и подбородком, и сияющей физиономией, скрестив ноги, восседал на памятнике позади них. Невозмутимость нрава этого персонажа, может быть, никогда еще не проявлялась с большей очевидностью, потому что привычная улыбка не сходила с его уст, хотя сидел он в крайне неудобной позе, поникнув всем своим бесформенным, хлипким телом и свесив длинный колпак на несуразно тонкие ноги, с риском каждую минуту потерять равновесие и упасть вниз головой.

Остальные действующие лица лежали кто на траве у ног своих хозяев, кто вповалку в продолговатом плоском ящике. Супруга и единственное чадо Панча, лошадка на палочке, лекарь, иностранный джентльмен, который по незнанию языка объясняется во время спектаклей только при помощи слова «шалабала», повторяемого троекратно, сосед-радикал, не желающий считаться с тем, что жестяной колокольчик – это все равно что орган, палач и дьявол, – все были здесь. Их хозяева, видимо, пришли сюда, чтобы произвести необходимую починку реквизита, так как один из них связывал ниткой развалившуюся виселицу, а другой, вооружившись молотком и гвоздиками, прилаживал новый черный парик на оплешивевшую от побоев голову соседа-радикала.

Когда старик и его маленькая спутница подошли к ним, они бросили работу и с любопытством уставились на незнакомцев. Первый, по всей вероятности кукольник, – маленький человечек с веселой физиономией, лукавыми глазками и красным носом, – судя по всему, перенял кое-какие черты характера у своего героя. Второй – он, должно быть, собирал деньги с публики – производил впечатление человека недоверчивого и очень себе на уме, что, может статься, тоже объяснялось родом его занятий.

Маленький кукольник первый приветствовал подошедших кивком головы и, поймав взгляд старика, устремленный на кукол, высказал предположение, что ему, наверно, никогда еще не приходилось видеть Панча вне сцены. (Кстати сказать, Панч показывал в эту минуту кончиком колпака на велеречивую эпитафию и потешался над ней от всей души.)

– А почему вы пришли с починкой именно сюда? – спросил старик, опускаясь рядом на траву и с нескрываемым восхищением глядя на кукол.

– Да понимаете ли, – ответил маленький человечек, – у нас сегодня представление в здешнем трактире, и не годится, чтобы наши актеры ремонтировались у всех на виду.

– Не годится? – воскликнул старик, знаками приглашая Нелл слушать. – А почему не годится? Почему?

– Потому что тогда не останется никакой иллюзии, а без иллюзии смотреть будет неинтересно, – последовал ответ. – Вот, скажем, если бы лорд-канцлер принимал вас запросто, без парика, – питали бы вы к нему почтение? Разумеется, нет!

– Правильно! – Старик боязливо дотронулся до одной из кукол и, засмеявшись дребезжащим смешком, тотчас же отдернул руку. – Значит, сегодня вечером у вас будет представление? Да?

– Таковы наши намерения, почтеннейший, – подтвердил маленький балагур. – И, если я не ошибаюсь, Томми Кодлин в эту самую минуту подсчитывает, во сколько нам обойдется встреча с вами. Ничего, Томми, не унывай, убыток будет небольшой!

И кукольник подмигнул, ясно давая понять, какого он мнения о финансах обоих путников.

Мистер Кодлин – личность угрюмая и ворчливая – рывком снял Панча с надгробного памятника и, швырнув его в ящик, ответил:

– Одним фартингом больше, одним меньше – мне все равно, но меру-то надо знать! Постоял бы с мое перед занавесом да посмотрел на публику, тогда научился бы разбираться в людях.

– Эх, Томми! Сгубило тебя твое новое ремесло! – возразил ему товарищ. – Играл ты привидения в настоящем театре на ярмарках – и во все верил, кроме привидений. А теперь кругом изверился. Переменился человек, просто не узнать!

– Ну и пусть! – сказал мистер Кодлин философически разочарованным тоном. – Зато я набрался ума-разума, хоть подчас и сам об этом жалею.

Он перешвырял всех кукол в ящике с таким видом, точно они не вызывали у него никаких других чувств, кроме презрения, и, вынув одну, показал ее своему приятелю:

– Вот, полюбуйся! Джуди опять вся в лохмотьях. Иголки с ниткой у тебя, конечно, не найдется?

Кукольник покачал головой и сокрушенно почесал в затылке, посмотрев на примадонну, представшую перед ним в столь неприглядном виде. Девочка поняла всю затруднительность их положения и робко сказала:

– У меня в корзинке есть иголка и нитки, сэр. Дайте я починю. Мне это легче сделать, чем вам.

Мистер Кодлин и тот не нашел что возразить против предложения, которое пришлось так кстати. Опустившись на колени перед ящиком, Нелли сразу же принялась за работу и справилась со своей задачей на славу.

Пока она возилась с куклой, маленький балагур с интересом присматривался к ней, и интерес этот ничуть не уменьшался, когда его взгляд падал на ее беспомощного спутника. Как только Нелли кончила починку, он поблагодарил ее и спросил, куда они идут.

– Сегодня мы, пожалуй... дальше не пойдем, – ответила девочка, глядя на деда.

– Если вы ищете, где переночевать, – сказал кукольник, – советую вам остановиться в той же гостинице, где и мы. Видите низенький белый дом? Там дешево берут.

Несмотря на усталость, старик готов был всю ночь просидеть здесь со своими новыми знакомцами, но такой совет пришелся ему по душе. Они поднялись и все вместе вышли с кладбища; старик, как очарованный, держался поближе к ящику с куклами, висевшему у маленького балагура на лямке через плечо, Нелли вела деда за руку, а мистер Кодлин медленно плелся

сзади и по привычке, выработавшейся у него во время городских гастролей, бросал взгляды то на колокольню, то на верхушки деревьев, точно выискивая окна гостиных и детских, под которыми стоило бы поставить раек.

Содержатели гостиницы – тучный старик и его жена – не отказались пустить новых постояльцев и, сразу же почувствовав расположение к Нелли, стали наперебой восхищаться ее милотой. Кроме двоих кукольников, в кухне никого не было, и девочка благословила случай, приведший их в такое хорошее место. Хозяйка удивилась, узнав, что они пришли пешком из Лондона, и стала допытываться о цели их путешествия, но Нелли не стоило большого труда отделаться от этих расспросов, так как старушка сразу почувствовала, насколько они неприятны ей, и заговорила о другом.

– Джентльмены просили подать им ужин через час, – сказала она, подводя Нелли к стойке, – и я советую вам поесть вместе с ними. А пока тебе надо немного подкрепиться, ведь, наверно, умаялась за день. Да не беспокойся ты о своем старичке! Выпей вот это сама, а потом и его угостим.

Но так как девочку никакими силами нельзя было заставить уйти от деда или полакомиться чем-нибудь, не отдав ему первому большей доли угощения, старушке пришлось угостить сначала его. Они подкрепились и вместе со всеми обитателями гостиницы поспешили в пустую конюшню, где стоял раек и где при свете нескольких свечей, наклепленных на подвешенный к потолку обруч, должно было состояться представление.

И вот наш мизантроп, мистер Томас Кодлин, надудевшись на губной гармонике до полной потери сил, стал по правую сторону от пестрого занавеса, скрывающего кукольника, засунул руки в карманы и приготовился отвечать на вопросы и замечания Панча, прикидываясь, что его связывают с этой личностью теснейшие приятельские отношения, что нет границ его вере в своего закадычного друга, который наслаждается жизнью в этой храмине и в любое время и при любых обстоятельствах сохраняет столь пленительную веселость и бойкость ума. Мистер Кодлин исполнял свою роль с видом человека, приготовившегося ко всему самому худшему и полностью положившегося на волю судьбы, что не мешало ему после каждой своей, хотя бы и мимоходом брошенной реплики медленно обводить глазами публику и с особенным вниманием присматриваться к хозяину и хозяйке, проверяя, какое впечатление производит спектакль на них, ибо это могло иметь немаловажные последствия в смысле ужина.

Но мистер Кодлин беспокоился напрасно: публика горячо аплодировала актерам, а щедрость, с какой поступали добровольные взносы, еще больше свидетельствовала о всеобщем восторге. Чаше и громче всех смеялся старик. Голоса Нелл не было слышно, – она, бедняжка, склонилась к деду на плечо и так крепко уснула, что все его попытки разбудить ее и убедить повеселиться вместе с ним ни к чему не привели.

Ужин был очень вкусный; но она и есть не могла от усталости и все-таки продолжала сидеть рядом со стариком, дожидаясь, когда его можно будет увести спать и поцеловать на ночь. А он, не чувствуя ни ее забот, ни ее тревоги, с блуждающей улыбкой восторженно ловил каждое слово своих новых друзей и согласился уйти наверх лишь тогда, когда те, громко зевая, отправились спать.

Деду и внучке отвели на ночь чердак, перегородженный пополам, но они и этому были рады. Старик долго не мог уснуть и попросил Нелл посидеть рядом с ним, как она сидела раньше. Девочка сейчас же откликнулась на его зов и не отходила от него до тех пор, пока он не забылся сном.

В ее уголке чердака было крохотное слуховое оконце, и она подошла к нему, дивясь царившей вокруг тишине. Старая церковь, могилы, освещенные луной, перешептывающиеся между собой деревья – все это навевало на нее множество мыслей. А потом она закрыла окно и, сев на кровать, задумалась о том, что ждет их впереди.

Денег у нее осталось немного – совсем немного. Скоро они кончатся, и им придется просить милостыню. Есть, правда, один золотой, и может настать время, когда его ценность возрастет для них во сто крат. Золотой этот лучше припрятать, оставить про черный день, когда надеяться уже будет не на что.

И она зашила золотую монету в платье, успокоившись, легла в постель и уснула глубоким сном.

Глава XVII

Ясный день, занявшийся в маленьком оконце, смело заявил о своем родстве с такими же ясными глазами Нелли и разбудил ее. Девочка в испуге приподняла голову с подушки, недоумевая, каким образом она очутилась в этой незнакомой комнате после того, как заснула, казалось бы, только вчера вечером, у себя дома. Но не прошло и минуты, как ей вспомнилось все, и она вскочила с кровати, полная надежды и веры в будущее.

Час был ранний, старик еще спал, и Нелли вышла и долго гуляла по кладбищу, стряхивая на ходу росинки с высокой травы и то и дело сворачивая в сторону, в густые заросли, чтобы не ступать по могилам. Она испытывала странное удовольствие, бродя по этой обители мертвых, читая эпитафии на могильных плитах, под которыми покоились добрые люди (а здесь было похоронено много добрых людей), и со все возрастающим интересом переходила от одной могилы к другой.

На кладбище было очень тихо, как и подобает такому месту. Тишину его нарушало только карканье грачей, свивших себе гнезда на высоких старых деревьях и перекликавшихся друг с другом в вышине. Сначала каркнула одна глянцеви́то-черная птица, описывавшая круги над своим нескладным жильем, которое покачивалось из стороны в сторону на ветру, – каркнула сдержанно, видимо невзначай, как бы разговаривая сама с собой. Ей ответила другая, и тогда первая каркнула громче; потом в разговор вступила третья, за ней четвертая; и первая, возмущенная тем, что ей осмелились перечить, продолжала настаивать на своем, с каждым разом все упорнее и упорнее. Птицы, молчавшие до сих пор, подали голос с нижних, верхних, средних веток, справа и слева и с самых верхушек деревьев. Другие подоспели к ним с обомшелых церковных башенок, с карнизов старой колокольни и присоединились к общему гомону, который то разгорался, то затихал, то поднимался с новой силой, то опять шел на убыль, но не прекращался ни на минуту. И эта оглушительная перепалка сопровождалась полетами взад и вперед, непрестанной переменой мест, перепархиванием с ветки на ветку, точно птицы издевались и над былой неутомимостью тех, кто недвижно покоился теперь под дерном и мхом, и над бесцельной борьбой, на которую человек кладет все свои силы.

То и дело поднимая глаза на деревья, откуда шли эти звуки, и чувствуя, что они сообщают такой покой кладбищу, какого не могла бы придать ему самая глубокая тишина, девочка медленно переходила от могилы к могиле, заботливой рукой оправляла плети ежевики, не дававшие зеленым холмикам осыпаться, и заглядывала сквозь оконную решетку в церковь, где на пюпитрах лежали почти истлевшие молитвенники, а с деревянных перил, обнажая доски, свисало сукно, когда-то зеленое, теперь же покрытое пятнами плесени. Она видела скамьи, такие же высохшие и пергаментно-желтые от времени, как те убогие старики и старухи, которые сживали на них из года в год, видела покоробленную купель, в которой младенцы получали имя при крещении, бедный алтарь, у которого они преклоняли колена, став взрослыми людьми, простые, покрашенные черной краской носилки, которые принимали на себя их тяжесть, когда прохладная, тихая старая церковь в последний раз оказывала им гостеприимство. Все здесь было изношенное, все незаметно, медленно увядало. Даже веревка, спускавшаяся в придел с колокольни, была вся обтрепанная и седая от старости.

Нелл смотрела на скромный надгробный камень с надписью, говорившей о том, что здесь покоится молодой человек двадцати трех лет, умерший пятьдесят пять лет назад, как вдруг позади послышались чьи-то нетвердые шаги, и, оглянувшись, она увидела сгорбленную, дряхлую старуху; та подошла к ней и попросила прочесть ей вслух эпитафию. Когда Нелл кончила читать, старуха поблагодарила ее и сказала, что она давным-давно заучила эти слова наизусть, но разобрать их теперь сама не может.

– Вы его мать? – спросила девочка.

– Я была его женой, дитя мое.

Как! Это – жена двадцатитрехлетнего человека? Да, правда! Ведь с тех пор прошло пятьдесят пять лет!

– Тебе странно это слышать, – сказала старуха, покачивая головой. – Ну, что ж, не ты первая, постарше тебя люди удивлялись. Да, я была его женой. Смерть меняет нас не больше, чем жизнь, дитя мое.

– А вы часто приходите сюда? – спросила девочка.

– Летом часто, – ответила старуха. – Приду, посижу... Раньше все ходила погоревать, поплакать около могилы, но это было давным-давно, Господи, твоя воля! Маргаритки отсюда ношу домой, когда они распускаются, – продолжала она после недолгого молчания. – За последние пятьдесят пять лет я ни одни цветы так не любила. Да... годы прошли немалые, состарили они меня.

И, обрадовавшись новому слушателю, хоть и ребенку, старуха пустилась рассказывать, как она со слезами и стенаниями вымаливала себе смерть, когда муж у нее умер, и как надеялась, придя сюда впервые молодой женщиной, полной безграничной любви и безграничного горя, что сердце ее на самом деле разорвется от тоски. Те дни давно миновали, и хотя печаль никогда не оставляла ее, все же с годами мучительная боль утихла, и посещение кладбища стало для нее долгом – но долгом приятным. Теперь, спустя пятьдесят пять лет, она говорила о покойном, словно он – юноша во цвете лет, приходился ей сыном или внуком, и превозносила его мужественность и красоту, сетуя на свою дряхлость и немощность. И в то же время она говорила о нем как о муже, ушедшем от нее будто только вчера, говорила о их грядущей встрече в ином мире и, отрешаясь от своего настоящего, вспоминая себя совсем юной, вновь переживала счастье той миловидной молоденькой женщины, которая, казалось, умерла вместе с ним.

Нелли оставила ее собирать цветы, росшие на могиле, и в задумчивости пошла назад в гостиницу.

Старик уже встал и оделся к ее приходу. Мистер Кодлин, по-прежнему обреченный иметь дело с прозаической стороной жизни, укладывал в свой узелок с бельем огарки, оставшиеся после вчерашнего представления, а его товарищ выслушивал комплименты от своих почитателей, толпившихся у конюшни, ибо те, не умея провести должную грань между ним и несравненным Панчем, отводили ему первое место после этого веселого разбойника и любили его ничуть не меньше. Приняв дань всеобщего поклонения, он явился в гостиницу, и они сели за завтрак все вместе.

– Куда же вы сегодня пойдете? – спросил маленький кукольник, обращаясь к Нелли.

– Я, право, не знаю... мы еще сами не решили, – ответила девочка.

– А мы собираемся на скачки, – сказал он. – Если вам с нами по пути и если вы не гнушаетесь нашим обществом, давайте пойдем вместе. А хотите одни странствовать, так и говорите, никто вас неволить не будет.

– Мы пойдем с вами, – сказал старик. – Нелл! С ними пойдем, с ними!

Девочка минуту подумала и, вспомнив, что ей скоро надо будет просить милостыню и что вряд ли найдется более подходящее место для этого, чем скачки, куда приезжает поразвлечься и повеселиться столько богатых леди и джентльменов, решила до поры до времени не отставать от кукольников. Она поблагодарила маленького балагура и, бросив застенчивый взгляд на его приятеля, согласилась идти с ними до города – если никто не будет возражать.

– Возражать? – воскликнул маленький балагур. – Ну, Томми! Прояви любезность хоть раз в жизни и скажи, что тебе хочется идти вместе с ними. Я же знаю, что хочется! Надо быть любезным, Томми!

– Коротыш! – сказал мистер Кодлин, который имел обыкновение говорить медленно, а есть быстро и жадно, что часто бывает свойственно философам и мизантропам. – Ты ни в чем не знаешь меры.

– Да кому это может повредить? – не унимался тот.

– На сей раз, пожалуй, никому, – ответил мистер Кодлин, – но само по себе это опасно. Как я тебе уже говорил, ты ни в чем не знаешь меры.

– Ну хорошо. Идти им с нами или нет?

– Пусть идут, – сказал мистер Кодлин. – Только напрасно ты не повернул дело так, будто это одолжение с нашей стороны.

Фамилия маленького кукольника была Гаррис, но постепенно она уступила место менее благозвучному наименованию – Коротыш с приставкой Шиш, каковому он был обязан своими короткими ногами. Однако такое сложное прозвище оказалось неудобным в дружеском общении, и джентльмен, к которому оно относилось, был известен в кругу приятелей как просто Шиш или просто Коротыш, а полностью – Шиш-Коротыш – именовался только в официальной обстановке и в особо торжественных случаях.

Так вот, Шиш – или Коротыш, как читателю будет угодно – ответил на замечание своего друга, мистера Кодлина, шуткой, рассчитанной на то, чтобы умерить недовольство этого джентльмена, и, с аппетитом набросившись на холодную говядину, чай и хлеб с маслом, стал убеждать своих сотрапезников последовать его примеру. Впрочем, мистер Кодлин не нуждался ни в каких уговорах, так как он уже успел вместить сколько мог и теперь услаждал свою плоть крепким элем, молча, но с явным наслаждением отхлебывая этот напиток и никого не угощая им, что лишний раз указывало на мизантропический склад его ума.

Как только завтрак был съеден, мистер Кодлин пожелал расплатиться и, отнеся эль за счет всей компании (прием, тоже в какой-то мере объясняющийся мизантропией), по справедливости разделил всю сумму на две равные части, одна из которых пришлась на долю их – кукольников, а другая на долю девочки и старика. Когда все было уплачено полностью и сборы закончены, они простились с хозяевами и отправились в путь-дорогу.

И вот тут-то стало совершенно очевидным, какое ложное положение занимал в обществе мистер Кодлин и как это растравляло ему душу, ибо всего лишь накануне он слышал от мистера Панча почтительное обращение «хозяин» и старался внушить зрителям, что держит при себе этого молодца исключительно ради удовольствия, потворствуя своей прихоти, а сегодня ему приходилось сгибаться под тяжестью храмины этого самого Панча и тащить ее на спине в душный день по пыльной дороге. Ухмыляющийся Панч, вместо того чтобы развлекать патрона неугасимым огнем острот или расправой со своими родственниками и знакомыми при помощи дубинки, весь обмякший, без малейших признаков позвоночника, валялся в темном ящике, закинув ноги за шею, и ничем не напоминал прежнего остролова и весельчака.

Мистер Кодлин медленно тащился по дороге, изредка обмениваясь двумя-тремя словами с Коротышом, и время от времени останавливался отдохнуть и поворчать. Коротыш выступал впереди с плоским ящиком, с узелком (отнюдь не обременительным), в который были увязаны личные пожитки их обоих, и с медным рожком, болтавшимся у него за спиной. Нелл и ее дед шли по правую и по левую руку от него, а Томас Кодлин замыкал шествие.

Когда они подходили к какому-нибудь городу, или деревне, или даже к одиноким, зажиточным на вид домам, Коротыш трубил в медный рожок и разудалым голосом, который свойствен Панчам и их спутникам, исполнял один-два куплета своей песенки. Если в окнах показывались любопытные, мистер Кодлин ставил раек на землю и, быстро спустив занавес, прятал за ним Коротыша, а сам принимался истерически дудеть на губной гармонике. Представление начиналось немедленно; ответственность за него лежала на мистере Кодлине, который решал самолично, оттянуть или ускорить окончательную победу героя над врагом рода человеческого, в зависимости от того, какой предполагался денежный урожай – обильный или скудный. Когда

же он был собран до последнего фартинга, мистер Кодлин снова взваливал свою ношу на спину, и они шли дальше.

Им приходилось показывать Панча за переход моста или вместо платы паромщику, а однажды они сделали привал у шлагбаума, так как сборщик, который скрашивал свою одинокую жизнь вином, не пожалел шиллинга и заказал представление для себя одного. В следующем небольшом, но многообещающем местечке все их надежды на большой сбор рухнули, потому что в одном из главных действующих лиц спектакля, щеголявшем в камзоле с золотыми брыжами и отличавшемся крайним тупоумием и назойливостью, местные власти усмотрели прямой выпад против церковного старосты и потребовали немедленного изгнания Панча. Но обычно кукольникам оказывали хороший прием, а проводы редко когда обходились без того, чтобы толпы уличных ребятишек не бежали с криками за ними по пятам.

Несмотря на такие задержки, за день они проделали немало миль, и луна, показавшаяся на небе, застала их все еще в пути. Шиш коротал время песнями и шутками, умея находить приятную сторону во всем, что бы с ними ни случилось, мистер же Кодлин проклинал свою судьбу, а заодно и всю пустопорожнюю дребедень на свете (в особенности Панча), и ковылял по дороге с райком на спине, терзаясь своими горькими мыслями.

На отдых расположились под дорожным столбом у перекрестка, и мизантропический мистер Кодлин опустил занавес на райке, залез в него и уселся там на самое дно, выражая этим полное презрение к своим ближним, как вдруг с поворота дороги, по которой они только что шли, на них стали надвигаться две чудовищные тени. Девочка испугалась долговязых великанов, величественно выступавших под придорожными деревьями, но Коротыш успокоил ее и тут же исполнил туш на рожке, на который ему ответили веселыми криками.

– Грайндеровская братия? – громко осведомился он.

– Да! Да! – откликнулось сразу несколько голосов.

– Подходите, – сказал Коротыш. – Дайте на себя полюбоваться. Я так и думал, что это вы. «Грайндеровская братия» поспешила на его зов и скоро поравнялась с ними.

Труппа мистера Грайндера, именуемая за просто «братией», состояла из юного джентльмена, юной леди на ходулях и самого мистера Грайндера, который пользовался в целях передвижения данными ему от природы ногами и тащил на спине барабан. Молодежь была одета в костюмы шотландских горцев, как во время выступлений перед публикой, но, поскольку к вечеру становилось прохладно и сыро, юный джентльмен набросил поверх шотландской юбочки матросскую куртку с чужого плеча, доходившую ему до щиколоток, а голову прикрыл шляпой с круглыми полями. Девица же куталась в старенький бурнус и была повязана носовым платком. Их шотландские шапочки, украшенные иссиня-черными перьями, мистер Грайндер нес на своем инструменте.

– На скачки направляетесь? – сказал мистер Грайндер, тяжело переводя дух. – Мы тоже. Здравствуй, Коротыш!

И они обменялись дружеским рукопожатием. Молодые люди, вознесшиеся слишком высоко для обычных приветствий, поздоровались с Коротышом по-своему. Юный джентльмен поднял правую ходулю и похлопал его по плечу, а юная леди тряхнула тамбурином.

– Упражняются? – спросил Коротыш, показывая на ходули.

– Нет, – ответил Грайндер. – Просто не хотят тащить их на себе. Им больше нравится вот так шагать, и окрестности сверху лучше видно. Вы какой дорогой пойдете? Мы ближней.

– Мы, собственно говоря, шли самой дальней, – сказал Коротыш, – потому что думали остановиться на ночлег, до него не больше полутора миль. Но если выгадать сегодня две-три мили, на завтра меньше останется. Так что не отправиться ли нам вместе с вами?

– А где твой компаньон? – спросил Грайндер.

– Здесь он! – крикнул мистер Томас Кодлин, высунув голову на авансцену и скорчив такую физиономию, какую там не часто приходилось созерцать. – Здесь! И вот что он вам ска-

жет: ему приятнее будет увидеть, как его компаньон заживо сварится в кипятке, чем тащиться дальше на ночь глядя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.